УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
19 октября 2016 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (2016)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Кассационное определение, не содержащее ответов на доводы кассационных жалоб участников уголовного судопроизводства, следует признавать вынесенным с нарушением положений чч. 3 и 4 ст. 389[28] УПК РФ и подлежащим отмене с передачей дела на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном гл. 47[1] УПК РФ.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) З. осужден по ч. 2 ст. 290, ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор и последующие судебные решения в отношении З. изменены, исключено указание о признании «совершения умышленных преступлений сотрудником органа внутренних дел» отягчающим наказание обстоятельством и смягчено назначенное ему наказание.

Осужденный в надзорной жалобе просил об отмене кассационного определения, указывая, что Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не рассмотрена кассационная жалоба, поданная в его защиту адвокатом, которая дополняла его позицию, что повлияло на принятие судом кассационной инстанции правильного решения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил кассационное определение и передал уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном гл. 47[1] УПК РФ, указав следующее.

В силу ч. 3 ст. 401^{14} УПК РФ постановление (определение) суда кассационной инстанции должно соответствовать требованиям, предусмотренным чч. 3 и 4 ст. 389^{28} УПК РФ. При этом в описательно-мотивировочной части кассационного постановления (определения), помимо мотивов принятого решения, указываются основания, по которым приговор или иное обжалуемое судебное решение признается законным, а жалоба или представление – не подлежащими удовлетворению, либо основания полной или частичной отмены или изменения такого решения.

По данному уголовному делу эти требования закона в полном объеме не были выполнены.

Из материалов уголовного дела усматривается, что кассационные жалобы осужденного и его защитника вместе с уголовным делом были переданы для рассмотрения судом кассационной инстанции, по итогам которого Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации внесены в приговор и последующие судебные решения изменения, связанные с назначением ему наказания.

Что касается кассационной жалобы адвоката, переданной на рассмотрение суда кассационной инстанции одновременно с кассационной жалобой осужденного, то она, как следует из материалов уголовного дела, не была рассмотрена.

Между тем в данной кассационной жалобе защитника, изложенной на 22 страницах, содержались, в том числе, доводы о необоснованном отклонении ходатайств стороны защиты об отводе судьи, о недопустимости доказательств, обосновывающих вывод суда о виновности З., в частности, материалов оперативно-розыскных мероприятий, о неправильной оценке показаний ряда лиц в связи с их заинтересованностью в исходе дела, о нарушении судьей тайны совещательной комнаты.

Однако в кассационном определении эти и другие доводы, приведенные в кассационной жалобе адвоката, не отражены и ответы на них не даны, какое-либо решение по указанной жалобе защитника судом кассационной инстанции не принято.

Таким образом, оставление без рассмотрения кассационной жалобы, поданной адвокатом в защиту осужденного, свидетельствует о существенном нарушении уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, которое повлекло нарушение права осужденного на защиту и повлияло на исход дела, что в соответствии с ч. 1 ст. 412^{9} УПК РФ является основанием для отмены кассационного определения.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 54-П16

2. Неизвещение представителя потерпевшего о времени рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции является нарушением процессуальных прав потерпевшего и влечет отмену апелляционного определения с передачей уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение.

По приговору от 23 октября 2015 г. З. осужден по ч. 5 ст.291^1, по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ и по ч. 3 ст. 306 УК РФ.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе потерпевший Б. просил о пересмотре судебных решений, ссылаясь на то, что его представитель – адвокат С. не была извещена о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции. Указанное нарушение прав потерпевшего, по его мнению, повлияло на исход дела, при рассмотрении которого были оставлены без должной оценки доводы о чрезмерной мягкости назначенного осужденному наказания.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил апелляционное определение и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 389^{11} УПК РФ о месте, дате и времени начала рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции стороны должны быть извещены не менее чем за 7 суток до дня судебного заседания.

По данному уголовному делу эти требования закона в полном объеме не были выполнены.

Как усматривается из материалов дела, адвокатом С., представлявшим интересы потерпевшего Б. в суде первой инстанции, была подана апелляционная жалоба на приговор суда в отношении З., в которой была выражена просьба «обеспечить ее участие» при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции.

В указанной апелляционной жалобе, а также в приобщенном к ней ордере адвоката указан адрес юридической консультации, однако извещение о месте, дате и времени начала рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции было направлено адвокату С. по другому адресу.

Согласно сообщению заместителя начальника управления федеральной почтовой связи, уведомление адвокату С. по указанному им адресу не было доставлено адресату.

В материалах дела также не имеется данных об извещении потерпевшего Б. о месте, дате и времени рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции.

При таких обстоятельствах при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции было допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 61-П16С

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

I. Разрешение споров, возникающих из солидарной ответственности

1. Исполнение одним из поручителей обязательства в полном объеме прекращает обязательство должника перед кредитором, но не перед этим поручителем, к которому перешло право требования как к должнику, так и к другому поручителю, если иное не установлено договором поручительства.

Поручители, которые совместно дали обязательство отвечать по обязательствам должника, отвечают как солидарные должники.

В. обратился в суд с иском к обществу и М. о солидарном взыскании в порядке регресса суммы долга.

Судом установлено, что 5 июля 2012 г. между банком (кредитором) и обществом (заемщиком) заключен кредитный договор, согласно которому банк предоставил заемщику целевой кредит на финансирование текущей деятельности (обеспечение заявки на участие в открытых аукционах в электронном виде). По условиям кредитного договора в обеспечение обязательств заемщик предоставил кредитору в залог недвижимость, принадлежащую на праве собственности В. (три земельных участка), поручительство В., поручительство М.

5 июля 2012 г. между банком и В. был заключен договор поручительства, по условиям которого В. обязался перед банком отвечать полностью за исполнение заемщиком своих обязательств по целевому кредитному договору от 5 июля 2012 г.

В этот же день между банком и М. был заключен договор поручительства, по условиям которого М. также обязалась перед банком отвечать полностью за исполнение заемщиком своих обязательств по тому же целевому кредитному договору.

3 декабря 2014 г. В. полностью погасил задолженность общества перед кредитором.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что в силу п. 1 ст. 365 ГК РФ к В. как к поручителю, исполнившему обязательство, перешли права кредитора в том объеме, в котором он удовлетворил требование кредитора, поэтому он вправе взыскать уплаченную сумму с заемщика и второго поручителя.

Отменяя решение в части взыскания суммы с поручителя, суд апелляционной инстанции указал, что в силу ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается с прекращением обеспеченного им обязательства. Заключенный между банком и обществом договор расторгнут решением суда от 6 мая 2014 г. при взыскании задолженности по кредиту, поэтому поручительство М. прекращено. Кроме того, В. не является правопреемником банка по решению о солидарном взыскании долга с общества, и М. не вправе требовать взыскания по данному решению.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело в кассационном порядке, с выводом суда апелляционной инстанции не согласилась.

В соответствии со ст. 363 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя.

Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства.

Лица, совместно давшие поручительство, отвечают перед кредитором солидарно, если иное (ответственность в долях) не предусмотрено договором поручительства.

Права кредитора по обязательству переходят к поручителю на основании закона вследствие исполнения обязательства поручителем должника (подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 365 ГК РФ к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора.

Правила, установленные данной статьей, применяются, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором поручителя с должником и не вытекает из отношений между ними.

Если обязательство перед кредитором будет исполнено одним из лиц, совместно давших поручительство, к нему переходит требование к

должнику. Сопоручитель, исполнивший обязательство по договору поручительства, может предъявить к должнику требование об исполнении обязательства, права по которому перешли к сопоручителю в соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ. До исполнения должником обязательства поручитель, исполнивший договор поручительства, вправе предъявить регрессные требования к каждому из других сопоручителей в сумме, соответствующей их доле в обеспечении обязательства. Названные доли предполагаются равными (подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ), иное может быть предусмотрено договором о выдаче поручительства или соглашением сопоручителей. К сопоручителям, уплатившим свои доли полностью или в части, переходит требование к должнику в соответствующей части.

Уплата должником всей суммы долга сопоручителю, полностью исполнившему договор поручительства, по смыслу ст. 329 ГК РФ, прекращает его регрессные требования к другим сопоручителям.

Из приведенных норм права следует, что В. как один из поручителей, исполнивший обязанности заемщика, вправе требовать от другого поручителя и должника исполнения обязательства.

Предусмотренных ст. 387 ГК РФ оснований для прекращения поручительства не имеется. Обязанность должника по возврату денежных средств не прекратилась: должник не является обязанным лицом перед банком, однако является обязанным лицом перед поручителем, выплатившим сумму задолженности.

Выводы суда апелляционной инстанции об обратном являются неправильными, основаны на ошибочном толковании норм права.

Для определения меры ответственности должника и поручителя необходимо выяснение того, являются ли лица, заключившие договоры поручительства с банком, сопоручителями и какова доля каждого в обеспечении обязательства.

Суд квалифицирует поручительство нескольких лиц как совместное, если будет установлено наличие соответствующего волеизъявления указанных лиц, направленного именно на совместное обеспечение обязательства.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Однако вопрос о направленности волеизъявления поручителей не был исследован судами.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия отменила апелляционное определение, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 18-КГ15-164

II. Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

2. Споры, связанные с отказом гражданам в бесплатной приватизации занимаемых ими по договорам социального найма жилых помещений, разрешаются в судебном порядке независимо от ведомственной принадлежности жилого фонда, в котором находится данное жилье.

Л.Л. обратилась в суд с иском к департаменту жилищного обеспечения Минобороны России, Минобороны России, ФГКУ «Дальневосточное территориальное управление имущественных отношений» Минобороны России, ФГКУ «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России о признании права собственности на жилое помещение в порядке приватизации. В обоснование требований истец указала, что по договору социального найма ее супругу Л.И. предоставлена однокомнатная квартира, находящаяся в жилом доме военного городка, расположенного в населенном пункте. Истец в качестве члена семьи Л.И. вселена и зарегистрирована на данной жилой площади. Учитывая, что с военного городка снят статус закрытого военного городка, Л.Л. обращалась к ответчикам с заявлениями о передаче спорного жилого помещения в ее собственность в порядке приватизации, в чем ей было отказано в связи с отсутствием механизма передачи в собственность жилых помещений из фонда Минобороны России.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции указал на то, что вопрос о передаче жилых помещений в собственность граждан отнесен законодательством к компетенции соответствующих органов, к которым суд в силу закона изначально не относится, поскольку признание самим судом за стороной истца права собственности на спорное жилое помещение в порядке приватизации выходит за рамки компетенции судебных органов и нарушает конституционный принцип разделения властей, что не может быть признано допустимым.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно указав, что судебный порядок приватизации жилищного фонда законом не предусмотрен.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 2 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» граждане Российской Федерации, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или

муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, вправе приобрести их на условиях, предусмотренных названным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, в общую собственность либо в собственность одного лица, в том числе несовершеннолетнего, с согласия всех имеющих право на приватизацию данных жилых помещений совершеннолетних лиц и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

Статьей 4 указанного закона определен исчерпывающий перечень жилых помещений, которые независимо от вида собственности (государственная или муниципальная) приватизации не подлежат.

Таким образом, по смыслу данных норм, граждане Российской Федерации, имеющие право пользования жилыми помещениями на условиях социального найма, могут приобрести в собственность бесплатно жилые помещения, находящиеся не только в муниципальном, но и в государственном жилищном фонде.

Как установлено судом, спорное жилое помещение предоставлено супругу истца по договору социального найма.

Спорное жилое помещение относится к государственному жилищному фонду и находится в оперативном управлении ФГКУ «Дальневосточное территориальное управление имущественных отношений» Минобороны России.

При таких обстоятельствах с учетом приведенных выше норм права у Л.Л. возникло право на приватизацию занимаемого жилого помещения.

Отказывая в иске, суд сделал вывод о том, что признание судом за стороной истца права собственности на спорное жилое помещение в порядке приватизации выходит за рамки компетенции судебных органов и нарушает конституционный принцип разделения властей (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

Между тем ст. 6 Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (далее – Закон о приватизации жилищного фонда) определено, что передача жилых помещений в собственность граждан осуществляется уполномоченными собственниками указанных жилых помещений, органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также государственными или муниципальными унитарными предприятиями, за которыми закреплен жилищный фонд на праве хозяйственного ведения, государственными или муниципальными учреждениями, казенными предприятиями, в оперативное управление которых передан жилищный фонд.

Согласно разъяснениям, изложенным в пп. 5, 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской

Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», требования граждан о бесплатной передаче жилого помещения в общую собственность всех проживающих в нем лиц либо в собственность одного или некоторых из них (в соответствии с достигнутым между этими лицами соглашением) подлежат удовлетворению независимо от воли лиц, на которых законом возложена обязанность по передаче жилья в собственность граждан, так как ст. 2 Закона о приватизации жилищного фонда наделила граждан, занимающих жилые помещения в домах государственного и муниципального жилищного фонда по договору социального найма, правом с согласия всех проживающих совершеннолетних членов семьи и проживающих с ними несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет приобрести эти помещения в общую собственность (долевую или совместную).

Исходя из смысла преамбулы и ст. 1, 2 указанного закона гражданам не может быть отказано в приватизации занимаемых ими жилых помещений на предусмотренных этим законом условиях, если они обратились с таким требованием.

Согласно ст. 8 Закона о приватизации жилищного фонда решение вопроса о приватизации жилых помещений должно приниматься по заявлениям граждан в двухмесячный срок со дня подачи документов. В случае нарушения прав гражданина при решении вопросов приватизации жилых помещений он вправе обратиться в суд.

Следовательно, если гражданин по независящим от него причинам не может реализовать свое право на приватизацию занимаемого им по договору социального найма жилого помещения, то он вправе обратиться с иском о признании за ним права собственности в судебном порядке.

Определение № 64-КГ16-1

3. Право пользования жилым помещением может быть сохранено за бывшей супругой нанимателя жилого помещения, являющейся матерью его несовершеннолетних детей, вселенных в данное жилое помещение в установленном порядке, на срок, который необходим для реализации возложенных на нее законом родительских обязанностей по их воспитанию и содержанию.

Т.Г. и Б.Т. с учетом уточненных требований обратились в суд с иском к Т.Н., действующей в своих интересах и в интересах несовершеннолетнего Т.А., о признании не приобретшей право пользования жилым помещением, выселении Т.Н. и Т.А. из указанной квартиры без предоставления другого жилого помещения. Требования мотивированы тем, что Т.А.А. (бывший супруг Т.Н.) при жизни

зарегистрировал в квартире их общих детей: Т.К. и Т.В. После смерти Т.А.А. в 2011 году Т.Н. вселилась в спорное жилое помещение и заняла комнату, в которой проживает вместе с детьми, в том числе с несовершеннолетним Т.А. Поскольку Т.Н. и Т.А. в спорном жилом помещении не зарегистрированы, истцы полагают, что ответчики не приобрели право пользования спорным жильем, просят об их выселении.

Т.Н. иск не признала, обратилась в суд со встречным иском к Т.Г. и Б.Т., в котором просила признать за собой право пользования спорным жилым помещением и определить срок проживания в нем до совершеннолетия дочери Т.В. В обоснование требований Т.Н. сослалась на то, что состояла в браке с Т.А.А. В спорную квартиру вселилась с согласия Т.Г. и Б.Т., проживает в данной квартире по настоящее время с тремя детьми: Т.К., 2006 года рождения, Т.В., 2009 года рождения (рожденными от брака с Т.А.А.), и Т.А., 2014 года рождения, оплачивает коммунальные платежи. Т.К. и Т.В. приобрели право пользования спорным жилым помещением, однако, будучи несовершеннолетними, самостоятельно реализовать это право не могут.

Т.Н., действующая в своих интересах и в интересах несовершеннолетнего Т.А., возражала против удовлетворения первоначального иска.

Решением суда иск Т.Г., Б.Т. удовлетворен. Т.Н. и Т.А. признаны не приобретшими право пользования спорной квартирой и выселены из нее. Встречный иск Т.Н. оставлен без удовлетворения.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что ответчик Т.Н. и ее малолетний сын Т.А. не приобрели право пользования спорным жилым помещением как лица, вселенные в установленном законом порядке с согласия всех совершеннолетних членов семьи нанимателя. Основания для проживания Т.Н. в спорном жилом помещении до совершеннолетия ее дочери Т.В. отсутствуют, поскольку у ответчика в собственности имеется жилое помещение, в котором она зарегистрирована по месту жительства и может проживать с детьми. Общая площадь данного жилого помещения превышает размер комнаты, занимаемой ею в спорной квартире. По мнению суда, права детей Т.Н. не нарушаются.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления по следующим основаниям.

В силу положений ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или

законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

В Конвенции отмечается, что государства-участники Конвенции убеждены в том, что семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимые защита и содействие с тем, чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества. В соответствии со ст. 9 Конвенции государства-участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка.

Часть 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации предусматривает, что материнство и детство, а также семья находятся под защитой государства. Одновременно положения ст. 1 СК РФ определяют, что семейное законодательство исходит из необходимости построения семейных отношений на взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и возможности судебной защиты этих прав. Часть 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации обеспечивает государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства.

Согласно п. 2 ст. 54 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

Ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных названным кодексом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом (п. 1 ст. 56 СК РФ).

Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами (п. 1 ст. 63 СК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства несовершеннолетних детей, не достигших четырнадцати лет, признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов.

Между тем суды не приняли во внимание приведенные выше положения материального закона в части защиты прав несовершеннолетних детей Т.Н. – Т.К. и Т.В.

Из материалов дела следует, что несовершеннолетние дети Т.К. и Т.В. проживают в спорной квартире и приобрели право пользования жилым помещением, что подтверждается вступившим в законную силу решением районного суда. Другого жилого помещения для проживания дети не имеют. Несовершеннолетний Т.К. обучается в гимназии по месту жительства, одновременно занимается спортивной гимнастикой в специализированной детско-юношеской школе олимпийского резерва. Несовершеннолетняя Т.В. проходит обучение в подготовительной группе для поступления в гимназию.

В спорную квартиру Т.Н. была вселена в 2006 году после вступления в брак с Т.А.А. и проживает с несовершеннолетними детьми в ней постоянно, в том числе после смерти супруга, место жительства не меняла. Квартира, собственником которой на момент рассмотрения дела судами первой и апелляционной инстанций являлась Т.Н., непригодна для проживания, что подтверждается актом обследования жилищных условий. Т.Н. также ссылалась на то, что при рассмотрении судом первой инстанции ее заявления об отсрочке исполнения решения о выселении в материалы дела были представлены документы, подтверждающие отчуждение квартиры третьему лицу на основании соглашения об отступном в счет уплаты долга умершего супруга.

Имеются сведения о том, что Т.Н. относится к категории малоимущих граждан, находится в отпуске по уходу за ребенком, не достигшим возраста трех лет. Доказательств наличия другого жилого помещения для проживания Т.Н. и ее детей материалы дела не содержат.

Учитывая, что спорная квартира является постоянным и единственным местом жительства несовершеннолетних Т.В. и Т.К., которые в силу малолетнего возраста лишены возможности самостоятельно определять свое место жительства и не могут проживать без законного представителя, суду надлежало разрешить вопрос о возможности сохранения права пользования жилым помещением за Т.Н. на определенный срок для реализации возложенных на нее законом родительских обязанностей по воспитанию, содержанию несовершеннолетних детей, осуществлению ежедневной заботы о них, которая невозможна при раздельном проживании. Вследствие смерти отца несовершеннолетних возложение таких обязанностей возможно только на их мать – Т.Н.

При определении продолжительности срока, на который за Т.Н. может быть сохранено право пользования жилым помещением, суду первой инстанции при новом рассмотрении дела следует исходить из общих положений п. 2 ст. 20 ГК РФ, принципа разумности и

справедливости, конкретных обстоятельств дела, учитывая материальное положение данного лица, способность его обеспечить себя иным жилым помещением, возможность совместного проживания сторон в одном жилом помещении, и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Определение № 5-КГ16-20

III. Разрешение споров, связанных с реализацией прав граждан на пенсионное обеспечение

4. В случае предоставления женщинам отпусков по беременности и родам в период работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости и включаемой в специальный стаж на льготных условиях, периоды таких отпусков также подлежат включению в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, в льготном исчислении.

Е. обратилась в суд с иском о признании незаконным решения пенсионного органа в части отказа в досрочном назначении трудовой пенсии по старости в связи отсутствием необходимого специального стажа лечебной деятельности в учреждениях здравоохранения.

Судом установлено, что 4 августа 2014 г. Е. обратилась в пенсионный орган с заявлением о досрочном назначении трудовой пенсии по старости на основании подп. 20 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

Решением пенсионного органа от 19 сентября 2014 г. Е. отказано в досрочном назначении трудовой пенсии по старости в связи с отсутствием необходимого специального стажа лечебной деятельности в учреждениях здравоохранения. При этом периоды работы Е. в должности медицинской сестры палатной отделения анестезиологии-реанимации и медицинской сестры-анестезиста отделения анестезиологии-реанимации больницы с 23 июля 1996 г. по 31 октября 1999 г. зачтены ответчиком в специальный стаж в льготном исчислении как 1 год и 6 месяцев за 1 год работы, период нахождения в отпуске по беременности и родам с 16 апреля по 18 сентября 2000 г. зачтен в стаж в календарном исчислении (1 год за 1 год), период работы в должности медицинской сестры-анестезиста в отделении анестезиологии-реанимации с 12 августа 2002 г. по 31 декабря 2007 г. и период работы в должности старшей медицинской сестры в отделении анестезиологии-реанимации с 1 января 2008 г. по 4 августа 2014 г. зачтены в специальный стаж как 1 год и 6 месяцев за 1 год работы.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования в части включения в специальный стаж периода нахождения Е. в отпуске по беременности и родам с 16 апреля по 18 сентября 2000 г. в льготном исчислении, суд первой инстанции со ссылкой на постановление Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1999 г. № 1066 «Об утверждении Списка должностей, работа в которых засчитывается в выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет в связи с лечебной и иной работой по охране здоровья населения, и Правил исчисления сроков выслуги для назначения пенсии за выслугу лет в связи с лечебной и иной работой по охране здоровья населения» исходил из того, что оспариваемый период приходится на время работы Е. в должности медицинской сестры-анестезиста отделения анестезиологии-реанимации больницы, которая зачтена ответчиком в специальный стаж работы истца в льготном исчислении как 1 год и 6 месяцев за 1 год работы, в связи с чем пришел к выводу о наличии оснований для включения оспариваемого периода в специальный трудовой стаж Е. в льготном исчислении как 1 год и 6 месяцев за 1 год работы.

Установив наличие у Е. необходимого специального стажа для досрочного назначения трудовой пенсии по старости в связи с осуществлением лечебной деятельности и иной деятельности по охране здоровья населения, в том числе с учетом включения в ее специальный стаж периода нахождения Е. в отпуске по беременности и родам с 16 апреля по 18 сентября 2000 г. в льготном исчислении, суд первой инстанции пришел к выводу о признании за ней права на досрочное назначение трудовой пенсии по старости с 4 августа 2014 г.

Отменяя решение суда в части удовлетворения требований Е. о включении в специальный стаж периода нахождения в отпуске по беременности и родам с 16 апреля по 18 сентября 2000 г. в льготном исчислении и признании за ней права на досрочное назначение трудовой пенсии по старости с 4 августа 2014 г. и отказывая в удовлетворении названных требований, суд апелляционной инстанции со ссылкой на Правила исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со ст. 27 и 28 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 516, исходил из того, что в период нахождения в отпуске по беременности и родам истец не осуществляла лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения, в связи с чем оснований для применения льготного порядка исчисления стажа за оспариваемый период не имеется.

Полагая, что у Е. отсутствует необходимый специальный стаж для досрочного назначения трудовой пенсии по старости в связи с осуществлением лечебной деятельности и иной деятельности по охране

здоровья населения, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отказе в удовлетворении требований о признании за ней права на досрочное назначение трудовой пенсии по старости с 4 августа 2014 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с подп. 20 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», действовавшего на момент возникновения спорных отношений, трудовая пенсия по старости ранее достижения возраста, установленного ст. 7 данного федерального закона, назначается лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения не менее 25 лет в сельской местности и поселках городского типа и не менее 30 лет в городах, сельской местности и поселках городского типа либо только в городах, независимо от их возраста.

Согласно п. 2 ст. 27 названного закона списки соответствующих работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых назначается трудовая пенсия по старости в соответствии с п. 1 этой статьи, правила исчисления периодов работы (деятельности) и назначения указанной пенсии при необходимости утверждаются Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 г. № 781 утверждены Список должностей и учреждений, работа в которых засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществляющим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, в соответствии с подп. 20 п. 1 ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее – Список), и Правила исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, в соответствии с подп. 20 п. 1 ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее – Правила).

Согласно разделу «Наименование должностей» Списка право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости предоставлено среднему медицинскому персоналу, работающему в учреждениях, перечисленных в этом же списке в разделе «Наименование учреждений».

На основании п. 5 Правил периоды работы в должностях в учреждениях, указанных в Списке, засчитываются в стаж работы в календарном порядке, за исключением случаев применения льготного

порядка исчисления стажа указанной работы, в частности, лицам, работавшим в структурных подразделениях учреждений здравоохранения в должностях по перечню согласно приложению, 1 год работы засчитывается в указанный стаж работы как 1 год и 6 месяцев (подп. «б» п. 5 Правил).

Приложением к названным правилам является Перечень структурных подразделений учреждений здравоохранения и должностей врачей и среднего медицинского персонала, работа в которых в течение года засчитывается в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, как 1 год и 6 месяцев.

В данном перечне в числе наименований структурных подразделений указаны отделения анестезиологии-реанимации, а также реанимации и интенсивной терапии учреждений, а в числе наименований должностей – должности медицинских сестер-анестезистов.

Аналогичный порядок исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости лицам, осуществлявшим лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, применялся и при ранее установленном правовом регулировании данных отношений.

Так, исчисление специального стажа предусматривалось для медицинских сестер-анестезистов, медицинских сестер отделений анестезиологии-реанимации, отделений реанимации и интенсивной терапии Правилами исчисления сроков выслуги для назначения пенсии за выслугу лет в связи с лечебной и иной работой по охране здоровья населения, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1999 г. № 1066 (п. 3 Правил). Названные правила действовали в период работы Е. в должности медицинской сестры-анестезиста отделения анестезиологии-реанимации больницы и нахождения ее в отпуске по беременности и родам с 16 апреля по 18 сентября 2000 г.

Отпуска по беременности и родам в силу ст. 255 Трудового кодекса Российской Федерации предоставляются женщинам по их заявлению и на основании выданного в установленном порядке листка нетрудоспособности продолжительностью 70 (в случае многоплодной беременности – 84) календарных дней до родов и 70 (в случае осложненных родов – 86, при рождении двух или более детей – 110) календарных дней после родов с выплатой пособия по государственному социальному страхованию в установленном федеральными законами размере.

Отпуск по беременности и родам исчисляется суммарно и предоставляется женщине полностью независимо от числа дней, фактически использованных ею до родов.

В соответствии с п. 5 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со ст. 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 516, периоды работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости, которая выполнялась постоянно в течение полного рабочего дня, засчитываются в стаж в календарном порядке, если иное не предусмотрено данными правилами и иными нормативными правовыми актами.

При этом в стаж включаются периоды получения пособия по государственному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности, а также периоды ежегодных основного и дополнительных оплачиваемых отпусков.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии», согласно п. 5 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со ст. 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 516, в стаж включаются периоды получения пособия по государственному социальному страхованию в период временной нетрудоспособности, а также периоды ежегодных основного и дополнительных оплачиваемых отпусков. С учетом того, что в период нахождения женщины в отпуске по беременности и родам, предусмотренном ст. 255 Трудового кодекса Российской Федерации, ей выплачивается пособие по государственному социальному страхованию на основании листка нетрудоспособности, выданного по случаю временной нетрудоспособности, указанный период также подлежит включению в стаж, дающий право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости.

Исходя из приведенного выше правового регулирования в случае предоставления женщинам отпусков по беременности и родам в период работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости и включаемой в специальный стаж на льготных условиях, периоды таких отпусков также подлежат включению в льготном исчислении в стаж работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости.

При разрешении данного спора судом установлено, что в период нахождения в отпуске по беременности и родам с 16 апреля по 18 сентября 2000 г. Е. занимала должность медицинской сестры-анестезиста отделения анестезиологии-реанимации больницы.

Между тем суд апелляционной инстанции не учел нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, а также разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сделал неправильный вывод о том, что период нахождения Е. в отпуске по беременности и родам с 16 апреля по 18 сентября 2000 г. может быть зачтен ей в специальный стаж только в календарном исчислении.

Определение № 18-КГ16-7

IV. Разрешение споров, связанных с назначением социальных выплат

5. Для определения размера единовременного пособия, подлежащего выплате военнослужащему, принимавшему участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом и получившему увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, подлежит применению закон, действовавший на момент получения таким лицом увечья.

Факт участия военнослужащих в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом подтверждается приказами командиров воинских частей, начальников штабов, оперативных и иных групп, утвержденными руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией.

Г. обратилась в суд с иском к Минобороны России о взыскании за счет средств федерального бюджета единовременного пособия в размере 300 000 руб. в связи с получением увечья при осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, повлекшего наступление инвалидности, и расходов на оплату услуг адвоката в размере 30 000 руб.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования частично удовлетворены. С Минобороны России в пользу Г. за счет средств федерального бюджета взыскано единовременное пособие в размере 300 000 руб., расходы на оплату услуг представителя в размере 20 000 руб. В удовлетворении остальной части иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления, как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права, и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

Судом установлено, что Г. с 25 апреля 1994 г. проходила военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – ВС РФ) в звании рядового (механик радиорелейной станции).

Согласно имеющейся в деле копии выписки из приказа временно исполняющего обязанности командира войсковой части от 3 марта 2000 г. Г. приказано полагать фактически принимавшей участие в проведении контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации в период с 5 по 29 февраля 2000 г.

Из заключения госпитальной военно-врачебной комиссии от 13 октября 2009 г. следует, что Г. 28 февраля 2000 г. при исполнении служебных обязанностей в Чеченской Республике получила травму пояснично-крестцового отдела позвоночника при высадке из машины (поскользнулась и упала на спину). Причинная связь имеющегося у Г. заболевания позвоночника, полученного в 2000 году, согласно названному заключению установлена в формулировке «военная травма», Г. признана ограниченно годной к военной службе (категория «В»).

Приказом командира войсковой части от 16 декабря 2009 г. Г. исключена из списков личного состава и уволена с военной службы с зачислением в запас по подп. «г» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» по состоянию здоровья в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годной к военной службе, ей назначена пенсия.

5 июля 2010 г. бюро медико-социальной экспертизы Г. установлена III группа инвалидности вследствие военной травмы.

Разрешая спор и принимая решение о частичном удовлетворении исковых требований Г., суд первой инстанции, ссылаясь на положения Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», постановления Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2008 г. № 105 «О возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью лиц в связи с их участием в борьбе с терроризмом», исходил из того, что Г. принимала участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом в период с 5 по 29 февраля 2000 г. на территории проведения контртеррористической операции, в данный период получила травму, впоследствии повлекшую за собой наступление инвалидности, в связи с чем суд пришел к выводу о наличии у истца права на выплату за счет средств федерального бюджета единовременного пособия в размере 300 000 руб. на основании положений п. 3 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

При этом суд первой инстанции указал, что право на единовременное пособие в размере 300 000 руб. возникло у истца с момента наступления инвалидности вследствие полученной военной травмы. По мнению суда, поскольку единственным правовым основанием для выплаты единовременного пособия на период рассмотрения судом

дела по иску Г. являлся Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», то при разрешении вопроса о размере единовременного пособия необходимо руководствоваться нормами данного федерального закона.

Отклоняя довод ответчика о том, что Г. уже получила единовременное пособие и страховые выплаты в соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», суд первой инстанции отметил, что Г. не приобрела права на получение единовременного пособия, предусмотренного п. 3 ст. 18 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», поскольку она не была уволена со службы с формулировкой «Д» – негоден к военной службе, что является обязательным условием для возникновения права на получение выплаты на основании указанной нормы. Также суд сослался на непредставление ответчиком доказательств получения истцом указанного единовременного пособия.

Между тем согласно п. 1 ст. 19 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (в редакции, действовавшей на момент получения Г. 28 февраля 2000 г. травмы) лица, участвующие в борьбе с терроризмом, находятся под защитой государства. Правовой и социальной защите в силу подп. 1 данной нормы подлежат военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, непосредственно участвующие (участвовавшие) в борьбе с терроризмом. Социальная защита лиц, привлекаемых к борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации (п. 2 ст. 19 названного закона).

Вред, причиненный здоровью или имуществу лиц, перечисленных в ст. 19 этого федерального закона, в связи с их участием в борьбе с терроризмом возмещается в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации (п. 1 ст. 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»).

Пунктом 3 ст. 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (в редакции, действовавшей на момент получения Г. 28 февраля 2000 г. травмы) было предусмотрено, что в случае, если лицо, принимавшее участие в борьбе с терроризмом, при проведении контртеррористической операции получило увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, этому лицу за счет средств федерального бюджета выплачивается единовременное пособие в размере пятисот минимальных размеров оплаты труда и назначается пенсия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» утратил силу с 1 января 2007 г. в связи с принятием Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

В соответствии с п. 3 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (статья 21 вступила в силу с 1 января 2007 г.) в случае, если лицо, принимавшее участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получило увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, этому лицу за счет средств федерального бюджета выплачивается единовременное пособие в размере 300 000 руб. и назначается пенсия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Из содержания действовавшего на момент получения травмы военнослужащей Г. п. 3 ст. 20 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» и действующего с 1 января 2007 г. п. 3 ст. 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» следует, что юридическим фактом, с которым приведенные положения законов связывают право лица, принимавшего участие в борьбе с терроризмом, на получение единовременного пособия в соответствующем размере, является получение этим лицом увечья, повлекшего наступление инвалидности. По своему характеру и публично-правовому предназначению единовременное пособие, выплачиваемое лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, относится к мерам социальной поддержки лиц, получивших при участии в указанных мероприятиях увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности и назначение пенсии, что свидетельствует о невозможности дальнейшего прохождения военной службы такими лицами.

Судом было установлено, что травма пояснично-крестцового отдела позвоночника, повлекшая впоследствии – 5 июля 2010 г. – наступление инвалидности, была получена Г. 28 февраля 2000 г., то есть до даты вступления в силу (1 января 2007 г.) п. 3 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», предусматривающего выплату единовременного пособия за счет средств федерального бюджета в размере 300 000 руб. при получении увечья лицом, принимавшим участие в борьбе с терроризмом, при проведении контртеррористической операции.

Статьей 27 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», определяющей, что данный федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования (10 марта 2006 г.), за исключением ст. 18, 19, 21 и 23, действие этого федерального закона не распространено на ранее возникшие отношения. Более того, в п. 2 данной нормы прямо указано, что ст. 18, 19, 21 и 23 названного федерального закона вступают в силу с

1 января 2007 г. (то есть действие п. 3 ст. 21 указанного федерального закона о выплате единовременного пособия в размере 300 000 руб. распространяется на отношения, возникшие с 1 января 2007 г.)

В других статьях Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» также не содержится норм о его распространении на отношения, возникшие до введения его в действие.

Следовательно, при определении размера единовременного пособия, подлежащего выплате лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получившему увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, подлежит применению закон, действовавший на момент получения таким лицом увечья. В данном случае к спорным отношениям подлежит применению п. 3 ст. 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (в редакции, действовавшей до 31 декабря 2000 г.), поскольку травма, на которую ссылалась Г. в обоснование исковых требований о выплате единовременного пособия в размере 300 000 руб., была получена ею 28 февраля 2000 г. Однако указанное обстоятельство при разрешении спора учтено не было, вследствие этого судебные инстанции неправомерно применили к спорным отношениям положения п. 3 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», не подлежащие применению.

При разрешении спора судами первой и апелляционной инстанций были допущены и другие существенные нарушения норм права.

Пунктом 5 ст. 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» было предусмотрено, что при одновременном возникновении в соответствии с законодательством Российской Федерации нескольких оснований для указанных в данной статье единовременных выплат выплата осуществляется по одному основанию по выбору получателя.

Аналогичная норма содержится в п. 6 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» (далее – Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ) определены условия и порядок государственного личного страхования военнослужащих в целях возмещения вреда, причиненного их жизни или здоровью в период прохождения ими военной службы.

Получение военнослужащими в случае наступления страхового случая страховых сумм в соответствии с нормами указанного федерального закона не препятствовало предоставлению им других денежных выплат, имеющих целью возмещение вреда здоровью, в частности единовременного пособия, установленного п. 3 ст. 18 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Пункт 3 ст. 18 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» утратил силу с 1 января 2012 г. в соответствии с Федеральным законом от 8 ноября 2011 г. № 309-ФЗ.

Пунктом 3 ст. 18 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в редакции, действовавшей на момент увольнения 16 декабря 2009 г. Г. с военной службы) было предусмотрено, что при досрочном увольнении военнослужащих с военной службы (отчислении с военных сборов граждан, призванных на военные сборы) в связи с признанием их негодными к военной службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы, им выплачивается единовременное пособие в размере 60 окладов денежного содержания, установленных на день выплаты пособия, – военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Данное пособие, представляющее собой дополнительную социальную гарантию, выплачивается военнослужащим при досрочном увольнении с военной службы в связи с признанием их негодными к военной службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии).

В связи с этим военнослужащим, имеющим право на получение единовременного пособия как на основании п. 3 ст. 18 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», так и на основании п. 3 ст. 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», выплачивается по их выбору одно единовременное пособие.

С учетом изложенного суд неправомерно со ссылкой на то, что у Г. не возникло право на получение единовременного пособия, предусмотренного п. 3 ст. 18 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», отклонил доводы ответчика о получении истцом единовременного пособия в соответствии с этим федеральным законом. Данное обстоятельство, подлежащее выяснению для правильного разрешения спора, в нарушение ст. 56 ГПК РФ не было вынесено на обсуждение и не получило правовой оценки суда.

Судами первой и апелляционной инстанций при разрешении исковых требований Г. также не принято во внимание то, что у нее отсутствовали необходимые условия (получение увечья при проведении контртеррористической операции, повлекшего за собой наступление

инвалидности; наличие статуса лица, принимавшего участие в проведении контртеррористической операции) для выплаты единовременного пособия как по нормам Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», так и по нормам Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Согласно п. 1 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2003 г. № 123 (далее – Положение о военно-врачебной экспертизе) (в редакции, действовавшей на момент освидетельствования Г. госпитальной военно-врачебной комиссией 13 октября 2009 г.), военно-врачебная экспертиза проводится в мирное и военное время в ВС РФ, в других войсках, воинских формированиях и органах и создаваемых на военное время специальных формированиях в целях определения категории годности граждан Российской Федерации по состоянию здоровья к военной службе, службе в органах, а также в целях определения причинной связи полученных гражданами увечий (ранений, травм и контузий), заболеваний с прохождением ими военной службы (военных сборов), службы в органах.

Для проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в ВС РФ, других войсках, воинских формированиях и органах создаются военно-врачебные комиссии и врачебно-летные комиссии (п. 2 Положения о военно-врачебной экспертизе).

При медицинском освидетельствовании военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава (должностных лиц) органов, граждан, призванных на военные сборы, военно-врачебная комиссия определяет причинную связь полученных ими увечий, заболеваний, за исключением случаев, когда указанные граждане, получившие увечья, заболевания, находятся под следствием или уголовное дело в отношении которых передано в суд (п. 40 Положения о военно-врачебной экспертизе).

Аналогичные нормы содержались и в Положении о военно-врачебной экспертизе, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. № 390, действовавшем на момент получения травмы военнослужащей Г.

В имеющемся в деле заключении госпитальной военно-врачебной комиссии от 13 октября 2009 г. не указано, что полученная Г. в период военной службы травма связана с принятием ею участия в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом. В материалах дела не имеется также других медицинских документов, подтверждающих причинную связь травмы Г. с принятием ею участия в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом.

Однако суды первой и апелляционной инстанций в нарушение требований ст. 67, 195, 196, 198 ГПК РФ разрешили спор в отсутствие надлежащих доказательств, подтверждающих причинную связь травмы Г.

с принятием ею участия в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом.

Помимо этого, в материалах дела отсутствуют документы, подтверждающие наличие у Г. статуса лица, принимавшего участие в проведении контртеррористической операции.

Пунктом 2 постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 1994 г. № 280 (в редакции, действовавшей на момент получения Г. травмы) «О порядке установления факта выполнения военнослужащими и иными лицами задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах и предоставления им дополнительных гарантий и компенсаций» предусмотрено предоставлять военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел дополнительные гарантии и компенсации только за время фактического выполнения ими задач на территории, где введено чрезвычайное положение, либо в местности, которая отнесена к зоне вооруженного конфликта (но не ранее дня введения на соответствующей территории чрезвычайного положения или отнесения местности к зоне вооруженного конфликта и не позднее дня отмены чрезвычайного положения или решения об отнесении к зоне вооруженного конфликта, определенных Правительством Российской Федерации). Периоды выполнения военнослужащими и сотрудниками органов внутренних дел задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах оформляются приказами командиров воинских частей, начальников штабов, оперативных и иных групп.

Согласно пп. 1 и 3 ст. 12 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» все военнослужащие, сотрудники и специалисты, привлекаемые к проведению контртеррористической операции, с момента начала указанной операции подчиняются руководителю оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией. Руководитель оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией определяет границы зоны проведения контртеррористической операции, принимает решение об использовании привлекаемых для проведения указанной операции сил и средств. Вмешательство любого другого лица независимо от занимаемой должности в оперативное руководство контртеррористической операцией не допускается.

Из содержания приведенных нормативных положений следует, что периоды непосредственного участия сотрудников и военнослужащих в контртеррористических операциях устанавливаются на основании соответствующих приказов командиров воинских частей, начальников штабов, оперативных и иных групп, которые должны быть утверждены руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией.

Таким образом, непосредственное участие сотрудников и военнослужащих в контртеррористических операциях при рассмотрении спора судом может быть подтверждено только определенными средствами доказывания (ст. 60 ГПК РФ). Соответственно, суд должен был принимать решение по существу заявленных Г. исковых требований, исходя из документов, свидетельствующих о непосредственном участии истца в указанной операции.

Между тем таких документов в материалах дела не имеется. Выписка из приказа временно исполняющего обязанности командира войсковой части от 3 марта 2000 г., согласно которой Г. следует признать фактически принимавшей участие в проведении контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации в период с 5 по 29 февраля 2000 г. не относится к документам, подтверждающим факт участия истца в проведении контртеррористической операции применительно к требованиям п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 31 марта 1994 г. № 280 и с учетом положений пп. 1 и 3 ст. 12 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом».

Следовательно, у судебных инстанций отсутствовали правовые основания для удовлетворения исковых требований Г. к Минобороны России о взыскании за счет средств федерального бюджета единовременного пособия, установленного п. 3 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Определение № 20-КГ15-24

V. Процессуальные вопросы

6. Требования граждан о включении сумм задолженности в реестр обязательств банка перед вкладчиками рассматриваются судами общей юрисдикции.

Ш. обратилась в районный суд с иском к коммерческому банку (далее – Банк) о включении суммы задолженности в реестр обязательств банка перед вкладчиками. В обоснование заявленных требований истец указала, что 30 декабря 2014 г. она заключила с Банком договор банковского вклада. Ответчик возвратил денежные средства истца частично. 16 февраля 2015 г. у ответчика была отозвана лицензия Банка России на осуществление банковских операций. Решением арбитражного суда от 25 апреля 2015 г. ответчик признан несостоятельным (банкротом), в отношении его открыто конкурсное производство сроком на один год. Включение обязательств Банка перед Ш. в реестр обязательств банка перед

вкладчиками необходимо ей в целях получения соответствующего страхового возмещения, однако в нарушение порядка, установленного Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», и Указаний ЦБ РФ от 1 апреля 2004 г. № 1417-У «О форме реестра обязательств банка перед вкладчиками» ответчик не включает в реестр обязательств банка перед вкладчиками сумму задолженности (остаток невыплаченных денежных средств) Банка перед Ш.

Отказывая Ш. в принятии искового заявления со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, суд исходил из того, что поскольку у ответчика отозвана лицензия на осуществление банковских операций, а решением арбитражного суда в отношении Банка открыто конкурсное производство, то заявленные требования подлежат рассмотрению арбитражным судом в рамках дела о банкротстве.

Соглашаясь с данными выводами суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что исковые требования о включении в реестр обязательств Банка перед вкладчиками носят имущественный характер, так как данными действиями истец преследует цель включить свои требования в реестр обязательств Банка и впоследствии взыскать денежные средства, в связи с чем эти требования не относятся к компетенции суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций о неподведомственности данного спора суду общей юрисдикции ошибочными.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ судья отказывает в принятии заявления в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают исковые дела с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

Суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 22 ГПК РФ, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов (ч. 3 ст. 22 ГПК РФ).

В соответствии с чч. 1, 2 и 3 ст. 27 АПК РФ к ведению арбитражных судов относятся дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражные суды разрешают экономические споры и

рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке, а в случаях, предусмотренных Кодексом и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Пунктом 1 ч. 1 ст. 33 АПК РФ к специальной компетенции арбитражных судов отнесены дела о банкротстве вне зависимости от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане (ч. 2 ст. 33).

Как следует из представленных материалов, Ш. как физическое лицо обратилась в суд с исковым заявлением, в котором просила возложить на Банк обязанность по внесению данных об остатке вклада в реестр обязательств банка перед вкладчиками, который формируется в соответствии с Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о страховании вкладов, Федеральный закон).

Данный закон регулирует отношения по созданию и функционированию системы страхования вкладов, формированию и использованию ее денежного фонда, выплатам возмещения по вкладам при наступлении страховых случаев, а также отношения, возникающие в связи с осуществлением государственного контроля за функционированием системы страхования вкладов, и иные отношения, возникающие в данной сфере (ч. 2 ст. 1).

В силу п. 4 ч. 3 ст. 6 названного федерального закона банки обязаны вести учет обязательств банка перед вкладчиками и встречных требований банка к вкладчику, обеспечивающий готовность банка сформировать при наступлении страхового случая, а также на любой день по требованию Банка России (в течение семи календарных дней со дня поступления в банк указанного требования) реестр обязательств банка перед вкладчиками в порядке и форме, которые устанавливаются Банком России по предложению Агентства по страхованию вкладов (далее – Агентство).

Страховой случай считается наступившим со дня отзыва (аннулирования) у банка лицензии Банка России либо со дня введения моратория на удовлетворение требований кредиторов банка (ч. 2 ст. 8 Федерального закона).

Право требования вкладчика на возмещение по вкладам возникает со дня наступления страхового случая (ч. 1 ст. 9 Федерального закона).

В соответствии с ч. 4 ст. 12 Федерального закона о страховании вкладов выплата возмещения по вкладам производится Агентством в соответствии с реестром обязательств банка перед вкладчиками, формируемым банком, в отношении которого наступил страховой случай, в течение трех рабочих дней со дня представления вкладчиком в Агентство документов, предусмотренных чч. 4 и 5 ст. 10 названного федерального закона, но не ранее 14 дней со дня наступления страхового случая.

Согласно Указанию ЦБ РФ от 1 апреля 2004 г. № 1417-У «О форме реестра обязательств банка перед вкладчиками» банк, в отношении которого наступил страховой случай, в соответствии с поименованным выше законом обязан обеспечить формирование реестра обязательств на основании учета обязательств банка перед вкладчиками и встречных требований банка к вкладчикам и в семидневный срок со дня наступления страхового случая представить реестр обязательств в Агентство.

Порядок обращения за страховым возмещением и его выплаты установлен Федеральным законом о страховании вкладов.

Согласно ч. 1 ст. 10 данного федерального закона вкладчик (его представитель или наследник (представитель наследника) вправе обратиться в Агентство с требованием о выплате возмещения по вкладам со дня наступления страхового случая до дня завершения конкурсного производства, а при введении Банком России моратория на удовлетворение требований кредиторов – до дня окончания действия моратория.

При обращении в Агентство с требованием о выплате возмещения по вкладам вкладчик (наследник) представляет: заявление по форме, определенной Агентством, документы, удостоверяющие его личность, а при обращении наследника также документы, подтверждающие его право на наследство или право использования денежных средств наследодателя (ч. 4 ст. 10 Федерального закона).

Размер возмещения по вкладам каждому вкладчику устанавливается исходя из суммы обязательств по вкладам банка, в отношении которого наступил страховой случай, перед этим вкладчиком (ч. 1 ст. 11 Федерального закона).

Выплата возмещения по вкладам производится Агентством в соответствии с реестром обязательств банка перед вкладчиками, формируемым банком, в отношении которого наступил страховой случай (ч. 4 ст. 12 Федерального закона).

В соответствии с ч. 7 ст. 12 Федерального закона о страховании вкладов в случае несогласия вкладчика с размером возмещения по вкладам, подлежащего выдаче, Агентство предлагает вкладчику представить в Агентство дополнительные документы, подтверждающие обоснованность его требований, и направляет их в банк для рассмотрения. Банк в течение 10 календарных дней со дня получения указанных

документов обязан их рассмотреть и в случае обоснованности требований вкладчика внести соответствующие изменения в реестр обязательств банка перед вкладчиками, а также направить в Агентство сообщение о результатах рассмотрения требований вкладчика и о внесенных изменениях в реестр обязательств банка перед вкладчиками.

При несогласии с размером подлежащего выплате возмещения по вкладам вкладчик в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с иском об установлении состава и размера соответствующих требований, а также подлежащего выплате возмещения по вкладам (ч. 10 ст. 12 Федерального закона).

По смыслу приведенных правовых норм, вкладчик вправе обратиться в суд с иском не только в случае несогласия с составом и размером установленных реестром обязательств, но и в том случае, когда во включении их в реестр отказано полностью.

Исковые требования Ш. заявлены не в рамках требований кредиторов по денежным обязательствам банка, а основаны на положениях Федерального закона о страховании вкладов, в силу которых выплата вкладчику возмещения по застрахованному вкладу в пределах лимита страхового возмещения производится Агентством, а не банком, находящимся в процедуре банкротства, за счет фонда страхования вкладов, а не из конкурсной массы должника.

При таких обстоятельствах у суда не имелось предусмотренных законом оснований для отказа Ш. в принятии искового заявления в связи с его неподведомственностью суду общей юрисдикции.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления и дело по исковому заявлению Ш. к коммерческому банку о включении сумм задолженности в реестр обязательств банка перед вкладчиками направила на рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ16-6

7. В период исполнения судебных постановлений по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации по правилам главы 24[1] Бюджетного кодекса Российской Федерации индексация присужденных судом денежных сумм не производится.

В. обратилась в суд с заявлением в порядке ст. 208 ГПК РФ об индексации присужденных ей денежных сумм.

В обоснование предъявленных требований В. указала, что решением районного суда от 11 декабря 2014 г., вступившим в законную силу

2 марта 2015 г., в ее пользу с военного комиссариата взыскано 89 749 руб. 52 коп. 26 мая 2015 г. указанные денежные средства были перечислены должником на банковский счет В.

По мнению В., несвоевременная выплата военным комиссариатом присужденных ей денежных сумм привела к снижению их покупательской способности в результате инфляционных процессов.

Определением суда от 25 июня 2015 г. в удовлетворении заявления В. об индексации присужденных ей по решению суда денежных сумм отказано.

Апелляционным определением от 27 августа 2015 г. определение суда первой инстанции отменено, вопрос разрешен по существу, и с военного комиссариата в пользу В. в порядке индексации денежной суммы, присужденной ей решением районного суда от 11 декабря 2014 г., взысканы денежные средства в размере 7177 руб. 57 коп.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что предусмотренная ст. 208 ГПК РФ индексация присужденных судом денежных сумм производится с момента принятия решения суда до его фактического исполнения, она выступает в качестве механизма, позволяющего возместить потери взыскателя в период исполнения судебного решения, не является мерой гражданской или иной ответственности, в связи с чем исполнение ответчиком решения суда в срок, установленный Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее – БК РФ), не освобождает должника от обязанности выплатить присужденные денежные средства с учетом индексации за весь период неисполнения решения суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции неправильными, указав следующее.

Согласно ч. 1 ст. 208 ГПК РФ по заявлению взыскателя или должника суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию взысканных судом денежных сумм на день исполнения решения суда.

В порядке данной нормы в пользу В. судом апелляционной инстанции взыскана сумма индексации с военного комиссариата.

В соответствии с п. 4 Положения о военных комиссариатах, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 2012 г. № 1609, военные комиссариаты являются территориальными органами Министерства обороны Российской Федерации и входят в состав военных округов.

Согласно абзацу второму п. 23 названного положения финансирование расходов военных комиссариатов осуществляется в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных на эти цели в федеральном бюджете на соответствующий год Министерству обороны Российской Федерации.

Абзацем вторым ст. 10 БК РФ предусмотрено, что к бюджетам бюджетной системы Российской Федерации относится в том числе федеральный бюджет.

Порядок и срок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации регулируются гл. 24^1 БК РФ.

В силу пп. 1 и 2 ст. 242^1 БК РФ исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации производится в соответствии с данным кодексом на основании исполнительных документов (исполнительный лист, судебный приказ) с указанием сумм, подлежащих взысканию в валюте Российской Федерации, а также в соответствии с установленными законодательством Российской Федерации требованиями, предъявляемыми к исполнительным документам, срокам предъявления исполнительных документов, перерыву срока предъявления исполнительных документов, восстановлению пропущенного срока предъявления исполнительных документов.

К исполнительному документу (за исключением судебного приказа), направляемому для исполнения судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем, должны быть приложены копия судебного акта, на основании которого он выдан, а также заявление взыскателя с указанием реквизитов банковского счета взыскателя (реквизитов банковского счета взыскателя при предъявлении исполнительного документа в порядке, установленном ст. 242^2 данного кодекса), на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию. Заявление подписывается взыскателем либо его представителем с приложением доверенности или нотариально удостоверенной копии доверенности или иного документа, удостоверяющего полномочия представителя.

Статьей 210 ГПК РФ установлено, что решение суда приводится в исполнение после вступления его в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, в установленном федеральным законом порядке.

В соответствии с абзацем первым ч. 1 ст. 428 ГПК РФ исполнительный лист выдается судом взыскателю после вступления судебного постановления в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, когда исполнительный лист выдается немедленно после принятия судебного постановления. Исполнительный лист выдается взыскателю или по его просьбе направляется судом для исполнения.

Из приведенного правового регулирования следует, что исполнительный лист выдается судом взыскателю после вступления судебного постановления в законную силу, а положения БК РФ не предусматривают добровольного исполнения вступивших в законную силу

судебных постановлений по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации до предъявления судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем исполнительного листа к исполнению в соответствии со ст. 242^1 БК РФ и с соблюдением требований, предусмотренных данной нормой.

Таким образом, процедура исполнения судебного решения, предусматривающая взыскание бюджетных средств, не может быть начата без непосредственного волеизъявления лица, в чью пользу взыскиваются денежные средства.

В соответствии с п. 1 ст. 242^1 и п. 6 ст. 242^2 БК РФ срок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации не может превышать трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение с обязательным приложением документов, названных в п. 2 ст. 242^1 БК РФ.

Между тем при разрешении заявления В. об индексации денежных сумм, взысканных на основании судебного постановления с военного комиссариата, суд апелляционной инстанции не применил приведенные выше нормы права и не учел, что исполнение судебных постановлений по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации производится по правилам гл. 24^1 БК РФ и только по предъявлению исполнительного документа к исполнению, иной порядок выплаты бюджетных денежных средств законодательством не предусмотрен.

С учетом того, что исполнительный лист по вступившему в законную силу решению районного суда от 11 декабря 2014 г. был предъявлен В. к исполнению 2 апреля 2015 г. и был исполнен военным комиссариатом 26 мая 2015 г., то есть в пределах установленного п. 6 ст. 242^2 БК РФ трехмесячного срока со дня предъявления исполнительного документа к исполнению, оснований для применения положений ст. 208 ГПК РФ и удовлетворения заявления В. об индексации взысканных судом в ее пользу денежных сумм за период с момента принятия судом решения (11 декабря 2014 г.) и до момента его фактического исполнения военным комиссариатом (26 мая 2015 г.) у суда апелляционной инстанции не имелось.

Довод суда апелляционной инстанции о применении в данном случае предусмотренной ст. 208 ГПК РФ индексации в качестве механизма, позволяющего возместить потери взыскателя в период исполнения судебного решения, противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в определениях от 20 марта 2008 г. № 244-О-П и от 24 декабря 2013 г. № 1990-О, согласно которой индексация, предусмотренная ст. 208 ГПК РФ, является механизмом, позволяющим полностью возместить потери взыскателя от длительного неисполнения судебного решения в условиях инфляционных процессов в

государстве. Между тем длительного неисполнения решения суда о взыскании в пользу В. денежных сумм из средств бюджетной системы Российской Федерации военным комиссариатом допущено не было. Напротив, установленные законом сроки исполнения такого решения были соблюдены.

Это судом апелляционной инстанциями учтено не было и повлекло за собой вынесение незаконного судебного постановления.

Определение № 41-КГ 16-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

I. Разрешение споров, связанных с корпоративными отношениями

1. Срок исковой давности по требованию участника хозяйственного общества о признании недействительной сделки по правилам о крупных сделках или сделках с заинтересованностью начинает течь с момента, когда этот участник общества узнал или должен был узнать о том, что такая сделка требовала одобрения.

В 2015 году компания, являясь участником общества с ограниченной ответственностью с долей в 38,03 процента в уставном капитале, обратилась в арбитражный суд с иском к этому обществу и второму участнику, которому принадлежит оставшаяся часть доли, о признании недействительным заключенного ответчиками договора от 16 мая 2011 г., в соответствии с которым общество передало другому участнику в безвозмездное пользование земельный участок.

Компания обосновывала свои требования тем, что указанная сделка в силу ст. 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» является сделкой с заинтересованностью, совершенной без одобрения общим собранием.

В возражениях на иск участник заявил о пропуске компанией срока исковой давности.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. Суд отклонил заявление о применении срока исковой давности, поскольку о содержании оспариваемого договора компании стало известно только 31 октября 2014 г. при рассмотрении заявления компании о взыскании с общества денежной компенсации за неисполнение вступившего в законную силу решения суда по другому делу о признании

незаконным бездействия генерального директора общества и об обязании общества предоставить документы.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении искового требования отказано. Суды, руководствуясь положениями п. 1 ст. 65^2, п. 2 ст. 181, п. 1 ст. 182 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), пришли к выводу, что, поскольку иск заявлен компанией от имени общества в качестве его представителя, начало течения срока исковой давности начинается с момента, когда о нарушении своих прав должно было узнать общество, то есть с момента исполнения договора в 2011 году.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Предъявляя требования по настоящему делу, компания как участник корпорации действует не только в интересах корпорации как ее представитель, но и преследует свой опосредованный (косвенный) интерес (а поэтому, по сути, является косвенным истцом). Этот интерес обосновывается наличием у компании как истца материально-правового требования, обусловленного недопущением причинения ему ущерба как субъекту гражданско-правовых отношений.

Объект защиты по косвенному иску не может определяться как категоричный выбор либо в пользу защиты субъективного права юридического лица, либо в пользу защиты интересов участников юридического лица.

Интерес юридического лица, который обеспечивается защитой субъективного права, в данном случае производен от интересов его участников, так как интересы общества не просто неразрывно связаны с интересами участников, они предопределяются ими, и, следовательно, удовлетворение интересов компании обеспечивает удовлетворение интереса ее участников.

Земельный участок был приватизирован на денежные средства компании, что свидетельствует о наличии у нее заинтересованности и дополнительной мотивации как лица, инвестировавшего в деятельность общества.

Таким образом, заключение сделки с заинтересованностью без должного одобрения нарушает в том числе и права участника (компании), в защиту которых предъявляется соответствующее исковое требование. Поэтому для исчисления срока исковой давности по такому требованию имеет существенное значение момент, когда обладатель

нарушенного права (участник) узнал или должен был узнать о соответствующем нарушении.

В п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» разъяснено, что иски о признании крупных сделок и сделок с заинтересованностью недействительными и применении последствий их недействительности могут предъявляться в течение срока, установленного п. 2 ст. 181 ГК РФ для оспоримых сделок. Срок давности по иску о признании недействительной сделки, совершенной с нарушением порядка ее одобрения, исчисляется с момента, когда истец узнал или должен был узнать о том, что такая сделка требовала одобрения в порядке, предусмотренном законом или уставом, хотя бы она и была совершена раньше. Предполагается, что участник должен был узнать о совершении сделки с нарушением порядка одобрения крупной сделки или сделки с заинтересованностью не позднее даты проведения годового общего собрания участников (акционеров) по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка, если из предоставлявшихся участникам при проведении этого собрания материалов можно было сделать вывод о совершении такой сделки (например, если из бухгалтерского баланса следовало, что изменился состав основных активов по сравнению с предыдущим годом).

Иной подход ставил бы участников общества, не обладающих возможностью постоянно контролировать органы управления юридическим лицом, в заведомо невыгодное положение, сопряженное с невозможностью реальной защиты своих интересов в ситуации, когда факт совершения сделки с заинтересованностью скрывается органом управления юридическим лицом, и при этом срок исковой давности продолжает течь, что противоречит сути законодательного регулирования отношений, касающихся одобрения сделок с заинтересованностью, направленных на предотвращение конфликта интересов между органами управления и участниками хозяйственного общества.

Поскольку общество не представило доказательств проведения общего собрания участников по итогам 2011 года, суд первой инстанции обоснованно исчислил срок исковой давности с момента, когда компания узнала о совершении оспариваемой сделки в рамках другого дела об оспаривании бездействия генерального директора и об обязании общества предоставить документы.

Определение № 305-ЭС16-3884

II. Практика применения законодательства о банкротстве

2. При наличии корпоративного конфликта участник должника, признанного банкротом, вправе самостоятельно реализовывать предусмотренные законом процессуальные возможности.

В рамках дела о банкротстве общества его участник, обладавший 50 процентами долей в уставном капитале, подал апелляционную жалобу на определение суда, которым в реестр требований кредиторов включены требования компании.

Определением арбитражного апелляционного суда жалоба возвращена в связи с отсутствием у участника общества полномочий на обжалование судебного акта в соответствии со ст. 2 и 35 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), поскольку в арбитражном процессе по делу о банкротстве уже участвует представитель учредителей (участников) должника, а отдельные участники (учредители) должника не отнесены к числу лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Арбитражный суда округа согласился с позицией суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и отправила дело в суд апелляционной инстанции для рассмотрения апелляционной жалобы по существу в связи со следующим.

Открытие конкурсного производства наделяет представителей учредителей (участников) должника правами лиц, участвующих в деле (п. 3 ст. 126 Закона о банкротстве), что позволяет им реализовывать предусмотренные законом процессуальные возможности.

Представителем учредителей (участников) должника признается в том числе лицо, избранное учредителями (участниками) должника для представления их законных интересов при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве (ст. 2 Закона о банкротстве).

По смыслу положений законодательства о банкротстве целью ограничения непосредственного участия участников должника в деле о его несостоятельности и возможности осуществления ими каких-либо действий лишь через представителя является предотвращение несогласованного участия большого количества участников должника, обладающих относительно небольшими долями.

В рассматриваемом случае участники должника обладают равными долями (по 50 процентов) в уставном капитале. При этом возникший между ними корпоративный конфликт существенно затрудняет выбор представителя для участия в процедурах банкротства должника.

В такой ситуации отсутствие у обратившегося в суд участника должника статуса представителя участников должника не должно препятствовать реализации его права на судебную защиту, в том числе и последовательное отстаивание своей правовой позиции против необоснованного, по его мнению, включения в реестр требования кредитора.

Обжалуя судебный акт о включении требования компании в реестр, участник должника указывает на отсутствие задолженности перед названным кредитором и фиктивность представленных в обоснование требования документов.

Таким образом, возвращение апелляционной жалобы не только лишает его права на судебную защиту, но и препятствует наиболее объективному рассмотрению обособленного спора при обеспечении баланса интересов кредиторов и должника, а также реализации их законных прав.

Определение № 304-ЭС15-20105

3. Конкурсный управляющий может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков вследствие ненадлежащего исполнения им обязанностей арбитражного управляющего независимо от наличия требований о возмещении причиненного вреда к иным лицам.

Конкурсный управляющий должником передал третьему лицу электронный носитель с цифровой подписью, владельцем сертификата ключа которой он являлся.

По платежным поручениям, подписанным этой электронной подписью, должник перечислил обществу денежные средства при отсутствии каких-либо обязательственных отношений.

Решением суда по другому делу удовлетворен иск должника к обществу о взыскании неосновательного обогащения. Судебный акт не исполнен по причине отсутствия у общества денежных средств и имущества.

В рамках уголовного дела в отношении третьего лица также удовлетворен гражданский иск должника о взыскании аналогичных по размеру убытков.

Полагая, что возникновение убытков в виде стоимости необоснованно списанных денежных средств вызвано ненадлежащим исполнением конкурсным управляющим своих обязанностей, конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с иском к конкурсному управляющему об их взыскании.

Определением суда первой инстанции требование удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено, во взыскании убытков отказано, поскольку должником реализовано право на возмещение имущественных потерь в результате взыскания ущерба с непосредственного причинителя – третьего лица по гражданскому иску в рамках уголовного дела.

Арбитражный суд округа оставил постановления суда апелляционной инстанции без изменения, указав, что, хотя наличие судебного акта о взыскании с исполнительного директора в пользу должника причиненного ущерба не привело к его фактическому возмещению, при рассмотрении уголовного дела обстоятельства наличия вины арбитражного управляющего в содеянном исполнительным директором преступлении либо осуществления каких-либо действий (бездействия), способствовавших его совершению, не установлены. В связи с этим арбитражный суд округа пришел к выводу об отсутствии оснований для привлечения конкурсного управляющего к ответственности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ст. 20^3 Закона о банкротстве при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

В силу п. 2 ст. 20^3 и п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве на арбитражного управляющего, помимо прочего, возложена обязанность по организации финансово-хозяйственной деятельности должника, которая прежде всего связана с принятием мер по обеспечению сохранности вверенного ему имущества.

Передача возложенных на арбитражного управляющего в деле о банкротстве обязанностей на третьих лиц не освобождает его от ответственности, предусмотренной п. 4 ст. 20^4 Закона о банкротстве.

Вступившим в законную силу определением суда по настоящему делу установлено ненадлежащее исполнение конкурсным управляющим должником своих обязанностей, выразившееся в утрате контроля за сохранностью имущества должника и приведшее к необоснованному перечислению денежных средств с расчетного счета последнего. Отстраняя конкурсного управляющего от исполнения обязанностей, суд констатировал, что при должной степени заботливости и осмотрительности наступившие негативные последствия можно было избежать.

С учетом обстоятельств, установленных указанным судебным актом, в этом обособленном споре, по сути, подлежал разрешению вопрос

о наличии причинной связи между возникновением у должника убытков и незаконными действиями конкурсного управляющего, а также их размере.

Присуждение к взысканию с общества и исполнительного директора в пользу должника неосновательного обогащения и материального ущерба в рамках других дел не препятствует привлечению конкурсного управляющего к самостоятельной гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков в настоящем деле, учитывая ненадлежащее исполнение им обязанностей арбитражного управляющего, создавшее условия для совершения преступления.

Данная позиция согласуется с подлежащими применению при рассмотрении арбитражными судами дел о взыскании убытков с конкурсных управляющих разъяснениями, изложенными в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

Таким образом, в данном случае должник вправе предъявлять соответствующие требования к каждому из виновных в причинении ущерба лиц до полного возмещения своих имущественных потерь.

Поскольку исполнение исполнительным директором приговора суда, касающегося возмещения причиненного должнику материального ущерба, не проверялось, определение суда первой инстанции также подлежит отмене с направлением обособленного спора на новое рассмотрение.

Определение № 303-ЭС16-1164

4. По общему правилу расходы, непосредственно связанные с производственно-хозяйственной деятельностью должника, не являются эксплуатационными платежами и учитываются в составе четвертой очереди текущих платежей.

Решением суда первой инстанции в 2009 г. комбинат был признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

В период до принятия собранием кредиторов должника решения в 2014 году о прекращении хозяйственной деятельности комбината (производство бумажных изделий и их реализация) конкурсным управляющим должником произведены затраты на приобретение сырья и материалов, изготовление продукции и ее последующую реализацию.

Конкурсный управляющий отнес названные затраты к расходам, непосредственно обеспечивающим деятельность комбината с удовлетворением их в составе третьей очереди текущих платежей.

Считая, что такие действия конкурсного управляющего нарушают права налогового органа как кредитора должника, поскольку требования об уплате обязательных платежей учитываются в составе четвертой очереди текущих требований, уполномоченный орган в рамках дела о банкротстве обратился с жалобой на ненадлежащее исполнение конкурсным управляющим своих обязанностей, выразившееся в нарушении очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении жалобы отказано. Суды со ссылкой на положения ст. 20^3, 129 и 134 Закона о банкротстве квалифицировали спорные платежи в качестве эксплуатационных расходов, без которых невозможно осуществление хозяйственной деятельности комбината и исполнение возложенных на конкурсного управляющего обязанностей, предусмотренных Законом о банкротстве. Кроме этого, по мнению судов, до принятия собранием кредиторов решения о прекращении хозяйственной деятельности у конкурсного управляющего должником отсутствовали основания для остановки производства.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отправила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

В соответствии с положениями Закона о банкротстве целью конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Достижение указанной цели возлагается на конкурсного управляющего, который осуществляет полномочия руководителя должника и иных его органов управления и действует в пределах, в порядке и на условиях, установленных названным законом.

Несмотря на то, что задачами арбитражного управляющего в процедуре конкурсного производства являются последовательные мероприятия по формированию конкурсной массы путем выявления и реализации имущества (активов) должника для расчетов с кредиторами, запрета на осуществление должником-банкротом хозяйственной деятельности Закон о банкротстве не содержит.

Действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий в силу имеющихся у него полномочий и компетенции должен определить стратегию конкурсного производства в отношении должника, в том числе целесообразность дальнейшего функционирования хозяйствующего субъекта, учитывая, в частности, исключение возможности необоснованного простоя имущества, которое может приносить доход в период осуществления мероприятий по его оценке, подготовке к реализации, наличие объективных предпосылок к продаже предприятия как единого

имущественного комплекса либо осуществления процедуры замещения активов и т.п. В любом случае срок, в течение которого может сохраняться производственная деятельности должника, должен соотносится с периодом времени, необходимым и достаточным для выполнения эффективным арбитражным управляющим всех предусмотренных законом процедур, направленных на отчуждение принадлежащих должнику объектов в целях проведения расчетов с кредиторами.

При этом положения п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве, согласно которым собрание кредиторов вправе принять решение о прекращении хозяйственной деятельности должника при условии, что такое прекращение не повлечет за собой техногенные и (или) экологические катастрофы, прекращение эксплуатации объектов, используемых для обеспечения социально значимых объектов, необходимых для жизнеобеспечения граждан, не могут быть истолкованы таким образом, что продолжение деятельности юридического лица – должника в период конкурсного производства оправдано до тех пор, пока иное не установлено собранием кредиторов.

Приведенная норма направлена на предоставление собранию кредиторов возможности понудить арбитражного управляющего к реализации ликвидационных мероприятий в ситуации, когда он, настаивая на производстве должником товаров (выполнении работ, оказании услуг), неоправданно наращивает кредиторскую задолженность, что, в свою очередь, негативным образом сказывается на конкурсной массе.

В связи с этим вывод судов об отсутствии оснований для прекращения производственной деятельности комбината до принятия такого решения собранием кредиторов не обоснован.

Оценивая действия арбитражного управляющего и соглашаясь с его доводами о том, что продолжение производственного процесса направлено на сохранение действующего предприятия как имущественного комплекса, суды не выяснили, насколько целесообразно столь длительное (с 2009 по 2014 годы) продолжение хозяйственной деятельности, учитывая, что эксплуатация основных средств приводит к износу имущества (оборудования) и, соответственно, снижению его стоимости, а также, что препятствовало конкурсному управляющему осуществить мероприятия по реализации имущества должника в кратчайшие сроки.

Признавая правомерным распределение конкурсным управляющим расходов, связанных с основной деятельностью комбината (приобретение сырья и материалов, их доставка, аренда имущества, плата за пользование водными объектами, сертификация продукции и т.п.) в составе третьей очереди текущих платежей, суды не учли, что по смыслу п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве (в редакции Федерального закона от 19 июля 2009 г. № 195-ФЗ) к эксплуатационным платежам могут быть отнесены расходы

на сохранение имущества должника и поддержание его в надлежащем состоянии до момента продажи. Иные затраты подлежат включению в состав четвертой очереди текущих платежей.

Отнесение всех расходов, непосредственно формирующих цепочку технологического процесса по производству и реализации продукции должника, к эксплуатационным платежам и их приоритет перед обязательными платежами противоречит принципам очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов. Такой подход, по сути, легализует схему уклонения от уплаты налогов и создает для комбината необоснованные преимущества перед другими участниками рынка, предоставляя возможность на протяжении длительного времени вести производственную деятельность в процедуре конкурсного производства, не уплачивая обязательные платежи.

В силу разъяснений, содержащихся в п. 40.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 (в редакции от 6 июля 2014 г.) «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», суд вправе признать законным отступление конкурсным управляющим от очередности, предусмотренной в п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве, если это необходимо исходя из целей соответствующей процедуры банкротства.

При этом основополагающим критерием законности таких выплат являются добросовестные и разумные действия арбитражного управляющего в интересах должника и его кредиторов.

Однако при рассмотрении настоящего обособленного спора наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости отступления конкурсным управляющим от предусмотренной законом очередности при расчете с текущими кредиторами, судами не проверялось, действия конкурсного управляющего применительно к вышеназванным разъяснениям не оценивались.

Определение № 307-ЭС14-8417

5. Кредитор вправе реализовать свое право на полное или частичное изменение статуса в деле о банкротстве, в том числе после включения его требования в реестр кредиторов.

В связи с несостоятельностью общества определением суда первой инстанции требования банка включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника как обеспеченные залогом.

Впоследствии банк обратился в арбитражный суд с заявлением о внесении изменений в реестр. Банк отказался от осуществления прав залогодержателя имущества по части требований.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявление банка, придя к выводу о том, что, распоряжаясь своими правами по собственному усмотрению, банк вправе выбрать статус залогового или незалогового кредитора. Указанное право банк может реализовать в том числе и путем частичного отказа от залоговых прав уже после включения в реестр в качестве залогового кредитора. Впоследствии возврат статуса залогового кредитора в той части, от которой банк отказался, невозможен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда отменено, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что банк уже реализовал свое право на включение его требований в реестр и выбрал статус залогового кредитора. Повторное обращение с таким же требованием недопустимо. Суды пришли к выводу о том, что п. 6 ст. 450^1 ГК РФ не может быть применен без учета положений Закона о банкротстве. Суды также указали, что отказ банка от части прав должен сопровождаться отказом от определенного объекта залога или его части, чего не произошло. Кроме того, действия банка нарушают права других кредиторов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Кредитор, требования которого обеспечены залогом, имеет в банкротстве особый (привилегированный) статус, что следует из порядка распределения конкурсной массы (п. 2 ст. 131, п. 4 ст. 134, ст. 138 Закона о банкротстве). Вместе с тем закон о банкротстве, следуя основным началам гражданского законодательства, не запрещает залоговому кредитору отказаться полностью или частично от своих залоговых прав, по существу снизив тем самым по своей воле гарантии удовлетворения своих требований не в ущерб другим кредиторам.

Закон о банкротстве допускает также включение в реестр части требований кредитора как обеспеченных залогом и другой части требований того же кредитора – на общих основаниях. При этом такой кредитор не становится обладателем двойного статуса в отношении одного и того же требования.

Включение требований кредитора в реестр не лишает его впоследствии возможности подать заявление о частичном или полном исключении его требований из реестра. Как указано в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения

Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», реализация требования к должнику представляет собой одну из форм осуществления гражданского права и кредитор вправе отказаться от его реализации. В то же время определение арбитражного суда об исключении требований такого кредитора из реестра лишает его права требовать включение в реестр вновь.

Исключение требований кредитора из реестра, как и всякое иное действие, направленное на реализацию его воли по уменьшению объема своих прав, не нарушает принцип однократности волеизъявления кредитора относительно требований, подлежащих включению в реестр.

Таким образом, требования банка о частичном изменении статуса фактически являются частичным отказом от своих прав, не противоречат закону и подлежат удовлетворению.

Доводы должника и кредиторов о том, что отказ банка от залоговых прав нарушает их права и интересы, несостоятельны. Разумный интерес кредиторов (в том числе и банка), защищаемый законом, состоит в максимальном удовлетворении своих требований за счет имуществ должника. Отказ банка от части залоговых прав увеличивает потенциальную возможность удовлетворения требований иных кредиторов за счет части выручки, полученной от реализации предмета залога при благоприятном результате торгов.

Участие кредитора в голосовании на собрании кредиторов по вопросам, отнесенным к его компетенции, безусловно, затрагивает интересы прочих кредиторов, уменьшая относительную долю их голосов. Однако стремление банка, отказавшегося от части залоговых прав, воспользоваться правом голосования не может оцениваться как противоправное, так как участие в принятии решений, отнесенных к компетенции собрания кредиторов, является неотъемлемым правом незалогового кредитора.

Ввиду отсутствия в действиях банка признаков недобросовестного поведения, недоказанности осуществления гражданских прав в обход закона с противоправной целью, а также в связи с тем, что не усматривается намерение банка причинить вред другим кредиторам, судебная коллегия не находит оснований для квалификации действий банка как злоупотребление правом.

Определение № 308-ЭС15-6280 (3)

6. Положения п. 2 ст. 102 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не подлежат применению к отказу от исполнения кредитной организацией выданной ранее банковской гарантии.

Банк (гарант) выдал банковскую гарантию, согласно которой он обязуется уплатить другому банку (бенефициару) по его первому требованию определенную сумму в случае неисполнения и/или ненадлежащего исполнения обществом (принципалом) обязательств по заключенному с бенефициаром договору об открытии аккредитива.

Бенефициар направил гаранту требование о возмещении суммы, перечисленной по договору об открытии аккредитива.

Впоследствии Приказом Центрального банка Российской Федерации на государственную корпорацию «Агентство по страхованию вкладов» возложены функции временной администрации гаранта сроком на шесть месяцев. На период деятельности временной администрации полномочия органов управления гаранта приостановлены.

Письмом временная администрация гаранта отказалась от исполнения обязательства по банковской гарантии в связи с тем, что данная сделка препятствует восстановлению его платежеспособности.

Полагая данный отказ незаконным, бенефициар обратился в арбитражный суд с иском к гаранту о признании отказа от исполнения обязательства по банковской гарантии незаконным, о взыскании долга, процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды исходили из того, что в силу положений ст. 102 и 189[39] Закона о банкротстве руководитель временной администрации по управлению кредитной организацией в случае приостановления полномочий исполнительных органов данной организации вправе отказаться от исполнения сделок кредитной организации, если такие сделки препятствуют восстановлению платежеспособности должника или если исполнение таких сделок повлечет за собой убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Толкуя положения п. 2 ст. 102 Закона о банкротстве, суды фактически пришли к выводу, что под восстановлением платежеспособности понимается снижение лежащего на гаранте долгового бремени и следующее за этим улучшение финансовых показателей кредитной организации независимо от способа достижения соответствующего результата.

Однако судами не учтено, что по смыслу Закона о банкротстве под восстановлением платежеспособности понимается достижение

должником таких хозяйственных показателей, которые бы позволяли полностью удовлетворить требования всех его кредиторов.

Неспособность же в полном объеме погасить данные требования влечет банкротство организации и открытие в отношении ее имущества процедуры конкурсного производства (абзацы второй и шестнадцатый ст. 2, абзац третий п. 1 ст. 106, абзац пятый п. 6 ст. 119 Закона о банкротстве), по результатам которой требования все равно подлежат удовлетворению, однако не в полном объеме (соразмерно).

Отказ же удовлетворить требование одного из кредиторов противоречит как цели восстановления платежеспособности, так и сути законодательного регулирования отношений несостоятельности.

Возможность внешнего управляющего отказаться от сделок, не исполненных сторонами полностью или частично, не свидетельствует о наличии у него права отказаться от исполнения требований, включенных (или подлежащих включению) в реестр требований кредиторов.

Положения п. 1 и 2 ст. 102 Закона о банкротстве должны быть истолкованы таким образом, чтобы не допустить неосновательное обогащение (сбережение) должника за счет своих контрагентов (гл. 60 ГК РФ).

Для этого следует признать, что сфера применения указанной выше нормы для предпринимательских сделок ограничивается такими из них, которые по своей природе предполагают обмен имущественными ценностями, то есть являются возмездными договорами (п. 1 ст. 423 ГК РФ). При оценке правомерности отказа внешнего управляющего от таких договоров в целях соблюдения баланса прав сторон соглашения судам необходимо проверять совершенные к моменту отказа встречные предоставления.

Безвозмездные же предпринимательские сделки не могут попадать в сферу применения положений п. 1 и 2 ст. 102 Закона о банкротстве ввиду следующего.

С точки зрения такого критерия допустимости отказа, как восстановление платежеспособности, отказ от безвозмездной предпринимательской сделки является фактически отказом от исполнения требования кредитора (ст. 71 и 100 Закона о банкротстве), что, как указано выше, противоречит целям института несостоятельности.

С точки же зрения убыточности следует признать, что исполнение любой безвозмездной сделки убыточно для участника гражданского оборота, поскольку предполагает предоставление какого-либо блага в пользу своего контрагента без получения встречного исполнения.

Следовательно, возможность отказа от безвозмездной сделки по мотиву невыгодности или убыточности противоречила бы существу установленного ею обязательства.

Предметом рассмотрения по настоящему делу являлся отказ должника (гаранта) от исполнения по банковской гарантии, которая сама по себе в отношениях между гарантом и бенефициаром является односторонней и безвозмездной сделкой. Такая сделка является способом обеспечения исполнения обязательств и направлена на защиту интересов кредитора принципала (бенефициара). Отказ от такой банковской гарантии приводит к тому, что бенефициар лишается возможности получить удовлетворение своих требований путем включения их в реестр требований кредиторов гаранта при отсутствии иных механизмов восстановления нарушенных прав. Поэтому применение к банковской гарантии, равно как и к любой иной обеспечительной сделке, положений п. 2 ст. 102 Закона о банкротстве является ошибочным.

Определение № 307-ЭС15-18994

7. В целях применения правил § 7 «Банкротство застройщиков» гл. IX Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» застройщиком может быть признано не только лицо, с которым у участников долевого строительства заключены соответствующие договоры, но и организация, фактически аккумулирующая денежные средства, переданные для строительства многоквартирного дома.

В рамках дела о банкротстве общества (должник) определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, отказано в применении правил § 7 «Банкротство застройщиков» гл. IX Закона о банкротстве.

Суды, сославшись на положения п. 1 ст. 201^1 Закона о банкротстве, исходили из того, что основными признаками застройщика для целей отношений несостоятельности являются привлечение лицом денежных средств или имущества участников строительства и наличие у такого лица обязательств по передаче жилых помещений. Поскольку должник денежные средства не привлекал и договоров с участниками строительства не заключал, у него не могли возникнуть обязательства по передаче квартир.

Суды также указали, что обязанной стороной по договорам, на которые ссылаются физические лица в обоснование включения в реестр своих требований о передаче квартир, является кооператив, в связи с чем должник по настоящему делу не может быть признан застройщиком.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из анализа положений п. 1 ст. 201^1 Закона о банкротстве следует, что для признания за должником соответствующего статуса, помимо наличия общих признаков банкротства, необходимо соблюдение специальных условий, а именно:

– привлечение им денежных средств и (или) имущества участника строительства;

– наличие к нему денежных требований или требований о передаче жилых помещений;

– объектом строительства выступает многоквартирный дом, который на момент привлечения денежных средства и (или) имущества участника строительства не введен в эксплуатацию.

Отказывая в применении правил § 7 гл. IX Закона о банкротстве, суды ограничились констатацией того факта, что непосредственно должник денежные средства не привлекал; между ним и участниками строительства отсутствуют прямые договорные связи.

Вместе с тем судами нижестоящих инстанций не учтены цели законодательного регулирования соответствующего института, состоящие в первую очередь в необходимости защиты участников строительства от злоупотреблений застройщиков, совершаемых путем иного правового оформления своих отношений по привлечению денежных средств.

Пункт 2 ст. 201^1 Закона о банкротстве не исключает возможность признания застройщиком и того лица, которое является правообладателем земельного участка и объекта строительства, но денежные средства напрямую не привлекает.

Поэтому законодатель в п. 5 ст. 201^1 Закона о банкротстве во избежание толкования норм упомянутого параграфа в противоречии с целями правового регулирования предоставил судам возможность признавать сделки, заключенные участниками строительства с застройщиком и (или) с действовавшими в его интересах третьими лицами, притворными, что позволяет квалифицировать состав и статус вовлеченных в процесс несостоятельности застройщика лиц в соответствии с их фактическим положением.

В настоящем деле физические лица ссылались на то, что кооператив и должник аффилированны друг с другом, поскольку последний выступает одним из учредителей кооператива; изначально кооператив был создан не в целях самостоятельного осуществления строительства, а для продажи будущих квартир в жилых домах, возводимых должником за счет привлеченных средств граждан; поступающие от продажи паев денежные средства переводились кооперативом в пользу должника для осуществления строительства, то есть фактически взаимоотношения по

участию в финансировании жилого дома сложились именно между должником и гражданами, в том числе с заявителем. При строительстве иных домов, уже введенных к настоящему времени в эксплуатацию, отношения сторон строились таким образом, что после получения разрешения на строительство договоры о приобретении паев расторгались, и вместо них граждане заключали напрямую с должником договоры долевого участия в строительстве без внесения дополнительных средств. Такое правовое оформление отношений использовалось аффилированными лицами для обхода положений ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (далее – Закон № 214-ФЗ), предоставляющей право на привлечение денежных средств граждан только после получения разрешения на строительство.

В частности, заявители ссылались на факт составления в отношении должника двенадцати протоколов об административных правонарушениях по факту привлечения денежных средств граждан без соблюдения требований Закона № 214-ФЗ.

Договоры по приобретению паев и последующее перечисление денежных средств должнику по договору инвестирования фактически прикрывали договоры долевого участия в строительстве, заключаемые при помощи кооператива (агента), продававшего квартиры от имени и в интересах должника, то есть действовавшего по модели поручения (абзац третий п. 1 ст. 1005 ГК РФ).

Определение № 304-ЭС16-4218

III. Недействительность сделок

8. Победитель аукциона на право заключения государственного контракта не может ссылаться на недействительность этого договора и требовать применения последствий его недействительности в виде возврата уплаченной суммы за соответствующее право по обстоятельствам, возникшим в связи с недобросовестными действиями самого победителя аукциона, о которых государственный заказчик не знал и не должен был знать на момент заключения договора.

Государственный заказчик (далее – заказчик) разместил на сайте Единой электронной торговой площадки извещение и аукционную документацию о проведении открытого аукциона в электронной форме на оказание услуг.

Документацией об открытом аукционе в электронной форме на право заключения государственного контракта предусмотрено требование об обеспечении исполнения государственного контракта в виде безотзывной банковской гарантии, выданной банком или иной кредитной организацией, или в виде передачи заказчику в залог денежных средств, в том числе в форме вклада (депозита), в размере обеспечения государственного контракта, установленном документацией об аукционе.

Поскольку при проведении открытого аукциона цена контракта была снижена до нуля, открытый аукцион в электронной форме проводился на право заключить контракт. Победителем было признано общество, предложившее наиболее высокую цену за право заключения государственного контракта.

В качестве обеспечения исполнения обязательств по контракту общество представило банковскую гарантию.

После уплаты цены за право заключения контракта заказчик и общество заключили контракт, в котором предусмотрели условия обеспечения исполнения обязательств по нему.

Заказчик направил в банк запрос с просьбой подтвердить достоверность и факт выдачи банковской гарантии. Банк подтвердил указанные обстоятельства, однако через два месяца сообщил, что банковская гарантия не выдавалась и установлены мошеннические действия использования ложных сайтов с недостоверной информацией кредитной организации при проведении тендеров для получения государственных и муниципальных заказов.

Заказчик предложил обществу представить пояснения по вопросу утраты обеспечения исполнения по контракту, в случае подтверждения утраты обеспечения подписать соглашение о расторжении контракта.

Исполнение по контракту сторонами не осуществлялось.

В последующем заказчик, сославшись на нарушение обществом обязательства по государственному контракту в связи с непредставлением надлежащего обеспечения, уведомил общество об одностороннем отказе от исполнения государственного контракта.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к заказчику о признании государственного контракта недействительным и о возврате уплаченной цены контракта как неосновательного обогащения.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что общество предоставило ненадлежащее обеспечение, оспариваемый государственный контракт заключен с нарушением ч. 19 ст. 41^{12} Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 94-ФЗ), действовавшего на момент проведения аукциона и заключения спорного

государственного контракта, и в силу ст. 168 ГК РФ является недействительной сделкой.

Ввиду того, что предметом конкурса было право на заключение договора, которое подлежало оплате победителем конкурса, то при признании договора недействительным такое право утрачивается, а в соответствии с подп. 1 ст. 1103 ГК РФ уплаченные денежные средства должны быть возвращены обществу.

Отменяя решения суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал на то, что уплаченная сумма является платой за право заключения контракта и не связана с его исполнением. Заказчик исполнил свои обязательства, предоставив это право обществу, однако последнее реализовало его с нарушением требований действующего законодательства.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции, согласившись с его выводами.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

После снижения цены контракта до нуля по правилам ч. 18 ст. 41^{10} Закона № 94-ФЗ открытый аукцион проводился на право заключить государственный контракт путем подачи участниками своих ценовых предложений, то есть предлагаемая претендентами в этом случае стоимость не связана с ценой контракта, так как она составляет ноль, а представляет собой выкупную стоимость (оплату) приобретения названного права.

Общество как лицо, предложившее наибольшую цену за право на заключение контракта, было признано победителем аукциона и перечислило денежные средства в качестве оплаты права на заключение государственного контракта.

Поскольку на дату заключения спорного контракта общество представило все предусмотренные Законом № 94-ФЗ и аукционной документацией документы, в том числе банковскую гарантию для обеспечения исполнения контракта, заказчик исполнил свои обязательства и предоставило обществу то право, за которое оно уплатило указанную денежную сумму, заключив с ним государственный контракт.

Общество, представив при заключении контракта ненадлежащую банковскую гарантию, реализовало указанное право с нарушением действующего законодательства, что повлекло невозможность исполнения контракта ввиду отсутствия его обеспечения, необходимость которого предусмотрена ч. 19 ст. 41^{12} Закона № 94-ФЗ.

В случае несоблюдения запрета, установленного п. 1 ст. 10 ГК РФ, суд на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

Согласно п. 5 ст. 166 ГК РФ и разъяснениям, приведенным в п. 70 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Обществу, как участнику аукциона на право заключения государственного контракта, было известно требование Закона № 94-ФЗ и аукционной документации о необходимости представить обеспечение исполнения обязательства, в том числе в виде безотзывной банковской гарантии.

Между тем, как правильно указал суд апелляционной инстанции, для выполнения этого требования общество обратилось не в кредитную организацию с соблюдением установленного порядка получения финансового обеспечения, а оформило банковскую гарантию через сомнительную организацию, деятельность которой нарушает нормы гражданского законодательства, что свидетельствует о недобросовестности истца.

Общество, сославшись на несоответствие государственного контракта требованиям Закона № 94-ФЗ ввиду представления им ненадлежащей банковской гарантии, нарушило пределы осуществления гражданских прав, установленные ст. 10 ГК РФ.

Поскольку заказчик исполнил свое обязательство и заключил с обществом государственный контракт, недостоверность банковской гарантии, представленной истцом, установлена после заключения государственного контракта и вызвана неисполнением обществом лежащей на нем обязанности и его недобросовестным поведением, то заявление общества о недействительности сделки в силу п. 5 ст. 166 ГК РФ не имеет правового значения.

При таком положении суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требований общества и взыскании с ответчика денежных средств,

уплаченных истцом за предоставленное ему право на заключение государственного контракта.

Определение № 306-ЭС16-606

IV. Разрешение споров, возникающих из вещных правоотношений

9. Граждане, коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, являющиеся собственниками недвижимого имущества, выкупленного у публично-правового образования, имеют право приобрести в собственность земельный участок, на котором расположена эта недвижимость, на льготных условиях, предусмотренных п. 1 ст. 2 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», независимо от того, приобрели ли они недвижимость непосредственно при приватизации или в результате последующих сделок.

В порядке приватизации государственного имущества общество приобрело в собственность объекты недвижимости.

В последующем право собственности на указанные объекты по ряду сделок перешло К.

К. и уполномоченным органом заключен договор купли-продажи земельного участка, занятого указанными объектами недвижимости. В соответствии с этим договором стоимость земельного участка определена на основании п. 2 ст. 2 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 137) в размере семикратной ставки земельного налога за единицу площади земельного участка.

Полагая, что при исполнении договора купли-продажи он произвел переплату установленной законом выкупной цены, которая должна определяться в соответствии с п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ в размере двух с половиной процентов кадастровой стоимости земельного участка, К. уступил предпринимателю требование о взыскании излишне уплаченной суммы.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с соответствующим иском к уполномоченному органу.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции указал, что К. не имеет право на выкуп земельного участка по льготной цене, установленной п. 1 ст. 2 Закона № 137, поскольку право собственности на объекты недвижимости возникло у него не в результате приватизации, а по договору купли-продажи с частным собственником уже приватизированного имущества. Суд также отметил, что правом на выкуп

по льготной цене в соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 2 Закона № 137 обладают только коммерческие организации и индивидуальные предприниматели.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования, суд апелляционной инстанции указал, что общество, равно как и другие собственники, предшествовавшие нынешнему правообладателю приватизированного имущества, имели право на выкуп земельного участка по льготной цене, поскольку первоначально объекты недвижимости были приобретены в результате приватизации.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции, указав, что К. уступил предпринимателю несуществующее право.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Критерием применения льготного режима выкупа земельного участка является субъект гражданского оборота либо правовая судьба объекта недвижимости.

Из содержания п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ следует, что субъектами применения льготного порядка расчетов за приватизируемые земельные участки выступают собственники зданий, строений, сооружений, находившихся ранее в государственной или муниципальной собственности.

При этом для приобретения земельного участка по льготной цене в соответствии с п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ достаточно установить факт отчуждения недвижимого имущества в процессе приватизации государственных (муниципальных) предприятий, поскольку из буквального толкования данной нормы не следует, что субъектом приобретения земельного участка по льготной цене является первый приобретатель недвижимости.

Кроме того, ограничительное толкование положения п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ привело бы – в нарушение закрепленного в ст. 19 Конституции Российской Федерации принципа равенства – к неравному подходу по отношению к собственникам недвижимого имущества как субъектам права, находящимся в равном положении. По смыслу данного законоположения и с учетом преследуемых законодателем общих целей правового регулирования, любой собственник недвижимого имущества, выкупленного у государственного или муниципального образования, имеет право на приобретение в собственность земельного участка на льготных условиях независимо от того, приобрел ли он недвижимость непосредственно при приватизации или в результате последующих сделок.

Таким образом, физическое лицо при приобретении им на основании

гражданско-правовой сделки недвижимого имущества, которое ранее было отчуждено в процессе приватизации государственных (муниципальных) предприятий, наряду с коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями также является субъектом права выкупа земельного участка по льготной цене на основании абзаца второго п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ.

Иное толкование нормы п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ может привести к тому, что коммерческие организации и предприниматели будут находиться в более выгодном положении по сравнению с гражданами, не имеющими статус индивидуального предпринимателя.

Норма абзаца второго п. 1 ст. 2 Закона № 137-ФЗ не конкурирует с правилом абзаца пятого п. 1 той же статьи, а дополняет ее, устанавливая для граждан право выкупить земельный участок по льготной цене в иных случаях, не подпадающих под действие абзаца второго.

Поскольку в силу п. 1 ст. 422 ГК РФ, определяя цену земельного участка, стороны должны были руководствоваться императивной нормой п. 1 ст. 2 Закона № 137, установление в договоре выкупной цены сверх размера, предписанного законом, противоречит указанным нормам, и К. обладает правом на возврат излишне уплаченных сумм.

Определение 310-ЭС16-1609

10. Для реализации гражданином права на приобретение в собственность земельного участка в соответствии с п. 4 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» не требуется нотариально заверенное согласие его супруга.

Глава крестьянского (фермерского) хозяйства (далее – глава КФХ) обратился в департамент имущественных отношений Краснодарского края (далее – департамент) с заявлением о приобретении в собственность находящегося у заявителя в аренде земельного участка на основании п. 4 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон № 101) и ст. 21 Закона от 5 ноября 2002 г. № 532-КЗ «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае» (далее – Закон Краснодарского края № 532).

Департамент отказал предпринимателю в предоставлении соответствующей государственной услуги, мотивировав отказ тем, что в нарушение Административного регламента предоставления государственной услуги по предоставлению в собственность за плату земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения

на территории Краснодарского края, находящихся в государственной собственности Краснодарского края, утвержденного приказом департамента от 4 июня 2012 г. № 767 (далее – административный регламент), заявителем не представлено нотариально удостоверенное согласие супруги на совершение сделки по приобретению земельного участка.

Глава КФХ обратился в арбитражный суд с заявлением к департаменту о признании этого отказа незаконным и о возложении на департамент обязанности принять решение о предоставлении в собственность предпринимателя указанного земельного участка.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований отказано. Суды исходили из того, что в силу ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон № 210) предоставление государственных и муниципальных услуг осуществляется в соответствии с административными регламентами. Учитывая, что нотариально заверенное согласие супруга на совершение сделки не значилось в числе приложений к заявлению главы КФХ, а соблюдение формальных требований административного регламента является обязательным для получения заинтересованным лицом соответствующей государственной (муниципальной) услуги, оспариваемый отказ не может быть признан незаконным, поскольку соответствует требованиям поименованного регламента, являющегося нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации. Данный нормативный правовой акт не отменен и не признан в установленном законом порядке недействующим полностью или в части, поэтому подлежал обязательному применению департаментом.

Кроме того, суды указали, что договор аренды является действующим и глава КФХ вправе вновь обратиться с аналогичным заявлением, приложив все необходимые документы, поэтому посчитали, что право предпринимателя на приобретение земельного участка в собственность не нарушено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отношения владения, пользования и распоряжения общим имуществом супругов урегулированы ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 35 СК РФ при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Исключение из данного правила содержится в п. 3 ст. 35 СК РФ, согласно которому необходимость получения нотариально удостоверенного согласия другого супруга требуется для совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке.

Приведенная норма права направлена на определение правового режима распоряжения имуществом, приобретенным супругами в браке. Между тем приобретение земельного участка не является сделкой по распоряжению недвижимостью.

Данная сделка не требует нотариального удостоверения, не имеет обязательной нотариальной формы. Согласно ст. 550, п. 2 ст. 434 ГК РФ договор продажи недвижимости заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами.

Государственная регистрация сделок с земельными участками обязательна в случаях, указанных в федеральных законах (п. 2 ст. 25 Земельного кодекса Российской Федерации, далее – ЗК РФ). Законом не установлена государственная регистрация спорной сделки. По правилам п. 1 ст. 551 ГК РФ государственной регистрации подлежит переход права собственности на недвижимое имущество при совершении сделки купли-продажи с ним, а не договор купли-продажи, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 558 ГК РФ (договор купли-продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры).

Федеральным законом от 21 июня 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» также не предусмотрена государственная регистрация рассматриваемой сделки.

Таким образом, реализация гражданином права на приобретение в собственность арендуемого им земельного участка не является сделкой по распоряжению недвижимостью и сделкой, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, для совершения которых п. 3 ст. 35 СК РФ требуется получение нотариально удостоверенного согласия другого супруга.

Установленная в административном регламенте обязанность в случае приобретения земельного участка в собственность одним из супругов представить нотариально заверенное согласие супруга вводит дополнительную обязанность для граждан, которая не предусмотрена нормативными правовыми актами, регулирующими оборот земель, а также правовой режим общего имущества супругов и ограничивает оборот земельных участков сельскохозяйственного назначения, что в силу подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона № 210 и ч. 5 ст. 1 Закона № 101 не допускается.

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых

положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что согласно абзацу тринадцатому ст. 12 ГК РФ при рассмотрении споров, связанных с защитой гражданских прав, суд не применяет противоречащий закону акт государственного органа или органа местного самоуправления независимо от признания этого акта недействительным.

Таким образом, суды необоснованно применили указанное положение административного регламента, противоречащее нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Определение № 308-КГ15-13732

11. Поскольку принадлежащие одному собственнику объекты недвижимости и земельный участок, на котором они расположены, не могут выступать в обороте раздельно, не имеется оснований для государственной регистрации перехода к покупателю права собственности на объекты недвижимости без государственной регистрации перехода к нему права собственности на земельный участок.

Если арендодатель по договору аренды с правом выкупа недвижимых объектов является собственником земельного участка, на котором расположены такие объекты, или стал им на момент внесения всех арендных (выкупных) платежей, к арендатору переходит право собственности не только на объекты недвижимости, но и на соответствующий земельный участок.

При этом презюмируется, что в размер арендных (выкупных) платежей включена стоимость земельного участка, если договором прямо не предусмотрено иное.

Компания (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды с правом выкупа пяти нежилых объектов недвижимости, в соответствии с которым арендодатель передал принадлежащие ему на праве собственности нежилые объекты, расположенные на земельном участке, находящемся у арендодателя на праве постоянного (бессрочного) пользования. Кроме того, договором были предусмотрены обязательства арендодателя в течение срока аренды оформить на себя право собственности на указанный земельный участок, передать его арендатору в порядке, предусмотренном ГК РФ и ст. 35 ЗК РФ, и после внесения арендатором полной выкупной стоимости за объекты недвижимости передать в регистрирующий орган необходимую документацию для

оформления права собственности арендатора в установленном законом порядке.

Впоследствии компания приобретала в собственность данный земельный участок и предложила обществу изменить условия договора аренды путем включения в предмет договора земельного участка и его стоимости.

Ссылаясь на то, что после внесения полной выкупной стоимости компания не направила документы в регистрирующий орган и уклоняется от исполнения обязанностей по договору аренды, общество обратилось в арбитражный суд с иском о государственной регистрации перехода к нему права собственности на арендуемые объекты и земельный участок, на котором они расположены. Общество также указывало на то, что при заключении договора стороны исходили из того, что выкупная стоимость, указанная в договоре, включает стоимость земельного участка, поскольку арендованные объекты недвижимости на момент заключения договора находились в аварийном состоянии, не имели коммуникаций, их стоимость была значительно ниже договорной.

В свою очередь компания предъявила обществу встречный иск о взыскании платы за фактическое пользование земельным участком, обосновывая свои требования тем, что общество отказалось от предложения внести изменения в договор аренды в части выкупа земельного участка и его цены и не платит за пользование спорным земельным участком.

Отказывая в удовлетворении первоначального иска, суд первой инстанции исходил из того, что общество нарушило свои обязанности по внесению арендной платы, в связи с чем договор аренды прекращен. Суд также отказал в удовлетворении встречного иска, указывая на то, что объекты недвижимости переданы обществу вместе с земельным участком, на котором они расположены, и плата за пользование земельным участком включена в размер арендной платы по договору.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требования общества о регистрации перехода к нему права собственности на спорные объекты недвижимости и удовлетворил иск в этой части, отказав при этом в удовлетворении требования о регистрации перехода к обществу права собственности на земельный участок. Суд исходил из того, что общество надлежащим образом исполнило обязательство по уплате арендных (выкупных) платежей, но в размер выкупной стоимости не была включена стоимость земельного участка, поскольку на момент заключения договора аренды арендодатель не являлся его собственником и не мог им распоряжаться. Суд также указал, что общество после приобретения права собственности на объекты недвижимости будет вправе потребовать

от компании заключить с ним договор купли-продажи спорного земельного участка по правилам ст. 445 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно закрепленному в подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ принципу единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов недвижимости все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

В соответствии со ст. 273 ГК РФ при переходе права собственности на здание строение или сооружение, принадлежащее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания или сооружения переходит право собственности на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования.

В силу п. 4 ст. 35 ЗК РФ отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком, за исключением случаев, прямо указанных в данной норме.

В п. 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что сделка, воля сторон по которой направлена на отчуждение здания или сооружения без соответствующего земельного участка, или отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости, если земельный участок и расположенные на нем объекты недвижимости принадлежат одному лицу, является ничтожной.

По смыслу приведенных норм и разъяснений, в случае принадлежности объектов недвижимости и земельного участка, на котором они расположены, одному лицу, в обороте объекты недвижимости и участок выступают совместно.

Поскольку на момент внесения последнего выкупного платежа компания стала собственником земельного участка, на котором расположены объекты недвижимости, и она приобрела соответствующие полномочия по распоряжению этим участком, у арендатора появилось право требовать от арендодателя осуществить действия по государственной регистрации перехода права собственности на спорное имущество.

В соответствии с п. 1 ст. 552 ГК РФ по договору продажи здания, строения и сооружения или другой недвижимости покупателю одновременно с передачей права собственности на такую недвижимость передаются права на земельный участок, занятый такой недвижимостью и

необходимый для ее использования. В случае, когда продавец является собственником земельного участка, на котором находится продаваемая недвижимость, покупателю передается право собственности на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования, если иное не предусмотрено законом (п. 2 ст. 552 ГК РФ).

Для применения указанных норм не имеет значения то обстоятельство, что на момент заключения договора аренды с правом выкупа арендодатель еще не был собственником земельного участка, поскольку на дату выкупа (внесения полной выкупной цены) он стал собственником этого участка.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа приняли неверное, противоречащее требованиям приведенных норм права решение о государственной регистрации перехода к обществу только права собственности на объекты недвижимости без земельного участка.

Кроме того, возлагая договором на арендодателя обязанность обеспечить приобретение права собственности на земельный участок, стороны преследовали цель обеспечить возможность распоряжения арендодателем земельным участком, расположенным под объектами недвижимости, и возможность перехода прав на него к арендатору.

Согласно п. 2 ст. 555 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором продажи недвижимости, установленная в нем цена здания, сооружения или другого недвижимого имущества, находящегося на земельном участке, включает цену передаваемой с этим недвижимым имуществом соответствующей части земельного участка или права на нее.

Суды, сделав вывод о том, что установленная договором выкупная стоимость не включает цену подлежащего передаче арендатору земельного участка, в нарушение требований ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), не исследовали, предусмотрено ли договором условие о необходимости после приобретения арендодателем права собственности на земельный участок внести изменения в договор и определить отдельно от объектов недвижимости выкупную стоимость земельного участка, не установили действительную волю сторон, касающуюся выкупной цены спорных объектов.

Определение № 303-ЭС15-13807

12. Изменение сведений, содержащихся в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, о собственнике недвижимости ввиду его реорганизации в форме преобразования осуществляется по правилам, предусмотренным для внесения изменений в связи со сменой наименования юридического лица.

Общество с ограниченной ответственностью (далее – общество), образованное в результате реорганизации в форме преобразования сельскохозяйственной артели, обратилось в регистрирующий орган с заявлением о внесении изменений в сведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП) о правообладателе на принадлежащее артели здание и выдаче свидетельства о государственной регистрации права общества на указанный объект недвижимости с измененными сведениями.

Регистрирующий орган отказал обществу в государственной регистрации изменений в ЕГРП со ссылкой на абз. 4, 10 п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Закон № 122-ФЗ), указав на то, что поскольку в настоящем случае имеет место создание нового юридического лица, то обществу необходимо обратиться с заявлением о государственной регистрации перехода права собственности к образованному юридическому лицу на данный объект недвижимости, а также уплатить госпошлину за государственную регистрацию перехода прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Ссылаясь на несоответствие закону решения об отказе во внесении изменений в ЕГРП, нарушение оспариваемым актом регистрирующего органа его прав, общество обратилось в суд с заявлением о признании его незаконным и об обязании регистрирующего органа совершить действия по внесению соответствующих изменений в сведения ЕГРП и выдать свидетельство о государственной регистрации права.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено. Суды исходили из того, что по смыслу п. 5 ст. 58 и п. 2 ст. 218 ГК РФ изменение организационно-правовой формы заявителя не влечет перехода прав на объект недвижимости, поскольку новое юридическое лицо не возникает, а меняется только его организационно-правовая форма, это подтверждается государственной регистрацией изменений, внесенных в ЕГРЮЛ и обусловленных произведенным преобразованием юридического лица. Установив, что обществом в регистрирующий орган были представлены документы в объеме, предусмотренном Законом № 122-ФЗ, уплачена необходимая для этого госпошлина, суды признали отказ регистрирующего органа во внесении изменений в ЕГРП о новом наименовании юридического лица незаконным.

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций и отказывая в удовлетворении заявленных требований, арбитражный суд округа пришел к выводу о том, что в рассматриваемом случае имеет место не изменение наименования юридического лица, а прекращение деятельности одного юридического лица и создание другого, в связи с чем внесение сведений в ЕГРП без соблюдения процедуры государственной

регистрации перехода прав к вновь образованному юридическому лицу на объекты недвижимого имущества не представляется возможным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции.

В отличие от других форм реорганизации при преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы, как указано в п. 5 ст. 58 ГК РФ, права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией.

Из приведенных положений закона следует, что особенностью реорганизации в форме преобразования является отсутствие изменения прав и обязанностей этого реорганизованного лица в отношении третьих лиц, не являющихся его учредителями (участниками).

Поскольку юридическое лицо при преобразовании сохраняет свои права и обязанности в неизменном виде, не передавая их полностью или частично другому юридическому лицу, закон не предусматривает обязательность составления в этом случае передаточного акта, предусмотренного ст. 59 ГК РФ. Преобразование юридического лица считается завершенным в момент государственной регистрации реорганизованного лица.

Арбитражный суд округа, полагая, что в соответствии с положениями п. 1 ст. 16 Федерального закона от 8 августа 2011 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», предусматривающими завершение реорганизации юридического лица в форме преобразования с момента государственной регистрации вновь возникшего юридического лица, преобразованное юридическое лицо считается прекратившим свою деятельность, не учел изменений, внесенных Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – Закон № 99-ФЗ) в ст. 57, 58 ГК РФ.

Согласно п. 4 ст. 3 Закона № 99-ФЗ впредь до приведения законодательных и иных нормативных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации, в соответствие с положениями ГК РФ (в редакции данного закона) законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, а также акты законодательства Союза ССР, действующие на территории Российской Федерации в пределах и в порядке, которые предусмотрены законодательством

Российской Федерации, применяются постольку, поскольку они не противоречат положениям ГК РФ.

В связи с изложенным ссылка регистрирующего органа на необходимость государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество на внесение в ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности сельскохозяйственной артели и записи о создании нового юридического лица (общества) не соответствует положениям п. 4 ст. 57 ГК РФ.

Учитывая, что изменение организационно-правовой формы юридического лица не предполагает изменение его прав и обязанностей, то есть правопреемства от одного лица к другому, довод регистрирующего органа о необходимости государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость от реорганизованного лица к преобразуемому лицу в соответствии со ст. 16 Закона № 122-ФЗ, не соответствует закону.

Поскольку оснований для прекращения или перехода прав на объект недвижимости иному лицу у собственника имущества не имелось, а обращение за внесением изменений в сведения ЕГРП было обусловлено изменением наименования юридического лица, которое включает указание на организационно-правовую форму, общество правомерно на основании п. 67 Правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, состава номера регистрации, утвержденных приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 декабря 2013 г. № 765, оформило в регистрирующий орган заявление о внесении изменений в ЕГРП, приложив Протокол собрания членов артели о принятии решения о реорганизации в общество с ограниченной ответственностью, свидетельство о государственной регистрации и постановке на учет в налоговом органе преобразованного юридического лица, Устав общества.

В соответствии с подп. 33 п. 1 ст. 333^{33} НК РФ за выдачу правообладателям свидетельства о государственной регистрации права на недвижимое имущество в связи с внесением изменений в содержащуюся в ЕГРП запись о праве размер госпошлины для организаций на дату подачи заявления составлял 1 000 рублей, тогда как согласно подп. 22 той же статьи за государственную регистрацию перехода права собственности размер госпошлины составляет 22 000 рублей.

При этом за внесение изменений в ЕГРП и сделок с ним в случае изменения законодательства Российской Федерации в соответствии с подп. 4^{4} п. 3 ст. 333^{35} НК РФ государственная пошлина не взимается. Эта норма применяется в случае изменения наименования соответствующего юридического лица, связанного с приведением его в соответствие с нормами гл. 4 ГК РФ.

Таким образом, оснований для отказа в государственной регистрации заявленных изменений в связи с неуплатой госпошлины в требуемой сумме не имелось.

Определение № 310-КГ16-1802

13. К требованию собственника земельного участка о сносе самовольной постройки, возведенной без его согласия, в случае, когда он был лишен владения этим участком, применяется общий (трехлетний) срок исковой давности, исчисляемый с момента, когда истец узнал или должен был узнать об утрате владения и о том, кто является надлежащим ответчиком.

В 1991 году представительный орган муниципального образования передал сельскохозяйственному предприятию (далее – предприятие) в коллективно-долевую собственность 1 560 га земли.

В 1993 году постановлением главы администрации муниципального образования, в соответствии с п. 1 ст. 39 ЗК РСФСР, с согласия предприятия в форме протокола Совета предприятия, исполнительской дирекции и ревизионной комиссии было прекращено право собственности предприятия на один из земельных участков.

Этот земельный участок был передан муниципальным образованием обществу в аренду с возможностью строительства на участке зданий, строений и сооружений.

В 2008-2009 годах в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП) было зарегистрировано право собственности общества на объекты недвижимости, построенные на указанном земельном участке.

В соответствии со ст. 36 ЗК РФ в 2011 году на основании постановления администрации муниципального образования и договора купли-продажи за обществом было зарегистрировано право собственности на земельный участок, расположенный под принадлежащими ему объектами недвижимости.

В 2014 году предприятие обратилось в арбитражный суд с иском к обществу об истребовании из чужого незаконного владения спорного земельного участка, о признании самовольными постройками объектов недвижимости, расположенных на нем, и об обязании общества снести эти объекты. Предприятие обосновывало свои требования тем, что земельный участок изъят у него незаконно.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды исходили из того, что предприятие в лице управомоченного

органа – Совета предприятия – добровольно отказалось от права собственности на земельный участок на основании ст. 39 ЗК РСФСР.

Кроме того, суд указал на то, что предприятием пропущен трехгодичный срок исковой давности. При определении начала течения срока исковой давности суд исходил из того, что истец знал об обстоятельстве, которое, по его мнению, образует нарушение его прав, поскольку коллективный исполнительный орган истца письменно одобрил передачу земельного участка администрации в 1993 году.

Также истцу в 2006 году было известно о спорном земельном участке, поскольку в 2007 году на основании обращения предприятия утверждены проекты границ других земельных участков, входящих в переданные земли. При этом план границ был подписан директором предприятия в 2006 году, который также запрашивал сведения в отношении спорного земельного участка. Кроме того, на спорном земельном участке расположены два пятнадцатиэтажных офисных здания, на которые было зарегистрировано право собственности общества в 2008 и 2009 годах, поэтому суд посчитал, что, по крайней мере, с указанных дат истцу было известно о выбытии земельного участка из его владения, поскольку участок занят вновь возведенными недвижимыми объектами.

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций и направляя дело на новое рассмотрение, арбитражный суд округа признал недоказанным вывод судов о том, что право собственности истца на земельный участок было утрачено по его воле и истец добровольно отказался от своих прав на землю. Суд счел, что предприятие не давало согласия в надлежащей форме на отказ от права собственности на спорный участок и оспаривало подписание протокола Совета, поэтому указал, что судам следует выяснить вопросы о наличии надлежащих доказательств, подтверждающих согласие истца на передачу спорного земельного участка администрации, наличие полномочий у органа юридического лица, принявшего такое решение, а также доказательств избрания и реализации конкретной процедуры отчуждения земельного участка в порядке, предусмотренном земельным законодательством на момент возникновения спорных правоотношений.

Суд округа указал, что, исходя из предмета заявленных требований, подлежат установлению обстоятельства того, с какого момента предприятие было осведомлено о прекращении его права собственности на указанный земельный участок и последующем распоряжении участком.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановлением арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

При рассмотрении дела в суде первой инстанции ответчик заявил о пропуске срока исковой давности.

Вопрос о сроке исковой давности применительно к искам лиц, не владеющих землей и считающих себя собственниками, о виндикации земельного участка, занятого чужими объектами недвижимости, был разрешен в п. 6 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами ст. 222 ГК РФ, утвержденного постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 9 декабря 2010 г. № 143 (далее – Обзор № 143).

Согласно этому разъяснению поскольку истец, считающий себя собственником спорного участка, фактически им не владеет, вопрос о правомерности возведения без его согласия спорных объектов недвижимости может быть разрешен в том числе при рассмотрении виндикационного иска либо после удовлетворения такого иска. Следовательно, если подобное нарушение права собственника или иного законного владельца земельного участка соединено с лишением владения, то требование о сносе постройки, созданной без согласия истца, может быть предъявлено лишь в пределах срока исковой давности по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ).

Исковая давность не распространяется на требование о сносе постройки, созданной на земельном участке истца без его согласия, если истец владеет этим земельным участком (п. 6 и 7 Обзора № 143).

Установленные ГК РФ правила об исковой давности не подлежат применению в случаях предъявления компетентным органом в публичных интересах требования о сносе самовольной постройки, создающей угрозу жизни и здоровью граждан (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Судами первой и апелляционной инстанций установлено и материалами дела подтверждается, что истец не приводил доводов ни о нарушении градостроительных и строительных норм и правил при возведении объектов, ни о том, что постройки создают угрозу жизни и здоровью граждан.

Применительно к ст. 301, 302 ГК РФ срок давности по иску об истребовании недвижимого имущества из чужого незаконного владения начинает течь с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о том, что недвижимое имущество выбыло из его владения и его право на названное недвижимое имущество нарушено.

Арбитражный суд округа не подвергал сомнению данные выводы судов первой и апелляционной инстанций о начальном моменте течения срока исковой давности (в любом случае не позднее 2008-2009 годов), не опровергал доказанность истечения срока исковой давности и в силу ст.

286, 287 АПК РФ не вправе был переоценивать данные выводы, сделанные на основе исследования и оценки доказательств, а также не указал на неправильное применение судами норм материального права – ст. 196, 200 ГК РФ.

Таким образом, учитывая, что предприятие не владеет спорным земельным участком, если срок исковой давности по виндикационному иску истек, то истек срок и по иску о сносе самовольных построек.

Определение № 305-ЭС15-6246

V. Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

14. Неустойка, взыскиваемая судом с бюджетного учреждения за неисполнение договорного обязательства, подлежит начислению до фактической уплаты долга, в том числе за период принудительного исполнения судебного акта.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к бюжетному учреждению о взыскании неустойки, начисленной за несвоевременную уплату задолженности по договорам, взысканной решениями суда по другим делам.

Период взыскания неустойки определен обществом со дня, следующего за днем обращения с иском по указанным делам, по дату фактической уплаты учреждением задолженности.

В возражениях на иск учреждение представило расчет, в соответствии с которым период взыскания должен заканчиваться датой получения исполнительных листов по каждому приведенному решению.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены частично.

Соглашаясь с расчетом неустойки, представленной ответчиком, суды исходили из того, что, поскольку ответчик является бюджетным учреждением и в силу Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) без исполнительных листов не имело возможности произвести оплату взысканных сумм по решениям суда, период взыскания неустойки должен быть ограничен датой получения обществом исполнительных листов по каждому делу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Истцом заявлено требование о взыскании неустойки в связи с просрочкой оплаты выполненных истцом работ по заключенным сторонами договорам.

Суды при рассмотрении дела по существу пришли к выводу о том, что нормы БК РФ могут изменить период взыскания неустойки, заявленной по настоящему делу ввиду особого порядка исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, предусмотренного гл. 24^1 БК РФ.

Установленные БК РФ особенности порядка исполнения судебных актов не регулируют имущественные гражданско-правовые отношения, не затрагивают соотношения прав и обязанностей их участников и сами по себе не изменяют оснований и условий применения гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств.

В силу ст. 1, 307, 309 ГК РФ бюджетное учреждение, как сторона по возникшим гражданско-правовым сделкам, должно надлежащим образом соблюдать согласованные в них условия, а также требования закона, иных нормативных актов.

В соответствии со ст. 330 ГК РФ неустойка является способом обеспечения надлежащего исполнения обязательств, о котором стороны договариваются при заключении договора. При этом период взыскания неустойки в каждом случае может зависеть от длительности ненадлежащего исполнения стороной своих обязанностей.

Учитывая назначение института неустойки и ее роль для надлежащего исполнения сторонами возникших гражданско-правовых обязательств, в п. 65 постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, что по смыслу ст. 330 ГК РФ истец вправе требовать присуждения неустойки по день фактического исполнения обязательства (в частности, фактической уплаты кредитору денежных средств, передачи товара, завершения работ). Законом или договором может быть установлен более короткий срок для начисления неустойки либо ее сумма может быть ограничена. Присуждая неустойку, суд по требованию истца в резолютивной части решения указывает сумму неустойки, исчисленную на дату вынесения решения и подлежащую взысканию, а также то, что такое взыскание производится до момента фактического исполнения обязательства.

Определение № 305-ЭС16-3045

15. Условие договора подряда, в соответствии с которым заказчик вправе приостановить оплату работ до предоставления подрядчиком банковской гарантии, которая будет обеспечивать исполнение последним обязательств, касающихся качества результата работ в период гарантийного срока, является действительным. При этом заказчик вправе приостановить исполнение своей обязанности по оплате на период до предоставления банковской гарантии, а в случае ее непредоставления – до истечения гарантийного срока.

Компания (подрядчик) и общество (заказчик) заключили договор строительного подряда. Согласно договору подрядчик предоставляет заказчику в обеспечение исполнения принятых по данной сделке гарантийных обязательств безотзывную банковскую гарантию на период гарантийного срока. При непредоставлении подрядчиком упомянутой банковской гарантии заказчик вправе приостановить расчеты по договору независимо от наступления сроков платежей; в этом случае заказчик не будет считаться просрочившим или нарушившим свои обязательства по договору.

Предусмотренный соглашением компании и общества минимальный гарантийный срок составил 36 месяцев.

Компания не предоставила банковскую гарантию. Несмотря на это, она обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании с общества задолженности, мотивировав свое требование неоплатой принятых заказчиком работ.

На момент рассмотрения дела гарантийный срок не истек.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды сослались на положения ст. 711, 740, 746 ГК РФ (здесь и далее – в редакции, действовавшей на момент заключения договора), указали на наличие в материалах дела должных свидетельств выполнения работ подрядчиком и их принятия заказчиком, констатировали отсутствие доказательств оплаты данных работ.

При этом суды пришли к выводу, что договорное условие о праве заказчика приостановить расчеты по договору при непредоставлении подрядчиком предусмотренной договором банковской гарантии не может считаться согласованным, поскольку определение срока путем указания на событие, не отвечающее признаку неизбежности, не соответствует положениям ст. 190 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами судов нижестоящих инстанций по следующим основаниям.

Предусмотренный ст. 711 ГК РФ порядок оплаты работ (после окончательной сдачи результатов) применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное.

В данном случае стороны, отступив от диспозитивных положений ст. 711 ГК РФ, согласовали условие, отличное от закрепленного в ней в качестве общего правила, связав срок исполнения обязательства по оплате работ с моментом предоставления подрядчиком банковской гарантии, выдаваемой на случай неисполнения (ненадлежащего исполнения) подрядчиком гарантийных обязательств.

Результат работ должен соответствовать условиям договора в течение всего гарантийного срока. Поэтому заказчик вправе предъявить требования, связанные с недостатками результата работ, обнаруженными в течение гарантийного срока (п. 1 ст. 722, п. 3 ст. 724 ГК РФ).

Таким образом, упомянутая в договоре подряда банковская гарантия направлена на обеспечение надлежащего исполнения компанией подрядных гарантийных обязательств.

Следовательно, имущественный интерес общества (заказчика), настаивающего на проведении расчетов после предоставления банковской гарантии, заключался в использовании не противоречащего закону способа минимизации собственных предпринимательских рисков, связанных с устранением выявленных в течение гарантийного срока недостатков, путем закрепления возможности получить исполнение от банка – гаранта максимально быстро, не опасаясь возражений компании о доброкачественности работ, относительно которых возможны длительные споры, в том числе судебные.

Этот интерес общества являлся правомерным и подлежал судебной защите.

В свою очередь, подрядчик на стадии подписания договора не заявил каких-либо возражений по поводу условия о праве заказчика приостановить расчеты при непредоставлении банковской гарантии. Действуя своей волей и в своем интересе, компания заключила сделку на таких условиях.

Данные условия основаны на принципе свободы договора (п. 1 ст. 1, ст. 421 ГК РФ), который направлен на развитие предпринимательской деятельности, позволяя ее субъектам самостоятельно регулировать собственные отношения.

Эти условия не являлись явно обременительными и не влекли за собой нарушение баланса интересов сторон, поскольку у подрядчика, добровольно вступившего в обязательственные отношения, имелось право выбора того, как получить оплату: исполнить в соответствии с требованиями ст. 309 ГК РФ обязательство по предоставлению банковской гарантии либо дождаться истечения гарантийного срока (момента отпадения оснований выдачи банковской гарантии).

Кроме того, ошибочными являются ссылки судов на ст. 190 ГК РФ как основание для отказа в иске.

Нормы гражданского законодательства, регулирующие сроки исполнения обязательств, направлены на недопущение неопределенности в правоотношениях сторон. Если срок исполнения заказчиком обязательства по оплате работ определяется указанием на действия подрядчика по предоставлению банковской гарантии, то предполагается, что такие действия должны быть совершены подрядчиком в срок, предусмотренный договором, а при его отсутствии – в разумный срок (ст. 314 ГК РФ). В таком случае нет неопределенности в сроке исполнения обязательства по оплате работ, этот срок считается согласованным, а договор в этой части – заключенным.

Определение № 301-ЭС16-4469

16. Условие договора оказания услуг по передаче электрической энергии, предусматривающее начисление неустойки на случай просрочки внесения заказчиком платежей, подлежащих уплате до окончания расчетного периода, не противоречит законодательному регулированию соответствующих обязательств и является действительным.

Распределительной компанией (заказчик) и сетевой компанией (исполнитель) заключен договор оказания услуг по передаче электрической энергии по единой национальной (общероссийской) электрической сети. В соответствии с условиями договора оплата услуг исполнителя осуществлялась в несколько этапов: часть суммы перечислялась до окончания расчетного периода (промежуточные платежи), а окончательный расчет производился после оказания услуг за определенный период. На случай нарушения сроков оплаты договором была предусмотрена неустойка.

Ссылаясь на нарушение сроков внесения промежуточных платежей, сетевая компания обратилась в арбитражный суд с иском к распределительной компании о взыскании соответствующей неустойки.

Руководствуясь ст. 309, 310, 330, 395, 421, 431, 779, 781 ГК РФ, положениями Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Правилами недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861, и установив факты согласования сторонами условия о неустойке и неисполнения заказчиком его обязательства, суд первой инстанции удовлетворил исковое требование. Его выводы поддержаны судом апелляционной инстанции.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении искового требования отказано. Суд исходил из того, что условие о начислении неустойки на промежуточные платежи противоречит положениям ст. 544 и 781 ГК РФ, а также смыслу ст. 330 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила без изменения решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Исходя из положений ст. 1, 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422 ГК РФ).

Положениями ГК РФ, на которые сослался арбитражный суд округа, и законодательством в сфере оказания услуг по передаче электрической энергии не ограничено право исполнителей начислять неустойку за нарушение сроков внесения промежуточных платежей.

В случае, когда судами первой и апелляционной инстанций установлено, что распределительная и сетевая компании согласовали условие о начислении неустойки, в том числе на промежуточные платежи, у арбитражного суда округа не имелось оснований для неприменения этого условия договора.

Определение № 305-ЭС16-4576

17. Право на взыскание с исполнителя коммунальных услуг стоимости коммунального ресурса, поставленного в многоквартирный дом в отсутствие у исполнителя письменного договора энергоснабжения (ресурсоснабжения), принадлежит ресурсоснабжающей, а не сетевой организации.

Управляющей компании 1 октября 2013 г. передан в управление многоквартирный дом.

Управляющая компания и сетевая организация, к сетям которой через трансформаторную подстанцию присоединен этот дом, 14 ноября 2013 г. подписали акт о разграничении балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности.

Управляющей компанией (заказчиком) и энергоснабжающей организацией (исполнителем) заключен договор энергоснабжения от 14 января 2014 г. Указанный многоквартирный дом включен в число объектов энергоснабжения 3 марта 2014 г.

При осмотре сетевой организацией 14 марта 2014 г. электроустановок управляющей компании составлен акт, которым зафиксирован факт потребления электрической энергии без заключенного договора энергоснабжения путем подключения к трансформаторной подстанции предприятия. Период бездоговорного потребления определен в акте с 1 октября 2013 г. по 20 февраля 2014 г.

Ссылаясь на отсутствие у управляющей компании оформленных договорных отношений с энергоснабжающей организацией, сетевая организация, в соответствии с пп. 84, 167 и 196 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (далее – Основные положения № 442), обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании с компании стоимости бездоговорного потребления электрической энергии за соответствующий период, рассчитав его исходя из величины допустимой длительной токовой нагрузки вводного кабеля (провода).

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции руководствовался ст. 539, 544 ГК РФ, пп. 2, 39, 84, 167 и 196 Основных положений № 442, и признал, что период, за который взыскивается задолженность, не может считаться бездоговорным ввиду наличия заключенного управляющей компанией и энергоснабжающей организацией договора от 14 января 2014 г., обеспечивающего подачу электроэнергии в многоквартирный дом, а сетевая организация не является собственником электрической энергии, потребленной управляющей компанией.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции исходил из того, что договорные отношения между управляющей компанией и сетевой организацией были оформлены только 3 марта 2014 г. и заявленный предприятием период (с 1 октября 2013 г. по 20 февраля 2014 г.) отвечает признакам бездоговорного потребления.

Указанные выводы поддержаны судом округа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Электрическая энергия, оплаты которой сетевая организация требует в качестве бездоговорно потребленной, поставлялась энергоснабжающей организацией в виде коммунального ресурса управляющей компании в находящийся в ее управлении многоквартирный дом в целях оказания проживающим в нем гражданам соответствующих коммунальных услуг.

Сетевая организация не рассматривала управляющую компанию в качестве потребителя указанного коммунального ресурса

с самостоятельными экономическими интересами. Следовательно, по своему содержанию спорные отношения по поставке электрической энергии подпадают под действие жилищного законодательства (п. 10 ч. 1 ст. 4 ЖК РФ).

В этом случае положения п. 84 Основных положений № 442 подлежат применению к спорным отношениям в части, не противоречащей ЖК РФ.

Системное толкование ч. 1 ст. 157 ЖК РФ, п. 13 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354, п. 15 Правил предоставления коммунальных услуг гражданам, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2006 г. № 307, исключает возложение на управляющую организацию – исполнителя коммунальных услуг в отношениях с ресурсоснабжающими организациями обязанностей по оплате коммунальных ресурсов в большем объеме, чем аналогичные коммунальные ресурсы подлежали бы оплате в случае получения гражданами – пользователями коммунальных услуг указанных ресурсов напрямую от ресурсоснабжающих организаций минуя посредничество управляющей организации. Данный подход в равной мере относится как к внутриквартирному потреблению соответствующих коммунальных ресурсов, так и к потреблению этих ресурсов на общедомовые нужды.

Поскольку ответственность за бездоговорное потребление гражданами коммунальных ресурсов жилищным законодательством не установлена, п. 84 Основных положений № 442, предусматривающий право сетевой организации взыскать с абонента, у которого отсутствует письменный договор с энергоснабжающей организацией, стоимость бездоговорного потребления электрической энергии в объеме, определяемом исходя из величины допустимой длительной токовой нагрузки каждого вводного провода (кабеля), не подлежит применению к отношениям между управляющей организацией и сетевой организацией, как противоречащий ЖК РФ, и принятым в соответствии с ним правилам предоставления коммунальных услуг гражданам.

Из изложенного следует, что сетевая организация не вправе взыскивать с исполнителя коммунальных услуг стоимость соответствующего коммунального ресурса.

Право на взыскание с исполнителя коммунальных услуг стоимости коммунального ресурса, поставленного в многоквартирный дом в отсутствие у исполнителя письменного договора энергоснабжения (ресурсоснабжения), принадлежит ресурсоснабжающей организации.

Определение № 305-ЭС16-4138

18. При расчетах за услуги по передаче электрической энергии применяется тариф, соответствующий императивно установленному порядку определения уровня напряжения.

Сбытовая компания (заказчик) в интересах своих потребителей (в том числе общества) заключила с сетевой компанией (исполнителем) договор поставки электрической энергии, указав в нем для точек поставки общества уровень напряжения СН-2.

Через подстанции, принадлежащие сетевой компании, электроэнергия передавалась в электросети фирмы и предприятия, а через них – в энергопринимающие устройства общества. Фирма и предприятие не оказывали услуги по передаче электрической энергии. Трансформация электроэнергии в их сетях не происходила.

Фактический уровень напряжения в точке присоединения энергопринимающих устройств фирмы и предприятия к подстанциям сетевой компании составлял 6 киловольт. В то же время граница балансовой принадлежности сетевой компании и указанных лиц установлена на контактах в местах присоединения ошиновки шинных разъединителей ячеек 6 киловольт к трансферным системам шин подстанции, на неподвижном контакте шинных разъединителей в ячейках подстанции.

Во исполнение своих обязательств сетевая компания оказала сбытовой компании услуги по передаче электроэнергии до точек поставки общества и потребовала их оплатить по тарифу, установленному для уровня напряжения СН 2. Позиция сетевой компании в выборе тарифа основывалась на ч. 5 п. 15(2) Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 в редакции постановления от 31 июля 2014 г. № 740, далее – Правила № 861), а также на условиях договора о согласованном уровне напряжения.

Сбытовая компания настаивала на недопустимости произвольного указания сторонами уровня напряжения, полагала возможным одновременное применение чч. 3 и 5 п. 15(2) Правил № 861 и оплатила услуги по тарифу, установленному для ВН (высокого уровня напряжения).

Разногласия сторон в расчетах явились поводом для обращения сетевой компании в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано. Суд пришел к выводу об отсутствии оснований для применения в отношении опосредованно присоединенного потребителя тарифа, отличающегося от того, что применялся для лиц, не оказывающих услуги по передаче электроэнергии. Условия присоединения последних позволяли им оплачивать услуги сетевой компании по тарифу, предусмотренному

для уровня, соответствующего значению питающего (высшего) напряжения трансформаторных подстанций. Выводы суда основаны на возможности одновременного применения частей 3 и 5 п. 15(2) Правил № 861 к определению уровня напряжения, на котором подключены энергопринимающие устройства общества.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, иск удовлетворен. Исходя из буквального толкования п. 15(2) Правил № 861, суды пришли к выводу о невозможности одновременного применения разных частей этого пункта к одному потребителю, указав, что тариф определяется уровнем напряжения, на котором энергопринимающие устройства потребителя подключены к объектам лиц, не оказывающих услуги по передаче электрической энергии, то есть СН-2. Выводы судов основывались также на обязанности сторон руководствоваться в применении тарифа условиями договора о согласованном уровне напряжения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Обязательства потребителя услуг по передаче электроэнергии (в том числе энергосбытовых компаний) определяются в размере стоимости услуг, которая рассчитывается исходя из цены услуг и их объема. В силу естественно монопольной деятельности сетевых организаций условия о цене услуг (тарифе) в значительной степени регулируются нормативно. Нормативные предписания, носящие императивный характер, обязательны для сетевой и сбытовой компаний вне зависимости от условий заключенного между ними договора.

Тариф дифференцируется в зависимости от уровня напряжения в точке подключения потребителя к электросети сетевой организации.

Порядок определения уровня напряжения в отношении каждой точки поставки установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 740, в котором по-новому изложен п. 15(2) Правил № 861. Согласно указанному пункту для потребителей, присоединенных к понижающей подстанции, принимается уровень напряжения, соответствующий значению питающего (высшего) напряжения этой подстанции (абзац третий). Для опосредованно присоединенных потребителей принимается уровень напряжения, на котором подключены объекты несетевых организаций (в том числе лиц, не оказывающих услуги по передаче электрической энергии) к объектам электросетевого хозяйства сетевой организации (абзац пятый). В случае одновременного наличия нескольких факторов, влияющих на определение уровня напряжения в отношении каждой точки поставки, не исключено

одновременное применение третьего и пятого абзацев п. 15 (2) Правил № 861.

Учитывая опосредованное присоединение энергопринимающих устройств общества к сетям сетевой компании, условия присоединения объектов несетевых организаций и императивность п. 51(2) Правил № 861, судебная коллегия пришла к выводу о том, что общество и, как следствие, сбытовая компания, действующая в его интересах, должны оплачивать услуги сетевой организации по тарифу, предусмотренному для питающего напряжения указанной трансформаторной подстанции (ВН).

Приняв во внимание положения законодательства о ценообразовании в электроэнергетике о применении тарифа в соответствии с правилами его формирования, о периоде действия тарифа (один год), а также тот факт, что новые правила определения уровня напряжения введены в действие в середине периода регулирования, судебная коллегия пришла к выводу о том, что со дня введения новых правил в действие они распространялись на порядок установления тарифа на новый период регулирования, а в расчетах между сторонами подлежали применению со следующего периода регулирования, то есть с 1 января 2015 г.

Судебная коллегия указала, что в данном случае уровень напряжения не может определяться соглашением сторон. Эта величина объективно зависит от условий технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителя к сетям сетевой организации, а порядок применения уровня напряжения для определения подлежащего применению тарифа предписывается императивными нормами законодательства.

Выводы судебной коллегии основаны на ст. 424 ГК РФ, ст. 4 и 6 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», ст. 23, п. 4 ст. 23.1 Закона об электроэнергетике, пп. 2, 6, 15(1), 15(2), 46, 48 Правил № 861, подп. 3 п. 3, п. 4, 15 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178), пп. 43-48 Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке (утверждены приказом ФСТ России от 6 августа 2004 г. № 20-э/2). Судебная коллегия также приняла во внимание решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № АКПИ15-1377.

Определение № 306-ЭС16-3962

19. Для заключения договора аренды земельного участка в соответствии со ст. 39[20] Земельного кодекса Российской Федерации

не требуется согласия супруга арендатора.

Предприниматель является собственником нежилого помещения, находящегося на неделимом земельном участке, принадлежащем субъекту Российской Федерации,

Уполномоченным органом (арендодатель) и предпринимателем (арендатор) заключено соглашение о присоединении предпринимателя к договору аренды этого земельного участка с множественностью лиц на стороне арендатора.

Регистрирующий орган отказал в регистрации этого договора аренды, сославшись на то, что в представленных документах отсутствует нотариально удостоверенное согласие супруги предпринимателя на совершение указанной сделки или документ, подтверждающий, что предприниматель на момент подписания договора не состоял в браке.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о признании этого отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требования отказано.

Суды руководствовались п. 3 ст. 35 СК РФ и исходили из того, что получение нотариально удостоверенного согласия супруга необходимо как при совершении сделки по распоряжению недвижимостью, так и при совершении других сделок, требующих нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке. Исходя из того, что договор аренды земельного участка, одной из сторон которого является находящийся в браке предприниматель, в силу ст. 131, 609 ГК РФ подлежал государственной регистрации, суды пришли к выводу о необходимости получения нотариально удостоверенного согласия супруги предпринимателя на совершение сделки, поэтому, руководствуясь ч. 3 ст. 201 АПК РФ, признали оспариваемый отказ в государственной регистрации права законным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленное требование по следующим основаниям.

Статьей 35 «Владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов» СК РФ урегулированы именно отношения владения, пользования и распоряжения общим имуществом супругов.

В соответствии с п. 2 ст. 35 СК РФ при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Исключение из данного правила содержится в п. 3 ст. 35 СК РФ, согласно которому необходимость получения нотариально удостоверенного согласия другого супруга требуется для совершения

одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке.

Таким образом, ст. 35 СК РФ направлена на определение правового режима распоряжения общим имуществом супругов и устанавливает в том числе правило, согласно которому для совершения одним из супругов сделки, требующей регистрации в установленном законом порядке, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга.

Из указанной нормы следует, что согласие супруга требуется только при совершении другим супругом подлежащей государственной регистрации сделки по распоряжению общим имуществом.

При заключении предпринимателем спорного договора аренды не происходит распоряжения общим имуществом супругов и, следовательно, к правоотношениям по заключению данного договора аренды не применяются положения ст. 35 СК РФ о необходимости получения нотариально удостоверенного согласия супруга.

Обязанность заключить договор аренды с множественностью лиц на стороне арендатора для собственников объектов недвижимости, расположенных на земельном участке, находящемся в государственной собственности, следует как из положений ст. 36 ЗК РФ, действовавшей до 1 марта 2015 г., так и ст. 39^{20} ЗК РФ, действующей после указанной даты, независимо от согласия супруга (супруги).

При этом согласно п. 8 ст. 39^{20} ЗК РФ в течение трех месяцев со дня представления в уполномоченный орган договора аренды земельного участка, подписанного в соответствии с п. 6 данной статьи арендаторами земельного участка, уполномоченный орган обязан обратиться в суд с требованием о понуждении правообладателей здания, сооружения или помещений в них, не представивших в уполномоченный орган подписанного договора аренды земельного участка, заключить этот договор аренды.

Иное толкование норм ст. 35 СК РФ может привести к злоупотреблению правом, поскольку при наличии обязанности заключить договор аренды земельного участка с множественностью лиц на стороне арендатора гражданин не сможет исполнить эту обязанность при отсутствии волеизъявления супруга, что повлечет для него неблагоприятные последствия (государственная пошлина, судебные расходы, которые возникнут при обращении уполномоченного органа в суд с требованием заключить договор аренды земельного участка), а также к неисполнению принятого судебного акта о понуждении к заключению договора аренды.

Определение № 304-КГ16-369

20. Эксперт, осуществивший работы по проведению экспертизы в рамках дела об административном правонарушении в соответствии со ст. 26.4 КоАП РФ, имеет право на оплату своих услуг за счет федерального бюджета независимо от того, заключен ли с ним государственный (муниципальный) контракт на проведение указанных работ.

Общество с декабря 2011 года по октябрь 2013 года на основании определений сотрудников государственного учреждения «Управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел по Удмуртской Республике» (далее – инспекция) провело 477 автотехнических экспертиз по административным делам.

Полагая, что стоимость проведенных экспертиз должна быть оплачена в соответствии со ст. 24.7 КоАП РФ, однако Министерство внутренних дел по Удмуртской Республике отказало обществу в оплате, последнее обратилось в арбитражный суд с иском к Министерству внутренних дел по Удмуртской Республике (далее – МВД по Удмуртской Республике), Российской Федерации в лице Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – Российская Федерация в лице МВД России) о взыскании соответствующих убытков.

Отказывая в удовлетворении заявленных обществом требований, суд первой инстанции исходил из того, что в отсутствие государственного контракта на выполнение работ по проведению автотехнических экспертиз без соблюдения требований Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 94-ФЗ) фактическое выполнение обществом указанных работ не влечет возникновения неосновательного обогащения на стороне ответчика, поскольку иное толкование открывало бы возможность для недобросовестных исполнителей работ и государственных (муниципальных) заказчиков приобретать незаконные имущественные выгоды в обход Закона № 94-ФЗ. Поскольку истец не является государственным экспертным учреждением, которое не могло в силу норм Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» отказаться от проведения экспертизы, он не может ссылаться на фактическое выполнение работ без заключения государственного (муниципального) контракта.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и удовлетворил исковые требования общества к Российской Федерации в лице МВД России, являющегося главным распорядителем

средств бюджета. Суд указал, что при фактическом оказании услуг на стороне ответчика возникло неосновательное обогащение.

Арбитражный суд округа, отменяя постановление апелляционного суда, поддержал выводы суда первой инстанции, отметив, что, оказывая услуги без государственного контракта, подлежавшего заключению в соответствии с Законом № 94-ФЗ, общество не могло не знать, что работы выполняются им при очевидном отсутствии обязательства.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанции и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 26.4 КоАП РФ в случаях, если при производстве по делу об административном правонарушении возникает необходимость в использовании специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле, судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, выносят определение о назначении экспертизы. Определение обязательно для исполнения экспертами или учреждениями, которым поручено проведение экспертизы. При этом положения ст. 26.4 КоАП РФ не ограничивают проведение экспертизы исключительно государственными экспертными учреждениями.

Проведение экспертиз силами общества подтверждается вынесенными сотрудниками инспекции определениями о назначении экспертизы по делу об административном правонарушении с указанием материала проверки, представленными в материалы дела заключениями экспертов и не оспаривалось ответчиками.

Экспертные заключения получены должностными лицами инспекции, что подтверждается представленными в материалы дела расписками о получении экспертизы со ссылкой на материал проверки ДТП.

В соответствии с ч. 2 ст. 24.7 КоАП РФ издержки по делу об административном правонарушении, совершенном физическим лицом и предусмотренном указанным кодексом, относятся на счет федерального бюджета.

С учетом доказанности факта проведения обществом экспертиз в рамках дел об административном правонарушении и исходя из обязательности для общества проведения назначенных должностным лицом по административному делу экспертиз, следующей из положений ст. 26.4 КоАП РФ, вывод судов первой и кассационной инстанций о том, что выполненные в отсутствие государственного контракта работы по проведению автотехнических экспертиз не подлежат оплате, является ошибочным.

При ином подходе следовало бы признать общество, лишенное возможности отказаться от оказания услуг, лицом, обязанным проводить экспертные исследования безвозмездно.

Поскольку в данном случае вопрос о расходах на проведение экспертиз не разрешен при принятии процессуальных решений в рамках административных дел, лицо вправе обратиться с требованием об их взыскании в качестве убытков.

В соответствии с ч. 2 ст. 25.14 КоАП РФ труд специалиста, эксперта и переводчика оплачивается в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 марта 2003 г. № 140 утверждено Положение о возмещении расходов лиц в связи с их явкой по вызову в суд, орган, к должностному лицу, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, а также об оплате их труда (далее – постановление № 140).

Пунктом 8 постановления № 140 предусмотрено, что выплаты потерпевшим, свидетелям, специалистам, экспертам, переводчикам и понятым производятся по выполнении ими своих обязанностей на основании постановления судьи или должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении и которые привлекали этих лиц для участия в осуществлении процессуальных действий, за счет средств, предусмотренных на указанные цели судам и органам, осуществляющим производство по делам об административных правонарушениях, в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно п. 7 постановления № 140 специалисты, эксперты и переводчики получают денежное вознаграждение за работу, выполненную ими по поручению суда, органа, должностного лица (за исключением случаев, когда эта работа входит в круг их служебных обязанностей либо когда она выполняется ими в качестве служебного задания), по нормам оплаты, установленным Министерством труда и социального развития Российской Федерации.

До настоящего времени нормы оплаты труда экспертов не утверждены, что, в свою очередь, не служит основанием для отказа в возмещении стоимости выполненных работ по проведению экспертизы, поскольку размер убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. При этом на истца возлагается бремя доказывания обоснованности представленного им расчета, а на ответчика – факта оплаты этих расходов либо их несоразмерности.

Определение № 309-ЭС15-1037

VI. Применение законодательства об интеллектуальных правах

21. Права на результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, полученные за счет средств республиканского бюджета РСФСР, той части государственного бюджета СССР, которая составляла союзный бюджет, и средств федерального бюджета, принадлежат Российской Федерации, если до вступления в силу постановления Правительства Российской Федерации от 29 сентября 1998 г. № 1132 «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» они не являлись объектами исключительного права физических или юридических лиц, а также если информация об указанных результатах не являлась общедоступной.

Российской Федерацией в лице бюджетного учреждения (лицензиар) и обществом (лицензиат) был заключен лицензионный договор о предоставлении лицензиату права на использование результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат Российской Федерации. Предметом лицензионного договора являлись результаты интеллектуальной деятельности – технические решения, технологические приемы и способы, полученные в ходе проведения ОКР по созданию 152 мм самоходной гаубицы «Мста-С» (шифр «Мста-С» ОКР по модернизации 152 мм самоходной гаубицы «Мста-С» (шифр «Мста-СМ»), ОКР по созданию тренажера расчетов 152 мм самоходных гаубиц «Мста-С» (шифр «Бункеровка»), содержащиеся в конструкторской, технологической и другой нормативно-технической документации.

За предоставленное по договору право лицензиат производит платеж в размере, эквивалентном 6 503 451,32 долл. США.

Ссылаясь на то, что платеж перечислен обществом не в полном размере, бюджетное учреждение обратилось в арбитражный суд с иском о его взыскании.

Общество обратилось к бюджетному учреждению со встречным иском о признании недействительным условия договора в части установления размера лицензионного платежа. Общество обосновывало свои требования тем, что лицензионный договор был заключен им под влиянием обмана, поскольку еще до его заключения бюджетное учреждение знало об отсутствии 100 процентов доли Российской Федерации в правах на результаты интеллектуальной деятельности, тогда

как размер лицензионного платежа рассчитан исходя из 100 процентов доли государства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, первоначальные исковые требования удовлетворены частично, в удовлетворении остальной части иска отказано и удовлетворен встречный иск. Суды согласились с доводами общества о неверном определении доли Российской Федерации в правах на результаты интеллектуальной деятельности и произвели соответствующий пересчет размера лицензионного платежа. Ссылаясь на положения ст. 1353, 1354, 1373, 1471 ГК РФ, суды установили, что часть прав на результаты интеллектуальной деятельности принадлежит их исполнителям. Суды также указали, что согласно имеющейся в материалах дела выписке из единого реестра результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, сведения о принадлежности Российской Федерации прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности были внесены в единый реестр только 5 ноября 2014 г., то есть непосредственно перед обращением общества со встречным иском.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Применяя к спорным отношениям положения ст. 1353, 1354, 1373, 1471 ГК РФ, суд не учел, что часть четвертая ГК РФ введена в действие с 1 января 2008 г. и в силу ст. 5 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» применяется к правоотношениям, возникшим после введения ее в действие, в связи с чем при рассмотрении вопроса о наличии права на результаты интеллектуальной деятельности, возникшего до 1 января 2008 г., суду следовало руководствоваться законодательством, действовавшим до введения в действие части четвертой ГК РФ.

В соответствии с п. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 29 сентября 1998 г. № 1132 «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» (далее – постановление № 1132) права на результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, полученные за счет средств республиканского бюджета РСФСР, той части государственного бюджета СССР, которая составляла союзный бюджет, и средств федерального бюджета, принадлежат Российской Федерации, если до вступления в силу настоящего Постановления они не являлись

объектами исключительного права физических или юридических лиц, а также если информация об указанных результатах не являлась общедоступной.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2002 г. № 131 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» (далее – постановление № 131) утверждено Положение о государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения (далее – Положение).

В соответствии с п. 2 постановления № 131 на Федеральную службу по интеллектуальной собственности возложены функции по координации деятельности заинтересованных федеральных органов исполнительной власти по государственному учету результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, а также общее методическое и организационное обеспечение работ по ведению единого реестра результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения.

Согласно п. 3 Положения объектами учета являются результаты интеллектуальной деятельности, а также единые технологии военного, специального и двойного назначения, созданные организациями независимо от их организационно-правовой формы в ходе выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения для федеральных органов исполнительной власти и организаций, являющихся государственными заказчиками, в целях обеспечения государственных нужд или в ходе выполнения заказа Фонда перспективных исследований, а также результаты интеллектуальной деятельности, права на которые приобретены (на возмездной или безвозмездной основе) государственными заказчиками и Фондом перспективных исследований.

К объектам учета также относятся результаты интеллектуальной деятельности, созданные или права на которые приобретены за счет средств республиканского бюджета РСФСР и части государственного бюджета СССР, которая составляла союзный бюджет.

В соответствии с лицензионным договором обществу было предоставлено неисключительное право на использование результатов интеллектуальной деятельности – технических решений, технологических приемов и способов, полученных в ходе выполнения ряда ОКР по заказу Министерства обороны СССР и Министерства обороны Российской Федерации с 1980 по 2001 годы за счет средств государственного бюджета, что не оспаривается сторонами.

Согласно регистрационным свидетельствам права на указанные результаты интеллектуальной деятельности принадлежат в полном объеме Российской Федерации.

При этом внесение в единый реестр сведений о принадлежности Российской Федерации прав на указанные результаты интеллектуальной деятельности только с 5 ноября 2014 г. не означает отсутствие указанных прав у Российской Федерации в предшествующий период времени, поскольку права Российской Федерации возникли с момента принятия постановления № 1132.

Из материалов дела следует, что права Российской Федерации на указанные результаты интеллектуальной деятельности не были оспорены заинтересованными лицами.

Определение № 305-ЭС15-15151

22. В случае, когда модификация результата интеллектуальной деятельности, принадлежащего Российской Федерации, осуществлена за счет средств федерального бюджета, правообладателем соответствующего нового результата является также Российская Федерация.

Приказ Роспатента от 10 декабря 2012 г. № 157 «Об утверждении Порядка взимания лицензионных платежей за предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения, права на которые принадлежат Российской Федерации, их предельных размеров, сроков уплаты, а также оснований для освобождения от уплаты платежей, уменьшения их размеров или возврата» не подлежит применению к лицензионным договорам, заключенным до его опубликования.

Российской Федерацией в лице бюджетного учреждения (лицензиар) и обществом (лицензиат) был заключен лицензионный договор о предоставлении права использовать результаты интеллектуальной деятельности при производстве подводных лодок проекта 636 с интегрированной ракетной системой «Калибр». В соответствии с условиями договора размер лицензионного платежа определяется по результатам проведения инвентаризации после определения доли прав Российской Федерации в общем объеме прав на результаты интеллектуальной деятельности в соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 21 марта 2008 г. № 72 «Об утверждении Порядка взимания платежей в соответствии с лицензионными договорами, заключаемыми при вовлечении в гражданско-правовой оборот результатов интеллектуальной деятельности военного,

специального и двойного назначения, и их предельных размеров» (далее – приказ № 72).

Ссылаясь на ненадлежащее исполнение обществом обязательств по лицензионному договору, выразившееся в невнесении лицензионных платежей в полном объеме и их просрочке, бюджетное учреждение обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании соответствующей задолженности.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований отказано. Суд пришел к выводу, что условия лицензионного договора и приказ № 72 предусматривают определение размера лицензионного платежа расчетным способом, путем использования установленной нормативным актом формулы расчета; лицензионный платеж осуществлен обществом в соответствии с этой формулой в полном размере с учетом положений приказа Роспатента от 10 декабря 2012 г. № 157 «Об утверждении Порядка взимания лицензионных платежей за предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения, права на которые принадлежат Российской Федерации, их предельных размеров, сроков уплаты, а также оснований для освобождения от уплаты платежей, уменьшения их размеров или возврата» (далее – приказ № 157). При этом суд исходил из того, что доля прав Российской Федерации в объеме прав на результаты интеллектуальной деятельности, используемых обществом, составляет 4,64 процента.

Отменяя решение суда первой инстанции и частично удовлетворяя заявленные требования, суд апелляционной инстанции указал на согласование сторонами лицензионного договора порядка определения лицензионного платежа и необоснованное применение к спорным отношениям приказа № 157, опубликованного после заключения лицензионного договора. Суд пришел к выводу о том, что результаты интеллектуальной деятельности, созданные в рамках разработки ОКР прототипов подводной лодки проекта 877 (подводной лодки проекта 636) и ракетного комплекса «Калибр» (ракетного комплекса ЗК-14) в полном объеме принадлежат Российской Федерации, что подтверждается выпиской из Единого реестра и регистрационными свидетельствами.

Отменяя постановление суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Суд по интеллектуальным правам указал, что настоящий иск заявлен на основании несуществующего обязательства. При этом суд исходил из того, что размер лицензионного платежа сторонами лицензионного договора установлен не был, а стороны лишь предусмотрели порядок определения размера лицензионного платежа, и общество на основании полученных в результате инвентаризации показателей, установленных в отчетах по определению доли государства, сведений из Единого реестра, а также в соответствии с п.

7.1 и 7.2 лицензионного договора, правомерно произвело расчет лицензионного платежа по формуле, утвержденной приказом № 72.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление Суда по интеллектуальным правам и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 постановления № 1132 «О первоочередных мерах по правовой защите интересов государства в процессе экономического и гражданско-правового оборота результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения» права на результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, полученные за счет средств республиканского бюджета РСФСР, той части государственного бюджета СССР, которая составляла союзный бюджет, и средств федерального бюджета, принадлежат Российской Федерации, если до вступления в силу указанного постановления они не являлись объектами исключительного права физических или юридических лиц, а также если информация об указанных результатах не являлась общедоступной.

Учитывая, что ОКР «Проект 877» и ОКР по созданию комплекса ЗК-14 (шифр «Калибр») были выполнены до 1990 года и за счет средств государственного бюджета, выводы суда апелляционной инстанции о том, что данные результаты интеллектуальной деятельности в полном объеме принадлежат Российской Федерации, являются обоснованными и правомерными.

Доводы общества о том, что предметом контракта на поставку были подводные лодки проекта 636 с комплексом «Club-S», а не проекта 877 и комплекса ЗК-14 (шифр «Калибр»), не принимаются, поскольку, как следует из Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г. (пункты 56-59), модернизация проектов подводных лодок, осуществленная за счет средств государственного (федерального) бюджета, также в полном объеме принадлежит Российской Федерации.

Выводы судов первой и кассационной инстанций о применении к спорным отношениям приказа № 157 необоснованны, поскольку данный приказ вступил в силу с 8 мая 2013 г. и не подлежит применению к лицензионному договору, заключенному 24 декабря 2012 г., согласно ст. 422 ГК РФ.

Определение № 305-ЭС16-6416

VII. Практика применения законодательства о защите конкуренции и о контрактной системе в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд

23. Договор аренды государственного или муниципального имущества, заключенный без проведения торгов и без предоставления государственной или муниципальной преференции до 2 июля 2008 г., то есть до введения в действие ст. 17^1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», не может быть признан недействительным по тому основанию, что имущество было предоставлено арендатору без проведения торгов и без предварительного согласия антимонопольного органа. Данные обстоятельства сами по себе не могут являться основанием для отказа арендатору – субъекту малого или среднего предпринимательства в реализации предусмотренного законодательством преимущественного права на приобретение арендуемого муниципального имущества в собственность.

Уполномоченный орган муниципального образования (арендодатель; далее – управление) и общество (арендатор) заключили договор аренды от 16 ноября 2006 г. нежилого помещения, находящегося в собственности муниципального образования, на срок до 2007 года.

Впоследствии управление и общество заключили новый договор аренды от 20 августа 2007 г. этого же имущества на срок до 20 августа 2012 г. В 2013 и 2014 годах стороны подписывали дополнительные соглашения об изменении размера арендной платы.

В 2014 году общество обратилось в управление с заявлением о соответствии арендатора условиям отнесения к категории субъектов малого и среднего предпринимательства, установленным ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон № 209-ФЗ), и о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого муниципального имущества в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 159-ФЗ).

Управление отказало обществу в реализации преимущественного права на приватизацию арендованного помещения, сославшись на следующее: у общества на день подачи заявления имеется задолженность по арендной плате, неустойкам (штрафам, пеням); договор аренды

заключен с нарушением требований Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ) без проведения торгов и согласования муниципальной преференции.

Общество, считая, что указанное решение об отказе в реализации преимущественного права не соответствует требованиям Законов № 135-ФЗ, 159-ФЗ, 209-ФЗ и нарушает его права в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения незаконным и об обязании управления устранить допущенные нарушения путем совершения действий, предусмотренных Законом № 159-ФЗ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований общества отказано.

Суды исходили из того, что с 26 октября 2006 г., то есть после введения в силу Закона № 135-ФЗ, предоставление хозяйствующим субъектам муниципального имущества в пользование, в том числе в аренду, могло осуществляться путем проведения торгов или без проведения торгов путем предоставления муниципальной помощи с обязательным предварительным согласием антимонопольного органа. Договоры аренды заключены с обществом без учета требований Закона № 135-ФЗ о предоставлении муниципального имущества и в силу ст. 168 ГК РФ являются ничтожными сделками. Поскольку общество владело спорным помещением на основании ничтожных сделок, оно не обладает правом на его выкуп в порядке Закона № 159-ФЗ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 17^1 Закона № 135-ФЗ в редакции Федерального закона от 30 июня 2008 г. 108-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», по общему правилу, заключение договоров аренды в отношении государственного или муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов на право заключения таких договоров. Названные изменения вступили в силу 2 июля 2008 г.

Между тем спорные договоры аренды заключены до введения в действие ст. 17^1 Закона № 135-ФЗ, поэтому ее положения к спорным правоотношениям неприменимы.

Действовавшим на момент заключения данных договоров законодательством не была предусмотрена обязанность органов местного самоуправления передавать в аренду муниципальное имущество путем проведения конкурсов или аукционов.

Пунктом 20 ст. 4 Закона № 135-ФЗ (в редакции, действовавшей в период заключения спорных договоров аренды) предусмотрено, что государственная или муниципальная помощь – предоставление федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями преимущества, которое обеспечивает отдельным хозяйствующим субъектам по сравнению с другими участниками рынка (потенциальными участниками рынка) более выгодные условия деятельности на соответствующем товарном рынке, путем передачи имущества и (или) иных объектов гражданских прав, прав доступа к информации в приоритетном порядке.

Согласно ст. 20 Закона № 135-ФЗ, по общему правилу, государственная или муниципальная помощь предоставляется органами государственной власти или органами местного самоуправления с предварительного согласия в письменной форме антимонопольного органа.

Управление передало спорное помещение в аренду обществу в соответствии с Положением о порядке сдачи в аренду недвижимого имущества, находящегося в собственности муниципального образования, утвержденным решением представительного органа этого муницпального образования, за плату на общих основаниях без предоставления каких-либо льгот с условием сохранения обществом вида деятельности на объекте, обеспечения трудоустройством работников муниципального унитарного предприятия, действовавшего на этой территории.

Поскольку управление не опровергло, что спорное помещение было предоставлено обществу в аренду за плату без предоставления каких-либо преференций и арендатор платил все годы аренды установленную нормативными правовыми актами арендную плату, не имеется оснований считать общество поставленным в более выгодные условия по сравнению с другими арендаторами и передачу ему помещения в аренду с муниципальной помощью в смысле ст. 20 Закона № 135-ФЗ. Следовательно, на момент заключения спорных договоров аренды согласие антимонопольного органа на передачу обществу имущества в аренду не требовалось.

При таких обстоятельствах выводы судов о ничтожности заключенных с обществом договоров аренды нежилого помещения, находящегося в муниципальной собственности, противоречат требованиям ст. 168 ГК РФ, ст. 17^1 и 20 Закона № 135-ФЗ.

Определение № 302-КГ15-18993

24. Положения нормативных актов, обязывающих антимонопольный орган проводить проверку поступивших документов и информации на наличие фактов недобросовестности исполнителя государственного (муниципального) контракта для вынесения решения о включении последнего в реестр недобросовестных поставщиков, не распространяются на случаи, когда факт существенного нарушения контракта исполнителем установлен вступившим в законную силу решением суда.

Если заказчиком и антимонопольным органом нарушены сроки подачи заявления или включения информации в реестр недобросовестных поставщиков, срок для исключения информации об исполнителе из этого реестра исчисляется с момента, в который антимонопольный орган должен был разместить указанную информацию в соответствии с требованиями законодательства.

Решением арбитражного суда по другому делу расторгнут муниципальный контракт ввиду существенного нарушения обязательств исполнителем.

В связи с этим заказчик обратился в антимонопольный орган для решения вопроса о включении исполнителя в реестр недобросовестных поставщиков.

Приказом антимонопольного органа исполнитель включен в реестр недобросовестных поставщиков сроком на 2 года.

Не согласившись с этим приказом и указывая на то, что антимонопольный орган нарушил срок включения информации в реестр, исполнитель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании данного приказа недействительным и об обязании антимонопольного органа исключить исполнителя из реестра недобросовестных поставщиков.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции руководствовался положениями п. 12 Правил ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1062 (далее – Правила № 1062), и исходил из того, что информация о недобросовестном поставщике во всех случаях проверяется антимонопольным органом и включается в реестр на основании решения. Возможность вынесения приказа, являющегося внутренним документом антимонопольного органа без соответствующей проверки, вместо решения названными Правилами не предусмотрена.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции руководствовался положениями п. 7 приказа Федеральной антимонопольной службы от 27 августа 2007 г. № 267 «О ведении реестра

недобросовестных поставщиков, включении и исключении сведений из реестра недобросовестных поставщиков, проведении проверок фактов уклонения участника размещения заказа от заключения государственного или муниципального контракта, осуществлении внеплановых проверок при рассмотрении сведений о недобросовестных поставщиках» (далее – приказ № 267) и установил, что антимонопольным органом не нарушены положения Правил № 1062, поскольку они не распространяются на случаи, когда основанием включения в реестр недобросовестных поставщиков информации об участнике закупок является решение суда о расторжении контракта в связи с существенным нарушением его условий. Расторжение контракта по решению суда в связи с существенным нарушением исполнителем условий контракта является безусловным основанием для включения сведений о нем в реестр недобросовестных поставщиков. Суд также указал, что нарушение срока, установленного для размещения сведений в реестре недобросовестных поставщиков, не свидетельствует о незаконности действий заказчика и управления по направлению сведений и вынесению оспариваемого приказа и включению сведений в реестр, основаниями для совершения которых являются обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 104 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ).

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Порядок включения исполнителей государственного и муниципального заказа в реестр недобросовестных поставщиков установлен ст. 104 Закона № 44-ФЗ и Правилами № 1062. В частности, в силу ч. 7 ст. 104 Закона № 44-ФЗ и п. 11 Правил № 1062 антимонопольный орган обязан осуществить проверку поступивших к нему информации и документов на наличие фактов, подтверждающих недобросовестность поставщика.

Пунктом 12 Правил № 1062 предусмотрено, что рассмотрение вопроса о включении информации об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов, а также о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов, осуществляется с участием представителей заказчика и лица, информация о котором направлена заказчиком для включения в реестр. По результатам

рассмотрения представленных информации и документов и проведения проверки фактов, указанных в п. 11 названных Правил, выносится решение.

Из системного толкования вышеприведенных положений следует, что порядок, установленный в п. 12 Правил № 1062, применяется при рассмотрении вопроса о включении в реестр недобросовестных поставщиков информации об участниках закупок в двух случаях: когда участники закупок уклонились от заключения контрактов либо имеется односторонний отказ заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов, но не в случаях, когда расторжение контракта в связи с существенным нарушением исполнителем установлено вступившим в законную силу решением суда, являющимся в силу ч. 1 ст. 16 АПК РФ обязательным для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежащим исполнению на всей территории Российской Федерации.

Кроме того, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации согласилась с выводом суда апелляционной инстанции об отсутствии нарушения прав исполнителя тем, что антимонопольный орган нарушил срок внесения информации в реестр недобросовестных поставщиков, поскольку срок для исключения информации из реестра, исчисляемый с момента, когда антимонопольный орган должен был внести информацию в реестр в соответствии с требованиями законодательства, на момент рассмотрения дела судом апелляционной инстанции не наступил (ст. 104 Закона № 44-ФЗ, пп. 8, 11, 13 Правил № 1062).

Определение № 310-КГ16-5426

25. В случае, когда Правительством Российской Федерации на основании ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» установлен запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, участник аукциона на право заключения государственного или муниципального контракта должен представить документ, подтверждающий страну происхождения предлагаемого к покупке товара.

Решением антимонопольного органа государственный заказчик признан нарушившим ч. 7 ст. 69 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон

№ 44), и ему выдано предписание об устранении нарушений, выразившихся в признании второй части заявки общества не соответствующими документации об аукционе на право заключения государственного контракта на поставку мяса, разделки свинины и говядины на отрубы, замороженные.

Заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании названных решения и предписания недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление заказчика удовлетворено. Суды установили, что в составе второй части заявки общества в качестве документа, подтверждающего страну происхождения товара, представлена декларация за собственной подписью, в которой указано, что поставляемый товар произведен в Российской Федерации, и признали, что подобный документ не является допустимым и позволяющим идентифицировать товар как происходящий с территории определенного географического объекта.

Таким образом, отсутствуют документы (их копии), позволяющие определить страну происхождения предлагаемых к поставке товаров, что было обязательным в соответствии с документацией об аукционе.

Арбитражный суд округа отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении заявления заказчика. Суд исходил из того, что в силу п. 3 ч. 5 ст. 66 Закона № 44-ФЗ заказчик не вправе требовать представления документов, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации передаются вместе с товаром. При этом п. 2 ст. 456 ГК РФ не предусмотрена передача покупателю продавцом документов, подтверждающих страну происхождения товаров.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 3 ст. 14 Закона № 44-ФЗ в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских товаропроизводителей Правительством Российской Федерации устанавливаются запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, и ограничения допуска указанных товаров, работ, услуг для целей осуществления закупок. Определение страны происхождения указанных товаров осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 1224 «Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства» (далее – постановление № 1224) установлен запрет на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства, за исключением случаев, когда производство таких товаров, выполнение работ и оказание услуг на территории Российской Федерации отсутствуют или не соответствуют требованиям государственных заказчиков.

Таким образом, в отношении поставки продукции, являвшейся предметом проводимого учреждением аукциона, действовал запрет, установленный постановлением № 1224, что влекло необходимость представления участниками электронного аукциона документов, подтверждающих страну происхождения предлагаемых к поставке товаров.

Таким подтверждением, в частности, может являться сертификат о происхождении товара, выдаваемый в соответствии с Соглашением о Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве независимых государств от 20 ноября 2009 г. по форме СТ-1.

Определение № 305-КГ16-5604

VIII. Практика применения законодательства о налогах и сборах, обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды

26. Предоставление поставщиком скидки покупателю за достижение определенного объема закупок влечет необходимость уменьшения налога на добавленную стоимость, подлежащего уплате в бюджет, для поставщика и пропорционального уменьшения (восстановления) ранее заявленных налоговых вычетов для покупателя.

В соответствии с условиями договора на поставку продукции, заключенного заводом (поставщиком) и покупателем, поставщик предоставляет покупателю скидку путем изменения цены ранее отгруженных продовольственных товаров, если объем поставленной продукции превысил определенную договором сумму. Скидка установлена

в размере 6 процентов к цене продукции, закупленной у поставщика за отчетный период.

Поскольку в отчетном периоде установленный договором объем закупок был превышен, завод предоставил покупателю скидку, оформив сторнировочный (корректировочный) счет-фактуру на ранее отгруженные товары. В связи с предоставлением скидки завод одновременно уменьшил сумму налога на добавленную стоимость (далее – НДС), подлежавшую уплате в бюджет за налоговый период, в котором покупателю была предоставлена скидка.

По результатам выездной налоговой проверки налоговым органом (далее – инспекция) составлен акт, на основании которого вынесено решение о привлечении завода к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, заводу начислены НДС, пеня и штраф, предусмотренный п. 1 ст. 122 НК РФ.

Основанием доначисления послужил вывод инспекции о том, что завод не был вправе корректировать НДС в связи с предоставлением скидки. Не согласившись с такими выводами, завод обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения инспекции недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды, руководствуясь положениями ч. 6 ст. 9 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о регулировании торговой деятельности), исходили из того, что решение инспекции соответствует положениям действующего налогового законодательства и не нарушает права и законные интересы заявителя, поскольку вне зависимости от условий договора в случае перечисления продавцом продовольственных товаров их покупателю премии (вознаграждения) за достижение определенного объема закупок, указанные премии (вознаграждения) не изменяют стоимость ранее поставленных продовольственных товаров.

Суды указали, что, так как вознаграждение, включаемое в цену договора, не влияет на цену поставляемых товаров, подлежащая уплате в бюджет сумма НДС у поставщика не уменьшается, а налоговый вычет покупателем не корректируется.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и признала решение инспекции недействительным по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 153 и п. 4 ст. 166 НК РФ при определении налоговой базы сумма выручки подлежит определению с учетом скидок, а

в случае необходимости – корректировке за тот налоговый период, в котором отражена реализация товаров (работ, услуг).

В результате предоставления поставщиками покупателям скидок по итогам отгрузок товаров происходит уменьшение стоимости товаров, что влечет корректировку поставщиками налоговой базы по налогу на добавленную стоимость по операциям реализации товаров.

Вследствие того, что скидки, предоставленные продавцом покупателю, были неразрывно связаны с реализацией товара, завод правомерно скорректировал сумму НДС, исчисленную к уплате в бюджет, в связи с чем доначисление инспекцией названного налога, начисление пеней и налоговых санкций по данному эпизоду следует признать незаконными.

Указанное означает также, что размер налоговых вычетов по НДС, ранее заявленных покупателем, подлежит пропорциональному уменьшению.

Кроме того, суды неверно истолковали и применили к спорным налоговым отношениям нормы Закона о регулировании торговой деятельности.

Согласно п. 1 ст. 1 НК РФ законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из НК РФ и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах и сборах.

Поскольку Закон о регулировании торговой деятельности принят не в соответствии с НК РФ, имеет иные цели правового регулирования, он может применяться к налоговым отношениям только в том случае, если его применение соответствует нормам налогового закона и не нарушает основные начала законодательства о налогах и сборах. В данном случае применение судами норм Закона о торговой деятельности привело к нарушению таких основных начал законодательства о налогах и сборах, как экономическая обоснованность налога и принципа обязательного наличия всех элементов налогообложения (ст. 3 НК РФ), так как ввиду применения скидки в отношении соответствующей стоимости отгруженных товаров по существу отсутствовал объект налогообложения.

Определение № 308-КГ15-19017

27. Налоговый орган вправе начислить проценты, установленные п. 17 ст. 176[1] НК РФ, только по результатам камеральной налоговой проверки и при установлении факта излишнего возмещения налогоплательщику сумм налога на добавленную стоимость.

На основании заявления общества налоговым органом принято решение о возмещении обществу в заявительном порядке НДС.

После получения указанной суммы, но до завершения камеральной налоговой проверки общество представило уточненную налоговую декларацию по НДС за тот же период с заявленной суммой налога к возмещению в большем размере.

Налоговый орган отменил ранее принятое решение о возмещении в заявительном порядке НДС в меньшем размере, о возврате полученной налогоплательщиком из бюджета суммы и о начислении на нее процентов в соответствии со ст. 176^1 НК РФ.

Полагая, что требование налогового органа в части начисления процентов на возмещенную (зачтенную) ранее сумму НДС не соответствует налоговому законодательству, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его недействительным и не подлежащим исполнению.

Удовлетворяя требования общества, суды первой и апелляционной инстанций на основе анализа положений ст. 176^1 НК РФ в системной связи с п. 7 ст. 3 данного кодекса пришли к выводу, что в случае, когда указанная налогоплательщиком в уточненной налоговой декларации сумма НДС, подлежащего возмещению, изменилась в большую сторону по сравнению с суммой, содержащейся в первоначально поданной налоговой декларации, пп. 15 и 17 ст. 176^1 НК РФ, предусматривающие возможность начисления процентов на сумму возмещенного в заявительном порядке НДС, не подлежали применению.

Отменяя принятые по делу судебные акты и отказывая в удовлетворении заявления, арбитражный суд округа сослался на положения п. 24 ст. 176^1 НК РФ и исходил из следующего: поскольку налогоплательщик представил уточненную налоговую декларацию по НДС после принятия инспекцией решения о возмещении НДС в заявительном порядке, но до завершения камеральной налоговой проверки, следовательно, суммы, полученные в заявительном порядке, и проценты за пользование бюджетными средствами подлежат взысканию в бюджет независимо от того, какая сумма налога к возмещению отражена в уточненной декларации (большая или меньшая по сравнению с суммой налога, указанной в ранее поданной декларации). Учитывая, что применение названного порядка является правом, а не обязанностью налогоплательщика, то, получая из бюджета суммы налога до проведения камеральной налоговой проверки, налогоплательщик обязуется не только возвратить в бюджет излишне полученный налог, но и уплатить проценты за незаконное получение бюджетных средств.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе

решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Порядок начисления процентов и их взыскания, установленный п. 17 ст. 176^1 НК РФ, предусматривает, что проценты начисляются только на суммы излишне возмещенного налога и данное обстоятельство устанавливается по итогам проведения камеральной налоговой проверки и принятия решения, указанного в п. 15 настоящей статьи.

В случае представления уточненной налоговой декларации (п. 24 ст. 176^1 НК РФ) налоговым органом также проводится камеральная налоговая проверка в порядке, установленном ст. 88 указанного кодекса, по итогам которой принимается решение о возмещении (отказе в возмещении) налога.

Следовательно, предусмотренный п. 17 ст. 176^1 НК РФ механизм начисления процентов, на который ссылается налоговый орган, не устанавливает основания начисления процентов минуя процедуру камеральной налоговой проверки.

Таким образом, налоговый орган не обладает безусловным правом на начисление процентов на всю сумму возмещенного в заявительном порядке налога в случае представления налогоплательщиком уточненной налоговой декларации.

Отмена решения налогового органа о возмещении налога в заявительном порядке в связи с представлением уточненной налоговой декларации и возложении в силу данного обстоятельства на налогоплательщика обязанности по возврату полученного им в заявительном порядке налога в бюджет сама по себе не свидетельствует о противоправности действий налогоплательщика до окончания камеральной налоговой проверки представленной им уточненной декларации. Только по итогам проверки налоговый орган в решении устанавливает факт наличия или отсутствия излишнего возмещения налогоплательщиком налога и принимает решение о взыскании процентов, начисляемых на сумму излишне возмещенного НДС.

Определение № 303-КГ16-657

28. Налогоплательщик вправе обратиться в суд с имущественным требованием о возврате (возмещении) сумм излишне взысканных налогов, пеней и штрафов независимо от оспаривания ненормативных актов налогового органа, на основании которых указанные суммы были взысканы.

По результатам налоговой проверки решением налогового органа обществу доначислены налог на прибыль, налог на добавленную стоимость и суммы соответствующих пени и штрафов.

После уплаты указанных сумм общество обратилось в налоговый орган с заявлением о возврате уплаченных сумм налогов, пени, штрафа, по итогам рассмотрения которого налоговым органом приняты решения об отказе в осуществлении зачета (возврата).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением на основании ст. 79 НК РФ о взыскании с налогового органа ранее перечисленных в бюджет сумм налогов, пени и штрафа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды, руководствуясь ст. 23, 82, 89, 100, 101, 101^3 НК РФ, указали, что общество после проведения в отношении него выездной налоговой проверки, принятия по ее итогам налоговым органом решения, уплаты по такому решению доначисленных налоговых обязательств не сдавало уточненные налоговые декларации за тот же период, а решение налогового органа в установленном законом порядке не признано недействительным. В связи с этим суды пришли к выводу, что при необжаловании обществом решения инспекции, при отсутствии с его стороны уточненного декларирования за указанный период оснований для признания данных сумм в качестве излишне взысканных не имеется.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 79 НК РФ налогоплательщик имеет право на возврат излишне взысканного с него налога, которое в соответствии с п. 2 данной статьи может быть реализовано путем обращения в суд в течение трех лет считая со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о факте излишнего взыскания.

Такие судебные способы защиты прав налогоплательщиков, как оспаривание ненормативных правовых актов налоговых органов и истребование излишне взысканного налога, являются независимыми, если иное прямо не следует из законодательства. При наличии нескольких возможных способов защиты права налогоплательщик имеет право выбора между ними. Избрав конкретный способ защиты своего права, частный субъект должен соблюдать сроки и процедуры (в том числе досудебные), как они установлены применительно к этому способу защиты права.

В рамках инициированной налогоплательщиком процедуры обжалования суд решает вопрос о законности ненормативного правового акта, а по ее результатам возможно признание незаконного акта

недействительным, что, в частности, исключает последующее взыскание налога на его основании.

В том случае, когда налогоплательщик инициирует процедуру истребования излишне взысканного налога, суд также решает вопрос о законности ненормативного правового акта, но по ее результатам возможно обязание налогового органа возвратить налог, уже взысканный в излишней сумме на основании незаконного акта, без его признания недействительным.

По указанной причине в п. 65 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что при рассмотрении исков налогоплательщиков о возврате (возмещении) сумм налогов, пеней, штрафа, а также о признании не подлежащими исполнению инкассовых поручений или постановлений о взыскании налога за счет имущества налогоплательщика, вынесенных налоговыми органами в соответствии со ст. 46 и 47 НК РФ, судам необходимо исходить из того, что положения НК РФ не содержат специальных требований об обязательной досудебной процедуре урегулирования таких споров. Поэтому названные имущественные требования налогоплательщик может предъявить в суд независимо от оспаривания ненормативных правовых актов налоговых органов и по основаниям в том числе необоснованности начисления сумм налога, пеней, штрафа.

Поскольку общество истребовало у налогового органа именно те суммы налогов, которые были доначислены в его решении, требование о представлении им уточненных налоговых деклараций, по существу, означает требование о повторном представлении тех же деклараций, которые были представлены ранее. Указанное требование не основано на законе.

Определение № 304-КГ16-3143

29. Взносы, уплаченные юридическими лицами на основании положений законодательства, которые были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 13-П, не подлежат возмещению за счет казны Российской Федерации.

Ссылаясь на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 13-П (далее – постановление № 13-П), общество обратилось в управление Пенсионного фонда Российской

Федерации в муниципальном образовании (далее – управление) о возврате излишне уплаченных обществом взносов в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2001 г. № 155-ФЗ «О дополнительном социальном обеспечении членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации» (далее – Закон о дополнительном социальном обеспечении) в редакции Федерального закона от 23 декабря 2010 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительном социальном обеспечении членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации» (далее – Закон № 360-ФЗ).

Отказ управления в возврате указанных сумм послужил основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском об их взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Суды исходили из того, что общество уплачивало спорные взносы на основании отдельных положений Закона № 360-ФЗ, которые признаны Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении № 13-П не соответствующими Конституции Российской Федерации. Суды отметили, что указание Конституционного Суда Российской Федерации на невозможность возврата уже уплаченных сумм из бюджета Пенсионного Фонда Российской Федерации в общем порядке не означает лишение общества права требовать возмещения с Российской Федерации в лице ее финансового органа по правилам гл. 59 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

В силу п. 12 ч. 1 ст. 75 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о Конституционном Суде Российской Федерации) в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации в зависимости от характера рассматриваемого вопроса и применительно к конкретным правоотношениям может быть определен порядок его вступления в силу, а также порядок, сроки и особенности исполнения.

В постановлении № 13-П Конституционный Суд Российской Федерации исключил возможность возврата, зачета в счет будущих платежей сумм взносов на доплату к пенсии членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации за 2010 год, уплаченных или взысканных по правилам ч. 2 ст. 4 Закона о дополнительном социальном обеспечении (в редакции Закона № 360-ФЗ), а также возможность пересмотра в связи принятием постановления № 13-П вступивших в законную силу и исполненных полностью решений о взыскании данных взносов и судебных актов, которыми такие решения признаны законными.

В определении от 8 декабря 2015 г. № 2737-О-Р Конституционный Суд Российской Федерации уточнил некоторые аспекты порядка исполнения постановления № 13-П. В соответствии с этой правовой позицией порядок исполнения упомянутого постановления не предполагает восстановления прав авиакомпаний – плательщиков взносов на доплату к пенсии членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации, которые уплатили (или с которых были взысканы) данные взносы за 2010 год с учетом предписания ч. 2 ст. 4 Закона о дополнительном социальном обеспечении (в редакции Закона № 360-ФЗ). Соответствующие суммы взносов должны считаться уплаченными (взысканными) на законном основании.

Таким образом, судебные акты судов нижестоящих инстанций противоречат ст. 6 и 79 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации.

Определение № 305-ЭС15-10514

IX. Практика применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

30. После вступления в силу закона, исключающего административную ответственность за определенное деяние, неисполненное (полностью или в части) к моменту устранения ответственности постановление о назначении административного наказания исполнению не подлежит.

Штраф, взысканный на основании постановления о назначении административного наказания после вступления в силу закона, исключающего административную ответственность за совершенное деяние, подлежит возврату.

Постановлением государственного казенного учреждения города Москвы «Организатор перевозок» (далее – учреждение) 2012 г. общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 10.7 Закона города Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (далее – КоАП Москвы), с назначением наказания в виде административного штрафа (далее – постановление о назначении административного наказания).

В соответствии с п. 1.2 постановления Правительства Москвы от 2 апреля 2013 г. № 186-ПП «О мерах по организации транспортного обслуживания населения в городе Москве» (далее – постановление

№ 186-ПП) исключена административная ответственность за правонарушение, вмененное обществу.

Указанное обстоятельство послужило основанием для обращения общества к учреждению с заявлением о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания в соответствии с положениями ст. 1.7 и п. 2 ст. 31.7 КоАП РФ.

Поскольку названное заявление общества не было рассмотрено учреждением, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным бездействия учреждения, выразившегося в нерассмотрении заявления о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания и об обязании учреждения прекратить исполнение указанного постановления.

Вступившим в законную силу решением арбитражного суда по другому делу признано незаконным указанное бездействие учреждения и на учреждение возложена обязанность рассмотреть заявление общества о прекращении исполнения постановления о назначении административного наказания.

Однако возбужденное на основании постановления о назначении административного наказания исполнительное производство было окончено после вступления указанного решения суда в силу фактического исполнения – взыскания с общества назначенного административного штрафа.

Полагая, что постановление о назначении административного наказания было незаконно исполнено после вступления в законную силу постановления № 186-ПП, устранившего административную ответственность за содеянное, общество обратилось к учреждению с заявлением о возврате взысканного административного штрафа.

Отказ учреждения в возврате штрафа послужил основанием для обращения общества в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным этого отказа и об обязании возвратить указанную сумму штрафа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Ссылаясь на положения ст. 1.7, п. 2 ст. 31.7, ч. 1 ст. 31.8 КоАП РФ, п. 33.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (в редакции от 19 декабря 2013 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», суды пришли к выводу об отсутствии у учреждения оснований для рассмотрения заявления общества о возврате взысканного административного штрафа, поскольку к моменту обращения общества с названным заявлением постановление о назначении административного наказания было исполнено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из системного толкования ч. 2 ст. 1.7, п. 2 ст. 31.7, ст. 31.8 КоАП РФ, а также разъяснений, содержащихся в п. 33.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (в редакции от 19 февраля 2013 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 37 «О некоторых вопросах, возникающих при устранении ответственности за совершение публично-правового правонарушения», следует, что после принятия закона, исключающего административную ответственность за содеянное, неисполненное (полностью или в части) к моменту устранения ответственности постановление о назначении административного наказания исполнению не подлежит.

В целях реализации положений ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации, согласно которым, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон, привлекающий к ответственности орган обязан принять меры к тому, чтобы исключить возможность несения лицом ответственности за совершение такого публично-правового правонарушения полностью либо в части. Данная обязанность может быть выполнена органом посредством как отмены вынесенного им (либо нижестоящим органом) решения (постановления) о привлечении к ответственности, так и прекращения его исполнения (как это, в частности, установлено п. 2 ст. 31.7 КоАП РФ) в неисполненной к моменту устранения ответственности части, в том числе путем отзыва инкассовых поручений из банков или соответствующего исполнительного документа у судебного пристава-исполнителя. В упомянутых случаях судебный пристав-исполнитель прекращает исполнительное производство по основаниям, предусмотренным соответственно пп. 5 или 6 ч. 2 ст. 43 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), или оканчивает его (п. 4 ч. 1 ст. 47 Закона об исполнительном производстве).

При этом положения п. 2 ст. 31. 7 КоАП РФ возлагают на судью, орган, должностное лицо, вынесших постановление о назначении административного наказания, обязанность совершить соответствующие действия по прекращению исполнения этого постановления независимо от обращения лица, привлеченного к административной ответственности, с соответствующим заявлением, а положения ст. 31.8 КоАП РФ устанавливают для совершения названных действий трехдневный срок со дня возникновения основания для разрешения соответствующего вопроса.

В рассматриваемом случае таким основанием является вступление в силу закона, исключающего административную ответственность за содеянное.

В настоящем деле учреждение не совершило предусмотренные действия по прекращению исполнения постановления о назначении административного наказания даже при наличии заявления общества, что привело к исполнению постановления, не подлежащего исполнению в силу закона, и нарушению прав и законных интересов общества в виде взыскания с него административного штрафа.

При наличии обстоятельств, связанных с незаконным исполнением постановления о назначении административного наказания после устранения административной ответственности, учреждение должно было рассмотреть заявление общества о возврате незаконно взысканного административного штрафа и совершить соответствующие действия по возврату из бюджета спорной суммы административного штрафа в рамках полномочий, предоставленных ему бюджетным законодательством.

При новом рассмотрении дела судам следует, в частности, установить наличие или отсутствие у учреждения полномочий на принятие решения о возврате излишне уплаченных (взысканных) штрафов и при необходимости решить вопрос о привлечении к участию в деле соответствующего лица, обладающего названными полномочиями.

Определение № 305-АД16-4593

X. Практика применения таможенного законодательства

31. Таможенная стоимость товара, ввозимого по договору лизинга, определяется исходя из стоимости предмета лизинга, а не совокупности лизинговых платежей, включающих в себя в том числе вознаграждение лизинговой компании.

Во исполнение заключенного обществом (лизингополучатель) и компанией (лизингодатель) договора лизинга (далее – контракт) общество доставило на территорию Российской Федерации предмет лизинга в рамках таможенного режима «временный ввоз» с ограничением использования только в международных перевозках.

Впоследствии, с целью осуществить ввоз вышеназванного товара для свободного обращения на территории Российской Федерации и изменить таможенную процедуру «временный ввоз», общество, выступив в качестве декларанта, подало в таможенный орган соответствующую декларацию.

В связи с обнаружением признаков, указывающих на то, что заявленные при декларировании сведения могут являться

недостоверными, таможенным органом вынесено решение о проведении дополнительной проверки.

По результатам дополнительной проверки таможенным органом принято решение о корректировке таможенной стоимости товаров, согласно которому таможенная стоимость подлежит определению исходя из общей суммы всех лизинговых платежей и расходов по доставке предметов лизинга.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к таможенному органу о признании незаконным решения о корректировке таможенной стоимости товаров.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требования общества отказано. Суды пришли к выводу о том, что, исходя из ст. 4 Соглашения между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации от 25 января 2008 г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза» (далее – Соглашение), ст. 19 Закона Российской Федерации от 21 мая 1993 г. № 5003-1 «О таможенном тарифе», а также ст. 28 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», лизинговые платежи являются стоимостью сделки, подлежащей использованию при определении таможенной стоимости товара, ввезенного по договору финансовой аренды (лизинга).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Приоритетной основой определения таможенной стоимости ввозимых товаров, в соответствии с п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 4 Соглашения, является стоимость сделки с этими товарами – цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за эти товары при их продаже для вывоза на таможенную территорию, дополненная рядом иных расходов, предусмотренных ст. 5 Соглашения.

Под ценой, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, в силу п. 2 ст. 4 Соглашения понимается общая сумма всех платежей за эти товары, осуществленных или подлежащих осуществлению покупателем непосредственно продавцу или иному лицу в пользу продавца.

Из буквального содержания данных норм Соглашения следует, что используемое для целей таможенной оценки понятие «стоимость сделки» носит специальный характер и относится лишь к тем платежам, которые выступают встречным предоставлением за приобретаемый товар (цена товара), что не равнозначно совокупности любых денежных

обязательств, возникающих из гражданско-правовой сделки (цена договора).

Данный вывод соответствует ст. VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года, которая в соответствии с п. 3 ст. 1 Соглашения лежит в основе применяемых в Российской Федерации правил определения таможенной стоимости ввозимых товаров и предполагает, что таможенная оценка должна производиться исходя из действительной стоимости товаров – цены, по которой такие или аналогичные товары продаются или предлагаются для продажи при обычном ходе торговли в условиях полной конкуренции.

Между тем совокупность лизинговых платежей, уплачиваемых по договору выкупного лизинга, не может быть признана стоимостью сделки в смысле этого понятия, приведенном в п. 1 ст. 4 Соглашения.

Как правило, лизинговые платежи включают в себя вознаграждение за услуги лизинговой компании, в том числе оплату услуги по предоставлению финансирования (лизинговый процент), стоимость которой не относится к цене предмета лизинга как товара, подвергаемого оценке в связи с его ввозом на таможенную территорию.

Изложенное согласуется с правовой позицией, выраженной в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства».

При этом таможенные органы не лишены права удостовериться в правильности декларирования таможенной стоимости лизингового имущества, если приведенные в договоре лизинга (вытекающие из сформулированных в нем условий о структуре лизинговых платежей) сведения о выплачиваемой лизингополучателем цене предметов лизинга и (или) лизинговом проценте, используемые декларантом при заявлении таможенной стоимости, содержат признаки недостоверности.

Данные признаки могут проявляться, в частности, в значительном отличии заявленной в отношении лизингового имущества цены (размера затрат лизингодателя на приобретение предмета лизинга, возмещаемых ему в составе лизинговых платежей) от ценовой информации, содержащейся в базах данных таможенных органов, по сделкам с идентичными или однородными товарами, ввезенными на таможенную территорию при сопоставимых условиях, а в случае отсутствия таких сделок – данных иных официальных или общепризнанных источников информации, включая сведения изготовителей и официальных распространителей товаров, а также товарно-ценовых каталогов.

Определение № 309-КГ16-1524

XI. Процессуальные вопросы

32. Акт органа местного самоуправления, определяющий конкретную гарантирующую организацию (список организаций) услуг водоснабжения и (или) водоотведения, является ненормативным и с учетом субъектного состава спора подлежит оспариванию в арбитражный суд.

В случае, когда суд общей юрисдикции отказал заявителю в рассмотрении по существу его требования ввиду неподведомственности дела этому суду, арбитражный суд обязан принять и рассмотреть по существу такое требование.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействующим постановления администрации муниципального образования, которым общество включено в перечень гарантирующих организаций для централизованной системы холодного водоснабжения и (или) водоотведения в этом муниципальном образовании, и об обязании устранить нарушение прав и законных интересов общества посредством исключения из приложений к постановлению указания на его статус как гарантирующей организации. В заявлении общество также сослалось на то, что ранее определением суда общей юрисдикции ему отказано в принятии аналогичного заявления со ссылкой на положения ч. 1, 2 ст. 27, п. 2 ч. 1 ст. 29 АПК РФ.

Суд указал, что, исходя из субъектного состава участников спорных правоотношений, заявление общества неподведомственно суду общей юрисдикции и относится к компетенции арбитражного суда.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, производство по делу прекращено со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ. Суды исходили из того, что оспариваемое обществом постановление администрации представляет собой нормативный правовой акт органа местного самоуправления, не подлежащий оспариванию в арбитражном суде. Отклоняя довод заявителя об отказе суда общей юрисдикции в принятии соответствующего заявления общества, суды сослались на непринятие им мер к обжалованию определения суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Государство обязано обеспечить осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной (п. 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2004 г. № 14-П).

В соответствии с принципом, сформулированным Европейским Судом по правам человека, если в государстве существуют две судебные системы и одна из них отказалась рассматривать спор из-за отсутствия компетенции, вторая судебная система обязана принять дело к своему производству без исследования вопроса о компетенции (постановления от 24 марта 2005 г. по делу «Бабурин (Baburin) против Российской Федерации» (жалоба № 55520/00), от 22 июня 2006 г. по делу «Авакова (Avakova) против Российской Федерации» (жалоба № 30395/04), от 22 декабря 2009 г. по делу «Безымянная (Bezymyannaya) против Российской Федерации» (жалоба № 21851/03)).

Право на судебную защиту нарушенных прав и законных интересов гарантировано заинтересованному лицу положениями ст. 46 Конституции Российской Федерации, ст. 11 ГК РФ и ст. 4 АПК РФ.

Исходя из п. 2.5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2013 г. № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов», арбитражный суд, установив, что суд общей юрисдикции отказал обществу в рассмотрении требования об оспаривании постановления администрации, обязан был принять и рассмотреть заявление по существу.

Кроме того, судами дана неправильная квалификация оспариваемого акта.

Согласно ч. 1 ст. 6 и ст. 12 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Закон № 416-ФЗ) органы местного самоуправления поселений, городских округов для каждой централизованной системы холодного водоснабжения и (или) водоотведения определяют гарантирующую организацию и устанавливают зоны ее деятельности.

Гарантирующей организацией, согласно п. 6 ст. 2 Закона № 416-ФЗ, признается организация, осуществляющая холодное водоснабжение и (или) водоотведение, определенная решением органа местного самоуправления поселения, городского округа, которая обязана заключить договор холодного водоснабжения, договор водоотведения, единый договор холодного водоснабжения и водоотведения с любым обратившимся к ней лицом, чьи объекты подключены (технологически присоединены) к централизованной системе холодного водоснабжения и (или) водоотведения.

Акт органа местного самоуправления, определяющий конкретную гарантирующую организацию (список организаций) услуг водоснабжения и (или) водоотведения, относится к числу ненормативных актов, принятых в рамках организационно-распорядительных полномочий соответствующих органов.

Данный акт не обладает существенными признаками, указанными в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части», поскольку не устанавливает правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение.

Правоотношения в сфере водоснабжения и водоотведения, взаимные права и обязанности субъектов этих правоотношений, условия реализации ими прав и обязанностей и последствия нарушения возникают из положений Закона № 416-ФЗ и нормативных актов Правительства Российской Федерации (например, из постановления от 4 сентября 2013 г. № 776 «Об утверждении Правил организации коммерческого учета воды, сточных вод», постановления от 29 сентября 2013 г. № 645 «Об утверждении типовых договоров в области холодного водоснабжения и водоотведения», постановления от 29 июля 2013 г. № 644 «Об утверждении Правил холодного водоснабжения и водоотведения и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» и др.), имеющих по отношению к постановлению администрации большую юридическую силу.

Определение № 301-КГ15-20284

33. Если до вынесения решения судом первой инстанции в отношении ответчика будет открыто конкурсное производство, суд на основании п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ должен оставить иск без рассмотрения, за исключением случаев, когда согласно законодательству о банкротстве соответствующее требование может быть рассмотрено вне рамок дела о банкротстве.

Обществом (покупатель) и компанией (продавец) заключен договор купли-продажи помещений и доли в праве собственности на земельный участок.

Приобретенное имущество было оплачено обществом в полном объеме.

Ссылаясь не неисполнение компанией указанного договора, общество обратилось в арбитражный суд с иском о понуждении компании передать указанные объекты и осуществить государственную регистрацию перехода права собственности.

Компания обратилась со встречным иском к обществу о признании договора купли-продажи недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, первоначальные исковые требования удовлетворены, в удовлетворении встречного иска отказано. Суды исходили из того, что, получив встречное предоставление по сделке, компания обязана передать спорное имущество покупателю и осуществить соответствующие регистрационные действия по переходу права собственности.

Суды согласились с заявлением общества о пропуске срока исковой давности по встречному иску.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и оставила без рассмотрения первоначальные и встречные исковые требования по следующим основаниям.

Решением арбитражного суда по другому делу компания признана несостоятельной (банкротом), в отношении нее открыто конкурсное производство.

В п. 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» разъяснено, что согласно абзацу седьмому п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве с даты принятия судом решения о признании должника банкротом все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, иные имущественные требования, за исключением текущих платежей, перечисленных в п. 1 ст. 134 данного Закона, и требований о признании права собственности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными ничтожных сделок и о применении последствий их недействительности могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства.

В связи с этим в ходе конкурсного производства подлежат предъявлению только в деле о банкротстве также требования кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера (о передаче имущества в собственность, выполнении работ и оказании услуг), возникшие до возбуждения этого дела и которые рассматриваются по правилам ст. 100 Закона о банкротстве.

Таким образом, по смыслу приведенных разъяснений, с момента открытия конкурсного производства происходит трансформация неденежного требования о передаче имущества компанией в денежное требование по возврату этим обществом оплаты, полученной по договору до возбуждения дела о банкротстве.

Так как конкурсное производство в отношении компании открыто до принятия решения суда первой инстанции по настоящему делу, заявленные обществом требования подлежат рассмотрению в деле о банкротстве.

Обратный подход привел бы к тому, что требования общества, носящие реестровый характер, были бы удовлетворены во внеочередном порядке, преимущественно перед требованиями иных конкурсных кредиторов компании, что противоречит законодательству о банкротстве.

При таких обстоятельствах данные требования подлежали оставлению без рассмотрения в силу п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

Поскольку предъявление встречного иска фактически не носило самостоятельного характера, а было обусловлено предъявлением первоначального иска, то есть между исками имеется взаимная связь, требования компании следует также оставить без рассмотрения.

Определение № 301-ЭС16-4180

34. При рассмотрении судом иска о выплате компенсации на основании ст. 98 АПК РФ на истце лежит бремя доказывания возникновения у него негативных последствий и наличия причинно-следственной связи между этими последствиями и обеспечением иска.

Лицо, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, вправе доказывать, что размер компенсации не соответствует обстоятельствам дела, требованиям разумности и справедливости.

Вопрос о виновности лица, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, не входит в предмет доказывания по данной категории дел.

В рамках дела по иску общества к компании (залогодатель) и банку (залогодержатель) о признании недействительным заключенного между ответчиками договора ипотеки по заявлению истца арбитражным судом приняты обеспечительные меры в виде наложения запрета на проведение торгов по продаже предмета ипотеки.

Обеспечительные меры действовали в течение девяти месяцев и были отменены постановлением арбитражного суда округа.

Впоследствии обществу было отказано в удовлетворении его искового требования к компании и банку.

Полагая, что, предъявив необоснованный иск о признании договора ипотеки недействительным, заявив по нему ходатайства о принятии обеспечительных мер, общество на длительный срок парализовало исполнительное производство по обращению взыскания на заложенные объекты, отодвинув тем самым на девять месяцев момент погашения его требований, банк, сославшись на ст. 98 АПК РФ, обратился в арбитражный суд с иском о выплате ему компенсации за счет общества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды сочли, что само по себе обращение с ходатайством о принятии обеспечительных мер не может рассматриваться как противоправное поведение, последующий отказ в удовлетворении требования общества, в обеспечение которого налагалось ограничение, также не свидетельствует о его недобросовестности и направленности его действий на причинение убытков банку.

Кроме того, суды указали на то, что банком не доказаны возможность реализации спорного объекта на торгах, его ликвидность и наличие реальных предложений об его покупке. Суды при этом учли, что после отмены обеспечительных мер имущество не было реализовано на торгах, в связи с чем банк как залогодержатель оставил заложенный объект за собой.

Исходя из этого, суды пришли к выводу о том, что банк в нарушение требований ст. 65 АПК РФ не доказал факт причинения ему реального ущерба принятием обеспечительных мер.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и взыскала компенсацию в пользу банка по следующим основаниям.

Как верно указали суды, само по себе обращение с заявлением о принятии обеспечительных мер не может рассматриваться как противоправное поведение, даже если впоследствии иск лица, подавшего ходатайство о принятии обеспечительных мер, будет признан судом необоснованным.

Вместе с тем правопорядок не должен содействовать как испрашиванию обеспечительных мер по необоснованным искам, так и освобождению от ответственности субъектов, заявивших соответствующие требования.

Лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения ими процессуальных действий (ч. 2 ст. 9 АПК РФ).

Вопреки выводам судов в предмет доказывания по иску о взыскании убытков или выплате компенсации в связи с обеспечением иска не входит установление виновности инициировавшего принятие обеспечительных мер лица, поскольку право на возмещение убытков от обеспечительных мер либо право на получение компенсации основаны на положениях п. 3 ст. 1064 ГК РФ и возникают в силу прямого указания закона (ст. 98 АПК РФ).

Таким образом, ошибочны выводы судов о необходимости доказывания банком противоправности действий общества и его вины.

При выборе такого способа защиты, как взыскание компенсации, отсутствует необходимость строгого доказывания размера понесенных

убытков по правилам ст. 15 ГК РФ. Однако закрепленные в ст. 98 АПК РФ критерии определения размера присуждаемой компенсации, касающиеся характера ограничения (нарушения) имущественной сферы потерпевшего обеспечением иска и учета принципов разумности и справедливости, предполагают обоснование потерпевшим негативных последствий, наступивших от обеспечительных мер, доказывание им причинно-следственной связи между негативными последствиями на стороне потерпевшего и обеспечением иска.

Определяя размер компенсации, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации исходила из того, что ограничение прав банка носило длительный характер, вследствие чего банк, предоставивший денежные средства, не мог в течение девяти месяцев получить в счет погашения просроченной задолженности право собственности на объекты стоимостью порядка 182 млн. руб., несмотря на наличие у него на это законного права.

Одновременно общество не представило мотивированных возражений относительно размера компенсации, не раскрыло доходность за соответствующий период коммерческой недвижимости, поступившей в собственность банку. Предъявленная банком к взысканию сумма компенсации за 9 месяцев в размере 1 000 000 руб. (0,55 процента от стоимости заложенных объектов, что составляет 0,73 процента годовых) является разумной и справедливой, соответствует закрепленному в ст. 98 АПК РФ предназначению компенсации, выплачиваемой в связи с обеспечением иска, и направлена на восстановление имущественного положения потерпевшего, а не на его неосновательное обогащение.

Определение № 308-ЭС15-18503

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Ограничение прав и свобод человека в виде запрета въезда на территорию Российской Федерации не должно создавать препятствия для реализации прав на личную и семейную жизнь, проживание с детьми, нуждающимися в заботе и опеке и имеющими устойчивую связь с Российской Федерацией.

А. обратилась в суд с заявлением об оспаривании решения УФМС о неразрешении ей въезда на территорию Российской Федерации на срок до 7 мая 2017 г. Свои требования мотивировала тем, что указанным решением ей не разрешен въезд на территорию Российской Федерации, поскольку в период своего предыдущего пребывания она не выехала из Российской Федерации до истечения тридцати суток со дня окончания срока

временного пребывания. А. указала, что причины, по которым она не могла выехать в установленное время, являются уважительными. В Российской Федерации у нее имеется место жительства, сложились фактические семейные отношения с гражданином Российской Федерации А.С., с которым они длительное время совместно проживают и воспитывают двоих несовершеннолетних детей, являющихся гражданами Российской Федерации. В связи с тем, что А.С., а также их сын А.А., являющийся инвалидом детства, в период с декабря 2013 года по май 2014 года проходили лечение в медицинских учреждениях, нуждались в ее помощи и уходе, она не имела возможности своевременно выехать из Санкт-Петербурга. При указанных обстоятельствах А. полагала, что принятое УФМС решение препятствует реализации ее прав на личную и семейную жизнь и подлежит отмене.

Решением суда первой инстанции заявление А. удовлетворено. Признано незаконным и отменено решение УФМС о неразрешении гражданке Республики Азербайджан А. въезда в Российскую Федерацию сроком до 7 мая 2017 г.

Определением апелляционной инстанции решение суда отменено и принято новое решение, которым в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации не может согласиться с выводами суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для отмены решения УФМС в связи со следующим.

В пп. 5, 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» указано, что из положений Конвенции и Протоколов к ней в толковании Европейского Суда, под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод.

При этом в силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Судам при рассмотрении дел всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств. Обратить внимание судов на то, что ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В силу положений ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Принимая во внимание приведенные положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конституции Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и учитывая установленные по делу обстоятельства, в том числе наличие у А. двоих несовершеннолетних детей, проживающих и обучающихся на территории Российской Федерации, один из которых является инвалидом, а отец которых страдает тяжелым заболеванием и проходит лечение в медицинских учреждениях Российской Федерации и Азербайджана, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации соглашается с выводом суда первой инстанции о том, что принятым решением о запрете въезда на территорию Российской Федерации до 7 мая 2017 г. УФМС созданы препятствия для реализации прав и свобод А. на личную семейную жизнь, проживание со своими детьми, нуждающимися в ее заботе и опеке и имеющими устойчивую связь с Российской Федерацией, в связи с чем имелись основания для удовлетворения требований о признании незаконным и отмене оспариваемого решения.

В связи с этим Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 78-КГ15-31

2. Судебный пристав-исполнитель в процессе принудительного исполнения судебного акта не должен допускать ущемления прав и законных интересов граждан и организаций и в случае неясности требования, содержащегося в исполнительном документе, обратиться в суд, принявший судебный акт, с заявлением о разъяснении исполнительного документа.

Вступившим в законную силу решением суда на администрацию городского поселения возложена обязанность предоставить недееспособной Н. по договору социального найма благоустроенное жилое помещение, общей площадью не менее 18 кв.м (далее – решение суда о предоставление жилого помещения).

На основании исполнительного листа судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство о возложении на администрацию городского поселения обязанности предоставить Н. благоустроенное жилое помещение общей площадью не менее 18 кв.м.

В связи с тем, что направленный администрацией проект договора социального найма на изолированное жилое помещение, состоящее из одной комнаты, площадью 18,1 кв.м, А., как законный представитель Н., не подписала, мотивируя тем, что недееспособной Н. должна быть предоставлена отдельная благоустроенная квартира по договору социального найма, судебным приставом-исполнителем вынесено постановление об окончании исполнительного производства и возвращении исполнительного документа.

При этом судебный пристав-исполнитель исходил из того, что взыскатель своими действиями препятствует исполнению исполнительного документа.

А. не согласилась с постановлением судебного пристава-исполнителя и оспорила его в суде, полагая, что предложенная администрацией комната нарушает права и законные интересы недееспособной Н. на получение по договору социального найма отдельной квартиры.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявителю отказано в удовлетворении требований.

Суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении заявленных требований, пришел к заключению, что судебным приставом-исполнителем совершены все необходимые действия, направленные на своевременное исполнение решение суда, а заявитель своими действиями препятствует его исполнению.

Утверждения А. о наличии уважительных причин для отказа от вселения в предоставляемую администрацией городского поселения

комнату, не имеющую санузла и ванной комнаты, суд признал несостоятельными, поскольку решение суда о предоставление жилого помещения не содержит вывод об обязанности предоставить отдельную квартиру.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации не нашла оснований согласиться с приведенными выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Задачами исполнительного производства являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций (ст. 2 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» – далее Закон об исполнительном производстве).

Правильным исполнением судебных актов по смыслу приведенной нормы является исполнение судебного акта в строгом соответствии с вынесенным по делу решением, на основании которого был выдан исполнительный документ и возбуждено исполнительное производство.

Как вытекает из содержания п. 6 ч. 1 ст. 13 Закона об исполнительном производстве, в исполнительном документе должна быть указана резолютивная часть решения суда, содержащая требование о возложении на должника обязанности по совершению в пользу взыскателя определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий.

Из систематического толкования приведенных законоположений следует, что судебный пристав-исполнитель в процессе принудительного исполнения судебного акта должен требовать исполнения его в точном соответствии с выданным исполнительным листом.

Частью 3 ст. 47 Закона об исполнительном производстве предусмотрено, что исполнительное производство оканчивается судебным приставом-исполнителем в том числе в случае возвращения взыскателю исполнительного документа по основаниям, предусмотренным ст. 46 указанного закона, согласно п. 6 ч. 1 которой исполнительный документ, по которому взыскание не производилось или произведено частично, возвращается взыскателю, если взыскатель своими действиями препятствует исполнению исполнительного документа.

По смыслу приведенного законоположения исполнительное производство может быть окончено в том числе, если взыскатель без объяснения мотивов либо без уважительных причин отказывается совершить действия необходимые для исполнения решения суда.

Вместе с тем согласно представленному в материалы дела техническому паспорту жилого дома, являвшегося ранее общежитием,

предложенное А. жилое помещение, состоящее из комнаты, не имеет кухни и санузла, что в судебном заседании никем не оспаривалось. Места общего пользования (кухня, санузел) находятся на этаже, то есть в совместном пользовании с другими нанимателями иных жилых помещений.

Н. страдает заболеванием, отнесенным к п. 3 Перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 г. № 378, что не предполагает возможность совместного с иными гражданами пользования как самим жилым помещением, так и необходимыми вспомогательными помещениями (санузел с водоснабжением, кухня).

При таком положении отказ А. подписать договор социального найма, предметом которого является жилое помещение, не отвечающее названным выше требованиям, неправильно признан основанием для окончания исполнительного производства и возвращения исполнительного листа.

Действительно, резолютивная часть решение суда о предоставление жилого помещения не содержит характеристик жилого помещения, которое администрация городского поселения обязана предоставить недееспособной Н. по договору социального найма, кроме благоустройства и общей площади.

Вместе с тем к жилым помещениям ЖК РФ относит не только комнату, но и жилой дом, часть жилого дома, квартиру, часть квартиры (ч. 1 ст. 16).

Таким образом, имеет место неясность требования, содержащегося в исполнительном документе, что в соответствии с ч. 1 ст. 433 ГПК РФ, является поводом для обращения в том числе и судебного пристава-исполнителя в суд, принявший судебный акт, с заявлением о разъяснении исполнительного документа.

В силу положений ст. 13 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» судебный пристав обязан использовать предоставленные ему права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и законных интересов граждан и организаций.

Несмотря на указанные обстоятельства судебный пристав-исполнитель в нарушение приведенного законоположения, а также предписаний п. 1 ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах», обязывающего в процессе принудительного исполнения судебных актов принимать меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов, не обратился в суд с соответствующим заявлением, что повлекло принятие незаконного постановления.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении требований и признании постановления судебного пристава-исполнителя незаконным.

Определение № 44-КГ 16-10

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Установление Министром обороны Российской Федерации различных периодов аттестации военнослужащих, относящихся к разным составам, не свидетельствует о дискриминационном характере такого решения.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444 утвержден Порядок организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – Порядок).

В силу абзаца второго п. 1 Порядка военнослужащие, проходящие военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, ежегодно, а офицеры не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы, но не менее чем за четыре месяца до истечения срока военной службы, а также по окончании военных образовательных учреждений профессионального образования, адъюнктуры, военной докторантуры аттестуются с составлением соответствующих аттестационных листов.

В. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным исковым заявлением, в котором просил признать недействующим абзац второй п. 1 Порядка, как предусматривающий различную периодичность проведения аттестации: ежегодно – для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, и не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы – для офицеров.

Рассмотрев административное дело, Верховный Суд Российской Федерации нашел административное исковое заявление не подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

В соответствии п. 13 ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» Президент Российской Федерации утверждает Положение о порядке прохождения военной службы.

Согласно пп. 3, 4, 5 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы порядок организации и проведения аттестации

определяется руководителем соответствующего федерального органа исполнительной власти, в котором проводится аттестация.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, аттестуются не менее чем за четыре месяца до истечения срока военной службы, но не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы, а также по окончании военно-учебного заведения, адъюнктуры, военной докторантуры. В случае необходимости руководитель федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, вправе назначить время и порядок проведения аттестации всех военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, или отдельных их категорий.

Во исполнение указанных выше полномочий Министр обороны Российской Федерации утвердил оспариваемый административным истцом Порядок, которым установил ежегодное прохождение аттестации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами.

Вопреки доводам административного истца абзац второй п. 1 Порядка соответствует требованиям ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы о проведении аттестации не реже чем через каждые пять лет, поскольку названная норма Положения о порядке прохождения военной службы устанавливает лишь максимальный период времени, в течение которого может не проводиться аттестация военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, однако она не определяет ее минимальную периодичность и не содержит запрета на проведение аттестации ежегодно.

Ввиду этого, установив ежегодное проведение аттестации в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, оспариваемое положение Порядка не вступило в противоречие с указанными требованиями ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы.

Не нарушает оспариваемая норма принципа равенства прав и свобод человека и гражданина.

Пунктом 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» установлено, что право на труд реализуется военнослужащими посредством прохождения ими военной службы.

Согласно п. 2 ст. 1 Положения о порядке прохождения военной службы прохождение военной службы включает в себя назначение на воинскую должность, присвоение воинского звания, аттестацию, увольнение с военной службы, а также другие обстоятельства (события), которыми в соответствии с законодательством определяется служебно-правовое положение военнослужащих.

В силу п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы аттестация проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования, а также определения предназначения граждан, пребывающих в запасе.

При этом принцип равенства, закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации, не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования в сфере военной службы устанавливать различные правила прохождения военной службы военнослужащими, принадлежащими к разным по условиям и роду службы категориям, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно-значимым целям. Такие различия не могут считаться дискриминационными.

В соответствии со ст. 46 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах военнослужащие разделены на составы: солдаты, матросы, сержанты и старшины; прапорщики и мичманы; офицеры.

Разделение на составы военнослужащих является объективно оправданным и обоснованным, поскольку связано с особенностями предъявляемых квалификационных требований, с характером выполняемых обязанностей военной службы и с другими обстоятельствами, определяющими служебно-правовое положение при прохождении военной службы и увольнении с нее.

С учетом изложенного установление Порядком различных периодов аттестации военнослужащих, относящихся к разным составам, не свидетельствует о дискриминационном характере оспариваемой нормы, как не может быть признано противоречащим требованиям разумности ее положение о проведении ежегодной аттестации военнослужащих, проходящих военную службу на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами.

Таким образом, оспариваемый абзац второй п. 1 Порядка, предусматривающий различную периодичность прохождения аттестации военнослужащими разных составов, соответствует требованиям законодательства и прав административного истца не нарушает.

Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации данное решение оставлено без изменения, а апелляционная жалоба – без удовлетворения.

Решение № ВКАПИ 16-6

2. Военнослужащий, допустивший нарушения условий контракта, в пределах срока давности привлечения к дисциплинарной ответственности может быть уволен с военной службы по этому основанию независимо от того, когда были допущены данные нарушения – до или после заключения нового контракта, поскольку военная служба носит непрерывный характер.

Решением Вологодского гарнизонного военного суда от 24 февраля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 18 июня 2015 г., удовлетворено заявление Щ., в котором он просил признать незаконным приказ командующего Северным флотом от 2 октября 2014 г. в части увольнения с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

В кассационной жалобе представитель должностного лица просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований Щ., указывав в обоснование на прекращение в отношении заявителя уголовного дела в связи с деятельным раскаянием и наличие у него неснятых дисциплинарных взысканий, что свидетельствует о наличии оснований для его увольнения с военной службы вне зависимости от истечения срока действия ранее заключенного контракта о прохождении военной службы и заключения нового контракта.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации нашла, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права.

По делу установлено, что Щ., проходивший военную службу по контракту, заключенному до 22 июня 2014 г., на должности командира роты, на момент истечения срока контракта не достиг предельного возраста пребывания на военной службе и не приобрел права на пенсию за выслугу лет.

За период с 2013 по 2014 год Щ. имел пять дисциплинарных взысканий за различные нарушения воинской дисциплины.

19 февраля 2014 г. в отношении его возбуждено уголовное дело, которое до истечения срока контракта прекращено в связи с деятельным раскаянием, то есть по нереабилитирующему основанию.

Аттестационная комиссия воинской части на заседании 17 июня 2014 г. пришла к заключению, что Щ. целесообразно уволить с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

23 июня 2014 г., то есть на следующий день после истечения срока контракта, на основании волеизъявления Щ. с ним заключен новый контракт до наступления предельного возраста пребывания на военной

службе с изданием командующим Северным флотом 3 августа 2014 г. соответствующего приказа.

12 августа 2014 г. Щ. представлен к увольнению с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командующего Северным флотом от 2 октября 2014 г. он уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Удовлетворяя требования Щ. и признавая незаконным приказ о его увольнении с военной службы, суды исходили из того, что после принятия командованием решения о заключении с Щ. нового контракта у командующего Северным флотом не имелось оснований для его увольнения с военной службы по подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», поскольку условия нового контракта Щ. не нарушались, а действие предыдущего прекращено.

С такими выводами согласиться нельзя.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» военная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

Военнослужащими, к категории которых относится заявитель, профессиональная служебная деятельность осуществляется путем прохождения военной службы по контракту.

Согласно п. 5 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» заключение контракта о прохождении военной службы, прекращение его действия, а также иные отношения, связанные с ним, регулируются данным законом, Положением о порядке прохождения военной службы, а также законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяющими порядок прохождения военной службы и статус военнослужащих.

По смыслу абзаца первого п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 5 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и как разъяснено в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», военнослужащим не может быть отказано в заключении нового контракта о прохождении военной службы, если они не достигли предельного возраста пребывания на военной службе, не приобрели права на пенсию за

выслугу лет и отсутствуют основания для их досрочного увольнения с военной службы, установленные Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», и обстоятельства, когда с такими военнослужащими в силу закона не может быть заключен новый контракт.

На момент принятия решения о заключении нового контракта с Щ. действовала норма Положения о порядке прохождения военной службы, которая предусматривала, что контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и назначено наказание или ведется дознание либо предварительное следствие, или уголовное дело в отношении их передано в суд, с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы. Указом Президента Российской Федерации от 2 января 2015 г. № 3 эта норма дополнена указанием о том, что контракт не может быть заключен также и с гражданами, лишенными на определенный срок вступившим в законную силу приговором суда права занимать воинские должности в течение указанного срока (п. 3 ст. 4 Положения).

Исходя из изложенного при отсутствии указанных обстоятельств заключение нового контракта с военнослужащими, которые не достигли предельного возраста пребывания на военной службе, не приобрели права на пенсию за выслугу лет и изъявили желание продолжить военную службу, является обязанностью командования, что обеспечивает непрерывность военной службы и реализацию права военнослужащего на труд.

По делу не установлено предусмотренных законодательством обстоятельств, препятствующих заключению с Щ. нового контракта, в связи с чем его волеизъявление о продолжении прохождения военной службы в силу закона являлось обязательным для командования.

При этом заключение нового контракта с военнослужащим не аннулирует правовые последствия, связанные с его поведением при прохождении военной службы и с оценкой этого поведения командованием в период действия предыдущего контракта.

В интересах военной службы, выражающихся в поддержании боевой готовности воинских подразделений, эффективном выполнении стоящих перед ними задач, недобросовестное отношение военнослужащего к своим обязанностям может послужить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

В соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Согласно п. 2^2 ст. 51 данного закона военнослужащий увольняется в связи с невыполнением им условий контракта только по заключению аттестационной комиссии, вынесенному по результатам аттестации военнослужащего, за исключением случаев, когда увольнение по указанному основанию осуществляется в порядке исполнения дисциплинарного взыскания. Если же военнослужащий имеет судимость или подвергнут судом административному наказанию либо имеет неснятые дисциплинарные взыскания, то такой военнослужащий может быть уволен с военной службы по указанному основанию только до погашения либо снятия судимости или до истечения срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, либо до истечения срока, в течение которого военнослужащий считается имеющим дисциплинарное взыскание.

Нарушений требований п. 2^2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в части срока реализации командованием решения об увольнении Щ. с военной службы по делу не установлено. На момент обжалуемого приказа заявитель имел неснятые дисциплинарные взыскания. Аттестация Щ. проведена с соблюдением требований ст. 26, 27 Положения о порядке прохождения военной службы.

Процедура увольнения Щ. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта была инициирована в период действия его предыдущего контракта о прохождении военной службы, и оснований для прекращения процедуры увольнения после заключения нового контракта не имелось.

Таким образом, заключение нового контракта о прохождении военной службы с Щ. не являлось препятствием для реализации командованием права оценивать его соответствие требованиям, предъявляемым законом к военнослужащим, и принятия решения о его увольнении с военной службы в связи с невыполнением условий контракта при наличии для этого достаточных оснований, подтвержденных заключением аттестационной комиссии. Вывод судов первой и апелляционной инстанций об обратном не основан на законе.

Допущенные нарушения в применении норм материального права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов. Это явилось основанием для отмены Судебной коллегией по делам военнослужащих в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных постановлений и принятия по делу нового решения об отказе в удовлетворении требований Щ.

Определение № 202-КГ16-2

3. Суд должен учесть все редакции закона на момент принятия итогового судебного решения на соответствующей стадии судопроизводства.

По приговору Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. с учетом последующих изменений Д. признан виновным в том числе в совершении в период с февраля 2007 года по апрель 2008 года развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста, и осужден по ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) сроком на 1 год.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор и последующие судебные решения в отношении Д. изменила, указав в обоснование следующее.

Санкция ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) предусматривала за совершение указанного преступления наказания в виде штрафа, ограничения свободы и в качестве наиболее строгого наказания – лишение свободы на срок до трех лет.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ внесены изменения, согласно которым преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Д. ранее судим не был, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 135 УК РФ, совершил впервые, обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Таким образом, с учетом внесенных в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ изменений Д. считается совершившим преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), относящееся к категории небольшой тяжести, за которое ему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления небольшой тяжести прошло два года.

С момента совершения Д. преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, и до момента постановления обвинительного приговора прошло более двух лет.

Московский окружной военный суд, пересматривая 19 марта 2014 г. приговор Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. в кассационном порядке, признал назначенное Д. наказание, в том числе за совершенное им преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ, соответствующим требованиям уголовного закона, однако такое судебное решение является ошибочным.

В соответствии со ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространятся на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П, по буквальному смыслу части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение – в отмене квалифицирующего признака преступления, снижении нижнего и (или) верхнего пределов санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, изменении в благоприятную для осужденного сторону правил его Общей части, касающихся назначения наказания, или в чем-либо ином.

Таким образом, правильное применение уголовного закона является обязанностью суда, который должен учесть все редакции закона на момент принятия итогового судебного решения на соответствующей стадии судопроизводства. Вследствие этого конституционно-правовое толкование ст. 10 УК РФ, предполагающее необходимость учета при отправлении правосудия всех изменений закона, распространяется на все стадии уголовного судопроизводства, включая кассационное (надзорное).

Исходя из изложенного при вынесении постановления от 19 марта 2014 г. президиум Московского окружного военного суда обязан был учесть внесенные в уголовный закон изменения, улучшающие положение осужденного, освободить Д. от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), на основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ

и привести приговор Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. в соответствие с законом в порядке ст. 396, 397 УПК РФ. Однако этого сделано не было.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по делам военнослужащих на основании ст. 10 и п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ в связи с изданием уголовного закона, имеющего обратную силу, а также истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности освободила Д. от наказания, назначенного по ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ).

Определение № 201-УД16-3

4. Признав наличие у подсудимых смягчающего наказание обстоятельства в виде активного способствования расследованию преступлений и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд с учетом рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ должен был применить совокупность правил смягчения наказания, предусмотренных как ч. 5 ст. 62 УК РФ, так и ч. 1 той же статьи УК РФ.

По приговору Московского окружного военного суда от 28 декабря 2015 г. А. и Х. признаны виновными и осуждены за финансирование терроризма и участие в террористическом сообществе.

Обвинительный приговор в отношении А. и Х. постановлен в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемых с предъявленным им обвинением (гл. 40 УПК РФ).

При назначении подсудимым наказания суд в качестве смягчающих наказание обстоятельств признал в том числе активное способствование их расследованию преступлений. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам защитников осужденных, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила в части назначенного А. и Х. наказания.

Признав наличие у А. и Х. смягчающего наказание обстоятельства в виде активного способствования расследованию преступлений, то есть предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд с учетом рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ должен был применить совокупность правил смягчения наказания, предусмотренных как ч. 5 ст. 62 УК РФ, так и ч. 1 той же статьи УК РФ.

Таким образом, максимально возможное наказание А. и Х. за совершенные ими преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, не должно превышать две трети от двух третьих, то есть должно составлять 4 года 5 месяцев 10 дней.

С учетом изложенного Судебная коллегия смягчила назначенное А. и Х. судом первой инстанции наказание за каждое из совершенных ими преступлений и по их совокупности.

Определение № 201-АПУ16-7с

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

Несвоевременное изготовление мотивированных судебных актов, искажение при этом сведений информационных ресурсов (проставление даты принятия определений и решений, не соответствующей действительности) повлекло досрочное прекращение полномочий судьи.

Квалификационная коллегия судей Пермского края досрочно прекратила полномочия судьи Арбитражного суда Пермского края Щ. с лишением ее второго квалификационного класса судьи за совершение дисциплинарного проступка.

Решением Дисциплинарной коллегии в удовлетворении жалобы Щ. на решение квалификационной коллегии судей отказано.

Дисциплинарная коллегия отметила, что квалификационная коллегия судей в решении правильно указала на то, что судья Щ. систематически допускала нарушения прав участников арбитражного процесса, что способствовало формированию негативного отношения общества к суду и умаляло авторитет судебной власти.

Так, в январе 2015 года судьей из 41 рассмотренного дела по 8 делам нарушен срок изготовления мотивированных судебных актов, в феврале 2015 года из 56 дел в 19 случаях имело место нарушение сроков изготовления судебных актов, в марте 2015 года срок нарушен по 12 делам из 59 рассмотренных судьей, в апреле 2015 года аналогичные нарушения выявлены по 17 делам из 37 рассмотренных, в мае 2015 года из 53 рассмотренных судьей дел с нарушением сроков изготовлены судебные акты по 35 делам, в июне 2015 года нарушены сроки по 12 делам из 31 рассмотренного дела.

По состоянию на 15 октября 2015 г. судьей Щ. не были изготовлены итоговые судебные акты по 25 делам, причем со значительным пропуском пятидневного процессуального срока, предусмотренного ч. 2 ст. 176 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, по 2 делам резолютивные части были объявлены в мае 2015 г.,

по 4 делам – в июне 2015 г., по 12 делам – в июле 2015 г., по 7 делам – в августе 2015 г.

Несоблюдение сроков изготовления мотивированных судебных решений непосредственно затрагивает права сторон споров на обжалование судебных актов, своевременное их исполнение.

В 2015 году от участвующих в делах лиц поступило 5 обоснованных жалоб на судью Щ.

Доводы административного истца о том, что просрочки в изготовлении судебных актов обусловлены высокой нагрузкой и стремлением подготовить тексты судебный решений качественно, Дисциплинарная коллегия отклонила.

Коллегия в решении указала, что из материалов дисциплинарного производства следует, что за девять месяцев 2015 года нагрузка на судью Щ. составляла 88,2 дела в месяц, что не превышало средний показатель по гражданской коллегии Арбитражного суда Пермского края (89,1 дела в месяц). Вместе с тем показатели, характеризующие качество работы судьи (количество отмененных, измененных вышестоящими инстанциями судебных актов), в 2015 году у судьи Щ. были ниже средних показателей по гражданской коллегии суда. Количество же дел, рассмотренных судьей Щ. с нарушением процессуальных сроков, значительно превышало средние показатели по гражданской коллегии и суду в целом.

В соответствии с Инструкцией по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первая, апелляционная и кассационная инстанция), утвержденной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 100, проекты судебных актов изготавливаются с использованием шаблонов судебных актов, внесенных в системы автоматизации судопроизводства. Подписание судебного акта в этих системах осуществляется исключительно судьей самостоятельно, передача полномочий по подписанию судебных актов в системе автоматизации судопроизводства не допускается. При подписании судебного акта в системах автоматизации документу присваивается уникальный идентификационный номер. Судья подписывает оригинал судебного акта на бумажном носителе только в случае наличия на нем уникального идентификационного номера, совпадающего с номером данного судебного акта в системах автоматизации судопроизводства (пп. 9.3 и 9.4 названной инструкции).

Согласно пп. 7 и 8 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации данные систем автоматизации судопроизводства и систем автоматизации делопроизводства считаются первичными, а сведения, содержащиеся в журнально-карточных системах учета арбитражных судов, носят лишь вспомогательный характер. Автоматизация делопроизводства, осуществляемая на основе использования названных систем, обеспечивает регистрацию, учет и

контроль движения документов, расчет статистических и иных данных, в том числе ведение статистических карт судебных дел, выведение на бумажный носитель информации в виде журналов, реестров, карт и форм.

В ходе проверки было установлено, что судебные акты изготавливались судьей Щ. без использования шаблонов систем автоматизации. По 103 делам дата принятия судебного решения (его изготовления в полном объеме) была проставлена в информационных системах в соответствии с требованиями процессуального закона, тогда как фактически тексты судебных актов размещались позднее - после истечения процессуальных сроков.

При таких обстоятельствах квалификационная коллегия судей Пермского края обоснованно указала, что, по сути, судьей вносились недостоверные сведения о сроках рассмотрения дел, искажались статистические данные, предпринимались попытки искусственного улучшения показателей работы, что не соотносится со стандартами честности.

Оценив объем допущенных нарушений, сопоставив сведения о работе судьи со средними показателями работы других судей Арбитражного суда Пермского края, учитывая документально подтвержденный факт внесения судьей Щ. недостоверных сведений в информационные системы, квалификационная коллегия обоснованно признала нарушения существенными и обратила внимание на то, что в данном случае несоблюдение процессуальных сроков по делам свидетельствовало о грубом пренебрежении судьей служебными обязанностями и судейской этикой.

Доводы Щ. о низкой квалификации ее помощника Дисциплинарная коллегия отклонила как несостоятельные. Давая объяснения в судебном заседании, Щ. не оспаривала тот факт, что работала с помощником на протяжении шести лет, не представив при этом доказательств того, что в течение столь продолжительного периода она обращалась к руководству суда с письменными жалобами на помощника, пыталась решить вопрос о его замене.

Коллегия отметила также, что именно на судье лежит обязанность по организации труда помощника, повышению его профессионального уровня, в том числе путем исправления проектов судебных актов, подготовленных помощником.

С учетом изложенного дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи Щ. признано соразмерным тяжести допущенных ею нарушений.

Решение № ДК15-78

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. В каком размере подлежит взысканию с заказчика законная неустойка (пеня) за просрочку исполнения государственного (муниципального) контракта, заключенного в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении?

ОТВЕТ. В силу ч. 5 ст. 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, с него может быть взыскана пеня за каждый день просрочки в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы.

Вместе с тем с 5 декабря 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» (далее – Закон № 307-ФЗ), в соответствии с которым в Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (далее – Закон о газоснабжении), в Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон об электроэнергетике), в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении), в Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Закон о водоснабжении и водоотведении) внесены изменения в части установления законной неустойки за просрочку исполнения потребителем обязательства по оплате потребленной энергии в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату уплаты пеней**,** от не выплаченной в срок суммы.

Исключение установлено лишь для отдельных групп потребителей (товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных и иных специализированных кооперативов, созданных в целях удовлетворения потребностей граждан в жилье, управляющих организаций, приобретающих энергию для целей предоставления коммунальных услуг), с которых неустойка может быть взыскана в более низком размере – в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы. К их числу органы государственной власти и местного самоуправления, государственные и

муниципальные предприятия и учреждения не отнесены.

В пояснительной записке, прилагаемой к Закону № 307-ФЗ в стадии проекта, указано, что его принятие направлено на стимулирование потребителей надлежащим образом исполнять обязательства в сфере энергетики и на предотвращение ситуаций фактического кредитования потребителей за счет гарантирующих поставщиков, энергосбытовых и сетевых компаний.

При этом положения Закона о газоснабжении, Закона об электроэнергетике, Закона о теплоснабжении и Закона о водоснабжении и водоотведении в редакции Закона № 307-ФЗ носят специальный характер по отношению к Закону о контрактной системе, поскольку последний устанавливает общие особенности участия органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и предприятий в гражданско-правовых отношениях именно в целях повышения эффективности осуществления закупок, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов, добросовестной конкуренции, предотвращения коррупции и других злоупотреблений. В Законе о контрактной системе не учитывается специфика отношений в сфере энергоснабжения, конкретные особенности исполнения договоров в данной сфере.

Следовательно, при расчете неустойки, подлежащей взысканию с заказчика по государственному (муниципальному) контракту, заключенному в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении, необходимо руководствоваться положениями Закона о газоснабжении, Закона об электроэнергетике, Закона о теплоснабжении и Закона о водоснабжении и водоотведении в редакции Закона № 307-ФЗ.

Таким образом, заказчик должен уплатить за каждый день просрочки исполнения государственного (муниципального) контракта, заключенного в целях удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в энергоснабжении, неустойку в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на дату уплаты пеней, от не выплаченной в срок суммы.

ВОПРОС 2. Подлежат ли применению повышающие коэффициенты, установленные п. 17 Правил поставки газа в Российской Федерации, в случаях, когда без предварительного согласования с поставщиком, газотранспортной или газораспределительной организацией ресурсоснабжающая организация осуществила перерасход газа, соответствующие объемы которого были потреблены при выработке иного вида ресурса,

реализуемого населению для удовлетворения коммунально-бытовых нужд?

ОТВЕТ. Согласно п. 17 Правил поставки газа в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 1998 г. № 162 (далее – Правила), при перерасходе газа без предварительного согласования с поставщиком, газотранспортной или газораспределительной организацией (далее – уполномоченное лицо) покупатель оплачивает дополнительно объем отобранного им газа сверх установленного договором и стоимость его транспортировки за каждые сутки с применением коэффициента: с 15 апреля по 15 сентября – 1,1; с 16 сентября по 14 апреля – 1,5. Это правило не применяется к объемам газа, израсходованным населением, а также приравненными к населению коммунально-бытовыми потребителями.

В круг лиц, к которым правило п. 17 Правил не применяется, не вошли ресурсоснабжающие организации, преобразующие газ в иные коммунальные ресурсы (например, в тепловую энергию), которые в том числе поставляются населению.

При этом в иных случаях Правила прямо различают поставку газа для коммунально-бытовых нужд (например, поставку исполнителю коммунальных услуг для использования в крышной котельной) и поставку газа преобразующим его в иной вид коммунального ресурса ресурсоснабжающим организациям. Например, согласно п. 14 Правил допускается неравномерность поставки газа по месяцам, в том числе для коммунально-бытовых нужд и для котельных и тепловых электростанций в объемах, обеспечивающих потребности в тепловой энергии коммунально-бытовых организаций и населения.

В связи с этим по смыслу Правил в понятие коммунально-бытовых нужд (нужд коммунально-бытовых потребителей) не включается потребление газа ресурсоснабжающими организациями, использующими его для обеспечения населения иными коммунальными ресурсами.

Этот вывод также подтверждается п. 2 Основных положений формирования и государственного регулирования цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2000 г. № 1021, согласно которому к категории население отнесены лица, приобретающие газ, в том числе исполнители коммунальных услуг, для его использования в котельных всех типов и (или) ином оборудовании для производства электрической и (или) тепловой энергии в целях удовлетворения бытовых нужд жильцов

многоквартирных домов, находящихся в общей долевой собственности собственников помещений в указанных многоквартирных домах.

Ресурсоснабжающие организации, использующие свое оборудование и потребляющие газ при производстве иного коммунального ресурса как для населения, так и для иных лиц, не отнесены к указанной категории потребителей.

Таким образом, штрафные повышающие коэффициенты, установленные п. 17 Правил, подлежат применению при определении стоимости газа и его транспортировки в случае перерасхода газа ресурсоснабжающей организацией без предварительного согласования с уполномоченным лицом, в том числе в отношении объемов газа, потребленного при производстве иного вида ресурса, реализуемого населению для удовлетворения коммунально-бытовых нужд.

ВОПРОС 3. На какой момент определяется размер ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации для расчета подлежащей взысканию на основании судебного решения законной неустойки за просрочку исполнения обязательств по оплате потребления энергетических ресурсов?

ОТВЕТ. Статьей 25 Федерального закона от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», ст. 26 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении», ст. 13 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» и ст. 155 Жилищного кодекса Российской Федерации установлена законная неустойка за просрочку исполнения обязательства по оплате потребления соответствующих энергетических ресурсов. Согласно указанным нормам размер неустойки определяется в зависимости от ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации (далее – ставка), действующей на дату уплаты пеней на не выплаченную в срок сумму.

Следовательно, при добровольной уплате названной неустойки ее размер по общему правилу подлежит исчислению по ставке, действующей на дату фактического платежа.

При этом закон не содержит прямого указания на применимую ставку в случае взыскания неустойки в судебном порядке.

Вместе с тем по смыслу данной нормы, закрепляющей механизм возмещения возникших у кредитора убытков в связи с просрочкой исполнения обязательств по оплате потребленных энергетических ресурсов, при взыскании суммы неустоек (пеней) в судебном порядке за

период до принятия решения суда подлежит применению ставка на день его вынесения.

Данный механизм расчета неустойки позволит обеспечить правовую определенность в отношениях сторон на момент разрешения спора в суде.

При присуждении неустойки по день фактического исполнения обязательства расчет суммы неустойки, начисляемой после вынесения решения, по смыслу п. 65 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», осуществляется в процессе исполнения судебного акта судебным приставом-исполнителем, а в случаях, установленных законом, – иными органами, организациями, в том числе органами казначейства, банками и иными кредитными организациями, должностными лицами и гражданами (ч. 1 ст. 7, ст. 8, п. 16 ч. 1 ст. 64 и ч. 2 ст. 70 Закона об исполнительном производстве) по ставке, действующей на дату исполнения судебного решения.

Процессуальные вопросы

ВОПРОС 4. Какому суду подведомственны дела об оспаривании юридическим лицом постановления, действий (бездействия) должностного лица службы судебных приставов, связанных с исполнением постановления органа, должностного лица о привлечении к административной ответственности, если дела об оспаривании таких постановлений органа подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции?

ОТВЕТ. В соответствии с подп. 6 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» судебные акты, акты других органов и должностных лиц о привлечении к административной ответственности являются исполнительными документами.

По общему правилу, исходя из содержания ч. 2 ст. 27, п. 2 ч. 1 ст. 29 и ч. 1 ст. 197 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), если вынесенные в отношении организации акты органов государственной власти, иных органов и должностных лиц, в том числе судебных приставов, затрагивают её права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, то такие акты подлежат оспариванию в арбитражном суде.

Если объективная сторона административного правонарушения, совершенного юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица,

выражается в действиях (бездействии), направленных на нарушение или невыполнение норм действующего законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в области охраны окружающей среды и природопользования, безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, законодательства о труде и охране труда, жалобы на постановления административных органов о привлечении к административной ответственности, исходя из положений, закрепленных в ч. 3 ст. 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и п. 3 ч. 1 ст. 29 АПК РФ, в любом случае подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции (п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 2014 г.).

Таким образом, учитывая, что постановление органа, должностного лица о привлечении к административной ответственности, вынесенное в указанных сферах законодательства, одновременно является и предметом оспаривания в суде общей юрисдикции, и исполнительным документом, дела об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, принятые, совершенные им в рамках возбужденного исполнительного производства по данному исполнительному документу, также подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции.

ВОПРОС 5. Подлежат ли рассмотрению в порядке административного судопроизводства заявления об оспаривании решения руководителя структурного подразделения рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, принятого по результатам рассмотрения жалобы, адресованной Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации?

ОТВЕТ. В силу ч. 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) к решениям, действиям (бездействию) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, оспариваемым в порядке административного судопроизводства, относятся решения и действия (бездействие), в результате которых были нарушены

или оспорены права, свободы и законные интересы гражданина, организации; созданы препятствия к осуществлению гражданином, организацией их прав, свобод и реализации законных интересов; на гражданина, организацию незаконно возложены какие-либо обязанности.

Правовой статус Уполномоченного по правам человека (далее – Уполномоченный) определен Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (далее – Закон).

Как следует из положений Закона, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и его рабочий аппарат являются государственным органом, учрежденным в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

К одному из направлений деятельности Уполномоченного относится рассмотрение жалоб на нарушение прав и свобод человека и гражданина.

При реализации функции по рассмотрению жалоб Уполномоченный вправе разъяснить заявителю средства, которые тот вправе использовать для защиты своих прав и свобод; передать жалобу государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу, к компетенции которых относится разрешение жалобы по существу; отказать в принятии жалобы к рассмотрению. Отказ в принятии жалобы к рассмотрению должен быть мотивирован и не подлежит обжалованию (ст. 20 Закона).

Для обеспечения деятельности Уполномоченного по защите, восстановлению прав и свобод человека, контролю и надзору за их обеспечением, в том числе при рассмотрении жалоб, создается рабочий аппарат (ст. 37 Закона). По вопросам, связанным с руководством рабочим аппаратом, Уполномоченный утверждает структуру рабочего аппарата, положение о нем и его структурных подразделениях, в которых вправе, в частности, определять конкретных должностных лиц, уполномоченных рассматривать адресованные ему жалобы (ст. 39 Закона).

Из анализа приведенных норм следует, что решения Уполномоченного по результатам рассмотрения адресованных ему жалоб, в том числе отказ в принятии жалоб, не могут нарушать какие-либо права обратившихся к нему лиц, поскольку не создают препятствий к осуществлению гражданами их прав, свобод и реализации законных интересов, включая право на судебную защиту, а также не возлагают на них какие-либо обязанности. Учитывая это, такие решения Уполномоченного не могут быть оспорены в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 218 КАС РФ.

Соответственно не подлежат оспариванию в указанном порядке и принятые по результатам рассмотрения адресованных Уполномоченному жалоб решения должностных лиц рабочего аппарата Уполномоченного, наделенных в соответствии со ст. 39 Закона правом рассматривать эти жалобы.

На основании изложенного судья отказывает в принятии заявления об оспаривании решения должностного лица рабочего аппарата Уполномоченного на основании п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

ВОПРОС 6. Должен ли судья привлекать к участию в деле, рассматриваемом в порядке гражданского судопроизводства, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации?

ОТВЕТ. Порядок привлечения к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, установлен ч. 1 ст. 43 ГПК РФ.

Исходя из данной нормы названные лица могут вступить в дело по своей инициативе, а также участвовать в судебном заседании путем их привлечения по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда только тогда, когда судебный акт может повлиять на их права или обязанности (материальные или процессуальные) по отношению к одной из сторон.

Статус, цель деятельности, функции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный) определены Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

Уполномоченный в пределах своей компетенции рассматривает жалобы граждан Российской Федерации и находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 15). По результатам рассмотрения жалоб Уполномоченный, в частности, вправе обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения, приговора суда, определения или постановления суда либо постановления судьи; изложить свои доводы должностному лицу, которое вправе вносить протесты, а также присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора (подп. 3, 4 п. 1 ст. 29).

При осуществлении возложенных на него полномочий он действует независимо, дополняя существующие средства защиты прав и свобод граждан, и при этом неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам (п. 1 ст. 2, ст. 3).

С учетом компетенции Уполномоченного привлечение его к участию в деле, рассматриваемом в порядке гражданского судопроизводства, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, не допускается ни по ходатайству лиц, участвующих в деле, ни по инициативе суда.

Вопросы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ВОПРОС 7. Вправе ли судья возвратить протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ, и другие материалы дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае отсутствия в материалах дела копии документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина или лица без гражданства, совершившего такое правонарушение?

ОТВЕТ. Нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации в соответствии со ст. 18.8 КоАП РФ влечет наложение административного штрафа с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового.

Установление лица, совершившего противоправное действие (бездействие), за которое КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, в соответствии с п. 2 ст. 26.1 КоАП РФ входит в предмет доказывания и относится к обстоятельствам, подлежащим выяснению по делу об административном правонарушении. При этом сведения о лице, в отношении которого ведется производство по делу, указываются как в протоколе (ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ), так и в постановлении по делу об административном правонарушении (п. 3 ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ).

Документами, удостоверяющими личность иностранного гражданина в Российской Федерации, являются паспорт иностранного гражданина либо иной документ, установленный федеральным законом или признаваемый в соответствии с международным договором Российской Федерации в качестве документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина (п. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

В частности, согласно ст. 10^1 указанного федерального закона личность иностранного гражданина или лица без гражданства, незаконно находящегося на территории Российской Федерации и не имеющего действительного документа, удостоверяющего личность, может быть

подтверждена заключением об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, выданным территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере миграции. Такое заключение составляется по форме, утвержденной приказом ФМС России от 8 ноября 2013 г. № 473 «Об утверждении форм бланков заявления об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, справки о приеме заявления об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства к рассмотрению, протокола опроса свидетеля при установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, протокола опознания иностранного гражданина или лица без гражданства, протокола опознания иностранного гражданина или лица без гражданства по фотографии, заключения об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства», и содержит сведения о фамилии, имени, отчестве (при наличии) иностранного гражданина или лица без гражданства, месте его жительства (месте пребывания, фактического проживания), краткие биографические и иные сведения, фотографию.

Административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации не может быть исполнено в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, личность которого не установлена, в связи с чем в протоколе об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ, совершенном иностранным гражданином или лицом без гражданства, должны быть указаны сведения, позволяющие его идентифицировать, в том числе фамилия, имя, отчество – при наличии (написанные буквами русского алфавита в транскрипции), дата и место рождения, пол, гражданство. При этом к протоколу об административном правонарушении должна быть приложена копия документа, удостоверяющего его личность, оформленного в соответствии с требованиями нормативных правовых актов (например, заключения об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства).

В случае отсутствия в материалах дела указанных сведений судья, руководствуясь п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, возвращает протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ, совершенном иностранным гражданином или лицом без гражданства, и другие материалы дела в орган, должностному лицу, которые составили данный протокол.

ВОПРОС 8. В каком порядке осуществляется исполнение административных наказаний за нарушение правил дорожного движения в случае невозможности их исполнения на территории Российской Федерации?

ОТВЕТ. Согласно ч. 2 ст. 1.1, ст. 31.11 КоАП РФ административное наказание, назначенное судом Российской Федерации, в случае невозможности его исполнения в пределах юрисдикции Российской Федерации, может быть исполнено иностранным государством, если такая возможность предусматривается международным договором Российской Федерации, участником которого является это иностранное государство.

Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан и Кыргызская Республика являются участниками Конвенции о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения от 28 марта 1997 г. (далее – Конвенция), п. 1 ст. 2 которой предусматривает, что Договаривающиеся Стороны признают решения компетентных органов, вынесенные за нарушения правил дорожного движения в отношении лиц, проживающих на территории одной из Договаривающихся Сторон.

Перечень нарушений правил дорожного движения, в отношении которых распространяется действие Конвенции, указан в приложении к ней: нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшие причинение легких телесных повреждений; нарушение водителем транспортного средства обязанности оставаться на месте дорожно-транспортного происшествия; управление транспортным средством в состоянии опьянения или под воздействием наркотических, а равно иных веществ, оказывающих подобное воздействие; невыполнение законного требования работника милиции (полиции) об остановке транспортного средства; уклонение от прохождения в соответствии с установленным порядком освидетельствования на состояние опьянения; передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения.

Согласно п. 3 ст. 2 Конвенции при наложении взыскания за нарушение правил дорожного движения компетентные органы государства, на территории которого нарушены правила дорожного движения, в случае невозможности его исполнения, направляют государству места проживания лица, совершившего нарушение, запрос об исполнении наложенного взыскания.

Запрос направляется в течение 15 дней компетентным органом государства, на территории которого нарушены правила дорожного движения, в соответствующие органы государства места проживания лица, совершившего правонарушение.

При этом компетентным органом государства, на территории которого нарушены правила дорожного движения, в Российской Федерации в соответствии с п. 2 ст. 8 Конвенции и Федеральным законом от 22 июля 2008 г. № 134-ФЗ «О ратификации Конвенции о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных

нарушениях правил дорожного движения» является федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области внутренних дел.

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» определено МВД России.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» федеральный государственный надзор и специальные разрешительные функции в области безопасности дорожного движения осуществляет Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД России и ее территориальные подразделения.

С учетом этого вынесенное судьей постановление о назначении административного наказания за нарушение правил дорожного движения направляется в подразделение Госавтоинспекции территориального органа МВД России, должностное лицо которого составило протокол об административном правонарушении.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2012 года (раздел II «Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений») отзывается пример номер 8 (определение № 6-КГ12-3).

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующих исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные указанными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека[1]

Сообщение: *Т.В. и А.Г. против Республики Узбекистан*. Сообщение № 2044/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: незаконные и произвольные госпитализация и содержание под стражей; право на судебный пересмотр.

Вопрос существа: незаконное и произвольное содержание под стражей; право на судебный пересмотр.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что заключение под стражу и лечение в психиатрическом учреждении против воли пациента представляет собой одну из форм лишения свободы и подпадает под сферу действия положений статьи 9 Пакта[2]. Он также напоминает, что статья 9, пункт 1 [Пакта], требует, чтобы лишение свободы не должно быть произвольным и должно осуществляться при уважении верховенства права. Второе предложение в пункте 1 запрещает произвольный арест или

---

[1] Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

[2] См., например, сообщения № 754/1997, *А. против Новой Зеландии*, Соображения, принятые 15 июля 1999 г., пункт 7.2; и № 1061/2002, *Фиялковска против Польши*, Соображения, принятые 26 июля 2005 г., пункт 8.2.

содержание под стражей, третье – незаконное лишение свободы, т.е. лишение свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. Эти два запрета пересекаются в том плане, что арест и содержание под стражей может быть как произвольными, так и незаконными[3]. Комитет… напоминает, что понятие произвольности не равнозначно понятию «противоправности», однако должно истолковываться расширительно и включать элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащих процессуальных гарантий[4] (пункт 7.3 Соображений).

Признавая тот факт, что психическое здоровье того или иного лица может быть нарушено настолько, что, для того чтобы избежать причинения ущерба, нельзя избежать принятия судебного распоряжения о принудительной госпитализации[5], Комитет считает, что принудительная госпитализация должна применяться лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого необходимого периода времени, при этом должны обеспечиваться надлежащие процессуальные и материальные гарантии, установленные законом[6]. Процедуры должны обеспечивать уважение мнения личности, а также обеспечивать, чтобы любой представитель действительно представлял и защищал чаяния и интересы личности[7] (пункт 7.3 Соображений).

[Х]отя право на личную свободу не абсолютно[8], а задержание лица является столь серьезной мерой, что эта мера оправдана только тогда, когда другие, менее жесткие меры были рассмотрены и признаны недостаточными для защиты личных или общественных интересов, для чего может потребоваться содержание под стражей соответствующего лица (пункт 7.8 Соображений).

[С]огласно пункту 4 статьи 9 [Пакта], каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его

---

[3] См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год) по статье 19 (свобода и личная неприкосновенность), пункты 10 и 11.

[4] Там же, пункт 12. См. например, сообщение № 1875/2009, *М.Дж.К. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2015 г., пункт 11.5.

[5] См. *Фиялковска против Польши*, пункт 8.3.

[6] См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год), пункт 19. См. также *Фиялковска против Польши*, пункт 8.3.

[7] См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год), пункт 19. См. также CCPR/C/CZE/CO/2, пункт. 14; См. также Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 9 (2006 год) о правах детей-инвалидов, CRC/C/GC/9, пункт 48.

[8] См. Замечание общего порядка № 35 (2014 год) по статье 9, пункт 10.

задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно[9]. Это право распространяется на любое содержание под стражей на основании официального решения или с официальной санкции, включая содержание под стражей в связи с принудительной госпитализацией. Право на возбуждение разбирательства в принципе действует с момента задержания, и никакие значительные отсрочки предоставления задержанному возможности обратиться с первой жалобой на заключение под стражу не допускаются[10] (пункт 7.9 Соображений).

[Х]отя принудительная госпитализации может применяться в качестве крайней меры и в ряде случаев может быть оправдана, чтобы защитить жизнь и здоровье людей, незаконное и произвольное помещение в стационар может стать причиной психических и физических страданий и, таким образом, представлять собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание по смыслу статьи 7 Пакта… [П]рименение недобровольной госпитализации или принудительного лечения в целях наказания или запугивания противоречит статье 7 Пакта (пункт 7.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что они были задержаны и принудительно госпитализированы в течение девяти дней в нарушение национального законодательства и без решения суда, что не было незамедлительно проведено медицинского освидетельствования, по итогам которого затем могло бы быть принято решение о том, что их госпитализация является оправданной, и что им не был предоставлен защитник и не было разрешено связаться с родственниками… [П]осле подачи жалоб авторами Омбудсмен провел расследование и 25 апреля 2007 г. направил жалобы авторов в Самаркандский городской суд, заявив, что его расследование подтвердило факт незаконных действий в отношении авторов… Омбудсмен квалифицировал действия указанных трех должностных лиц как злоупотребление властными полномочиями и нарушение положений Закона о психиатрической помощи (пункт 7.5 Соображений).

Комитет … отмечает заявления авторов о том, что 14 октября 2006г. главврач Центра психического здоровья отдал приказ о создании экспертной комиссии врачей психиатров в целях оценки состояния психического здоровья авторов и что это решение было принято через четыре дня после принудительной госпитализации авторов. [С]огласно распоряжению главврача Центра психического здоровья … это

[9] Там же, пункт 39.
[10] Там же, пункты 40–42.

решение было принято в связи с тем, что с 2002 г. авторы постоянно жаловались в различные инстанции. Кроме того, 17 мая 2007 г. Самаркандский городской суд постановил, что супруги своими многочисленными жалобами «мешали работе» председателя махаллинского комитета Ш. и что последний был вынужден запросить проведение их психологического обследования, чтобы защитить интересы остальных жителей. Комитет … принимает к сведению ответ государства-участника о том, что авторы были доставлены в психиатрический центр для обследования состояния их психического здоровья; что по результатам медицинского обследования было сделано заключение о том, что второй автор получил черепно-мозговую травму в результате дорожно-транспортного происшествия, медленно теряет память и страдает посттравматической энцефалопатией; и что у первого автора были диагностированы болезнь Бехтерева и «пограничные психические отклонения на фоне соматического заболевания» (пункт 7.6 Соображений).

Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких убедительных объяснений или аргументов, подтверждающих, что… недобровольная госпитализация была необходима и служила цели защиты авторов от серьезного вреда или недопущения причинения вреда другим. Кроме того, государство-участник не отреагировало на заключение Омбудсмена, который подтвердил факт злоупотребления властными полномочиями и нарушения предусмотренной национальным законодательством процедуры, когда авторов задержали и принудительно поместили в стационар закрытого типа. …[Д]аже если бы диагноз государства-участника в отношении авторов был принят, наличие умственных или психических расстройств само по себе не может служить оправданием для лишения свободы, напротив, любое лишение свободы должно быть необходимым и соразмерным для целей защиты соответствующего лица от серьезного вреда и недопущения причинения вреда другим[11] (пункт 7.7 Соображений).

[И]нформация, представленная Сторонами, не содержит указаний на то, что авторы были не в состоянии ухаживать за собой или страдали от психического расстройства, которое могло бы привести к существенному вреду для их здоровья… Комитет считает, что особое беспокойство вызывает тот факт, что авторы были приняты в психиатрическую лечебницу, даже несмотря на то, что они не представляли никакой опасности ни для самих себя, ни для

---

[11] См. *Фиялковска против Польши*, пункт 8.3; и сообщение № 1629/2007, *Фардон против Австралии*, Соображения, принятые 18 марта 2010 г., пункт 7.3. См. также CCPR/ C/RUS/CO/6, пункт 19; и Конвенцию о правах инвалидов, статья 14, пункт 1 b).

окружающих, и что оба супруга были принудительно госпитализированы одновременно (пункт 7.8 Соображений).

[А]вторы были помещены в психиатрическую больницу без какого-либо судебного постановления и что им не была вручена копия решения, касающегося оснований для их принудительной госпитализации после задержания 10 октября 2006 г. Вследствие этого авторы были проинформированы о возможности подать апелляцию и фактически подали ее лишь после своего освобождения. По мнению Комитета, авторы сообщения были лишены права оспорить решение о лишении их свободы, поскольку государство-участник не вынесло решения о помещении их в психиатрическое учреждение перед их задержанием или в течение первоначального периода их содержания под стражей[12]. Поэтому с учетом обстоятельств данного дела Комитет приходит к выводу о нарушении пункта 4 статьи 9 [Пакта] (пункт 7.9 Соображений).

Комитет принимает к сведению представление государства-участника в данном деле и постановление Самаркандского городского суда о том, что помещение авторов в психиатрический стационар закрытого типа стало результатом их «неадекватного поведения», поскольку своими многочисленными жалобами они «мешали работе» председателя махали. …Комитет повторяет свой вывод о том, что помещение авторов в психиатрический стационар стало результатом произвольного и незаконного решения и не имело надлежащего медицинского обоснования… На основе имеющихся данных Комитет приходит к выводу о том, что решение о помещении авторов в психиатрический стационар, как представляется, было мотивировано стремлением наказать или унизить авторов за осуществление ими своего права на подачу жалоб и высказывание своих мнений в отношении работы г-на Ш. (пункт 7.11 Соображений).

Вследствие этого Комитет считает, что в данном случае недобровольное помещение авторов в стационар на девять дней за то, что они якобы мешали работе председателя квартального комитета своими многочисленными жалобами, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию по смыслу статьи 7 Пакта (пункт 7.12 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека полагает, что государство-участник нарушило положения пунктов 1 и 4 статьи 9 и статьи 7 [Пакта], рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 8 Соображений).[13]

---

[12] См. *Фиялковска против Польши*, пункт 8.4.

[13] В тексте Соображений были также предусмотрены меры индивидуального и общего характера, подлежащие принятию государством-ответчиком.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека (далее – также Европейский Суд, Суд) по жалобе **№ 66252/14 «Андрей Лавров против России»** (вынесено и вступило в силу 1 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не провели соответствующего медицинского обследования для того, чтобы ответить на три поставленных Европейским Судом вопроса, и, тем самым, нарушили указание Европейского Суда о применении обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, нарушив право заявителя на подачу индивидуальной жалобы.

Европейский Суд отметил, что согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – также Конвенция) «…Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от любого действия или бездействия, которые могут препятствовать осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, и данное положение неоднократно заявлялось как основополагающее в конвенционной системе» (п. 31 постановления).

Суд подчеркнул, что «…несоблюдение государством-ответчиком обеспечительной меры влечет за собой нарушение права на подачу индивидуальной жалобы» (п. 32 постановления).

Европейский Суд отметил, что «…цель проведения двух медицинских освидетельствований, результаты которых были изложены в указанных отчетах[14], заключалась в том, чтобы сравнить заболевание заявителя с исчерпывающим перечнем заболеваний, установленных Постановлением Правительства[15], и чтобы можно бы гарантировать его освобождение. Ни разу во время обследований врачи тюремной больницы не оценили состояние здоровья заявителя независимо от указанного перечня и не определили, требовало ли его заболевание, учитывая текущее проявление, характер и продолжительность болезни, перевода заявителя в специализированную больницу. Эксперты также не уделили внимания вопросу качества медицинской помощи, оказываемой заявителю во время его нахождения в исправительном учреждении, или оценке условий его содержания» (п. 38 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «…государство не выполнило обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в

[14] Медицинские отчеты, предоставленные Властями.

[15] Постановление Правительства Российской Федерации № 54 от 6 февраля 2004 года «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью».

соответствии с правилом 39 Регламента Суда, в нарушение обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции» (п. 40 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что во время отбывания наказания он был лишен возможности получать эффективную медицинскую помощь, что поставило его жизнь под угрозу и стало причиной сильных физических и моральных страданий в нарушение гарантий, предусмотренных статьей 3 Конвенции.

Суд отметил, что «…минимальная степень жестокого обращения подразумевает причинение реальных телесных повреждений или интенсивных физических и нравственных страданий. Тем не менее, даже при их отсутствии, в тех случаях, когда обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его или ее человеческому достоинству или его принижение, либо вызывает у человека чувство страха, тоски или неполноценности, способные сломить моральное и физическое сопротивление лица, оно может быть охарактеризовано как унижающее достоинство и подпадающее под запрет, предусмотренный статьей 3 Конвенции» (п. 51 постановления).

Европейский Суд подчеркнул: «…государство должно гарантировать, что лицо содержится под стражей в условиях, совместимых с его человеческим достоинством, и что метод и способы исполнения меры лишения свободы не подвергают лицо страданиям и тяготам такой степени, что они превышают неизбежную степень страданий, присущих содержанию под стражей, и что охрана здоровья и благополучия лица надлежащим образом обеспечивается» (п. 52 постановления).

Суд также отметил, что «…Власти должны обеспечить своевременность и правильность постановки диагноза и назначения лечения, а также, если это обусловлено характером заболевания, регулярный и систематический контроль, включающий комплексную терапию, направленную на адекватное лечение заболеваний заключенного или предотвращение осложнений» (п. 53 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…заявителю не была предоставлена жизненно необходимая с учетом его заболеваний медицинская помощь. Он не проходил курс лечения от рака, а предоставляемое ему медицинское наблюдение было недостаточным для поддержания его здоровья. Тщательная оценка его состояния не проводилась. Медперсонал тюремной больницы не предпринял никаких шагов, связанных с быстрым прогрессированием заболевания заявителя. Суд выражает свою обеспокоенность в связи с выводами суда первой инстанции, который, несмотря на явное доказательство обратного, включая справки, выданные лечащим тюремным врачом, пришел к заключению, что заявителю была предоставлена надлежащая медицинская помощь…[О]тсутствие полноценного и надлежащего медицинского лечения подвергло заявителя длительным психологическим и физическим страданиям и представляло

собой оскорбление его человеческого достоинства. Непредоставление Властями необходимой медицинской помощи заявителю, таким образом, представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в целях статьи 3 Конвенции» (пп.61-62 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе **№ 30575/08 «Ивко против России»** (вынесено 15 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение статьи 3 Конвенции.

Интересы заявителя были представлены его гражданской женой. Европейский Суд отметил, что «[в] рассматриваемом деле представленные доказательства однозначно свидетельствуют о наличии близких отношений между заявителем и [гражданской женой], которые могут быть приравнены к «семейным отношениям» (п. 69 постановления).

Суд установил, что «..заявитель заразился гепатитом С и лечился от туберкулеза задолго до своего задержания в октябре 2007 года. Это свидетельствует о том, что заявитель принадлежал к категории заключенных, которым необходима особая медицинская помощь для предотвращения повторного заболевания туберкулезом. В 2009 году у заявителя произошел рецидив туберкулеза…, а спустя несколько лет он умер от туберкулеза во время отбывания наказания. Все эти обстоятельства, в своей совокупности, свидетельствуют о наличии достаточно серьезных доказательств непредоставления ему надлежащей медицинской помощи. Тот факт, что в соответствующий период времени заявитель находился под контролем власти и, следовательно, был особенно уязвим, позволяет переложить бремя доказывания на власти государства-ответчика. И государство-ответчик должно было доказать, что власти приняли все необходимые меры для защиты здоровья и благополучия заявителя путем оказания ему надлежащей медицинской помощи» (п. 102 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «[во] время лишения свободы заявитель не получал полноценного, эффективного и понятного лечения имеющихся у него заболеваний, и с учетом непредоставления ему надлежащей медицинской помощи Суд приходит к выводу о причинении заявителю длительных нравственных и физических страданий, унижающих его человеческое достоинство. Непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции» (п. 111 постановления).

Заявитель также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении нарушения его прав на защиту от жесткого обращения с ним в соответствии со статьей 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «представленные заявителем документы…свидетельствуют о его обращении с жалобами в прокуратуру…, а также о рассмотрении его жалоб Управлением Федеральной службы исполнения наказаний…Соответственно, заявитель пытался привлечь внимание властей к состоянию своего здоровья. Этого факта самого по себе во многих случаях достаточно, чтобы Суд отклонил возражение властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты» (п. 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…предложенное властями средство правовой защиты не являлось эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их прекращения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами в соответствии со статьей 3 Конвенции…[Б]ыло допущено нарушение статьи 13 Конвенции» (п. 87-88 постановления).

В сфере социальных правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам[16]

Сообщение: *Мигель Анхел Лопес Родригес против Испании*. Сообщение № 1/2013.

---

[16] Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) действует с целью контроля за обеспечением выполнения государствами - участниками их обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт). Российская Федерации является участником указанного международного договора в качестве государства – продолжателя Союза ССР.

Комитет вправе принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Пакта на основании Факультативного протокола к Пакту от 10 декабря 2008 г. По состоянию на 1 сентября 2016 г. Российская Федерации не является участником этого Протокола.

Тема сообщения: доступ лица, лишенного свободы и находящегося в пенитенциарном центре, к не предусматривающему отчислений пособию по инвалидности.

Вопросы существа: осуществление предусмотренных Пактом прав без дискриминации; право на социальное обеспечение.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что право на социальное обеспечение имеет ключевое значение для гарантирования человеческого достоинства всех людей, когда они сталкиваются с обстоятельствами, лишающими их возможности в полной мере осуществлять свои права, предусмотренные Пактом. Это право играет важную роль в деле предотвращения социальной изоляции и содействия социальной интеграции. Право на социальное обеспечение включает в себя право на получение социальных пособий как в денежном, так и в натуральном выражении, без какой-либо дискриминации[17] (пункт 10.1 Соображения).

Пособия, будь то в денежном или в натуральном выражении, должны быть адекватными по размерам и продолжительности, с тем чтобы каждый мог осуществить свои права на защиту и поддержку семьи, на достаточный жизненный уровень и доступ к медицинским услугам. Кроме того, государства-участники должны полностью соблюдать содержащийся в преамбуле Пакта принцип недискриминации во избежание любого негативного воздействия на размеры пособий и форму, в которой они предоставляются[18] (пункт 10.2 Соображения).

[О]существление права на социальное обеспечение имеет значительные финансовые последствия для государств-участников, которые обязаны обеспечивать удовлетворение, по крайней мере, минимальных базовых уровней этого права, закрепленного в Пакте[19]. В частности, они должны обеспечивать доступ к системе социального обеспечения, которая гарантирует минимально допустимый уровень льгот всем лицам и семьям, позволяющий им пользоваться хотя бы основными медицинскими услугами, иметь элементарный кров и жилье, водоснабжение и санитарные условия, продукты питания и самое элементарное образование[20] (пункт 10.3 Соображения).

---

[17] См. Замечание общего порядка Комитета № 19 (2008 год) о праве на социальное обеспечение (статья 9 Пакта), пункты 1 и 3.

[18] Там же, пункт 22.

[19] Там же, пункт 41. См. также заявление Комитета по вопросу об оценке обязательства по принятию мер «в максимальных пределах имеющихся ресурсов» в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту (E/C.12/2007/1), пункт 4.

[20] См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), пункт 59. См. также заявление Комитета о минимальных уровнях социальной защиты как о важнейшей составляющей

Государства-участники обязаны также предоставлять право на социальное обеспечение в случаях, когда отдельные лица или группа лиц не в состоянии по причинам, обоснованно признанным независящими от их воли, осуществить это право самим в рамках действующей системы социального обеспечения с помощью средств, находящихся в их распоряжении. В этих целях государствам-участникам необходимо разрабатывать программы социального обеспечения, не требующие предварительных взносов, или принимать другие меры социальной помощи с целью оказания поддержки этим лицам и группам, не способным платить достаточные взносы для обеспечения своей собственной защиты[21] (пункт 10.4 Соображения).

Для инвалидов, которые, в силу своего состояния или факторов, связанных с инвалидностью, временно потеряли или столкнулись с сокращением своих доходов, которым было отказано в устройстве на работу или которые имеют пожизненную инвалидность, программы социального обеспечения и поддержания доходов имеют особое значение[22] и позволяют им иметь достаточный уровень жизни, жить самостоятельно и быть достойным образом вовлеченными в местное сообщество[23]. Оказываемая помощь, по мере возможности, должна также охватывать членов семьи или других лиц, участвующих в уходе за инвалидом[24] (пункт 10.5 Соображения).

Пакт запрещает любую дискриминацию, будь то на уровне закона или де-факто, прямую или косвенную, целью или следствием которой является уничтожение или подрыв равенства в пользовании правом на социальное обеспечение или осуществление этого права[25]. В соответствии с пунктом 1 статьи 2 Пакта государства-участники должны принимать в максимальных пределах имеющихся ресурсов эффективные меры и, если это необходимо, пересматривать их, с тем чтобы обеспечить полное осуществление права всех граждан на социальное обеспечение без какой-либо дискриминации[26] (пункт 10.5 Соображения).

Лишенные свободы лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, пользуются без какой-либо дискриминации

права на социальное обеспечение и целей в области устойчивого развития (E/C.12/2015/1), пункты 7 и 8.

[21] См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), пункт 50.

[22] См. Замечание общего порядка Комитета № 5 (1994 год) в отношении инвалидов, пункт 28.

[23] Там же, пункт 16. См. также Конвенцию о правах инвалидов, вступившую в силу для государства-участника 3 мая 2008 г., в частности статью 28.

[24] См. Замечания общего порядка № 5 (1994 год), пункт 28, и № 19 (2008 год), пункт 20.

[25] См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), пункт 29.

[26] Там же, пункт 4.

экономическими, социальными и культурными правами, предусмотренными Пактом, за исключением ограничений, связанных непосредственно с фактом лишения свободы[27]… [Х]отя каждый человек имеет право на социальное обеспечение, государствам-участникам следует уделять особое внимание тем лицам и группам, которые традиционно сталкиваются с трудностями в осуществлении этого права, например заключенным и лицам, содержащимся под стражей[28] (пункт 11.1 Соображения).

[П]раво на социальное обеспечение включает право не быть объектом произвольных и необоснованных ограничений на пользование существующей системой социального обеспечения, будь она государственной или частной, а также право на равное пользование адекватной защитой в случае социальных рисков и чрезвычайных ситуаций[29]. Условия, дающие право на получение льгот, должны быть разумными, соразмерными и транспарентными. Отмена, сокращение размера или приостановление выплаты пособий должны носить ограниченный характер, осуществляться на разумных основаниях и предусматриваться национальным законодательством[30] (пункт 11.2 Соображения).

[В]ыплата не предусматривающего отчислений пособия не может, как правило, быть отменена, сокращена или приостановлена в результате лишения свободы бенефициара, за исключением случаев, когда такая мера предусматривается законодательством, является разумной и пропорциональной и когда гарантируется по крайней мере минимально допустимый уровень льгот… Разумность и пропорциональность такой меры должны определяться в соответствии с обстоятельствами каждого дела с учетом личного положения бенефициара. Таким образом, в случае лиц, лишенных свободы, сокращение размера не предусматривающего отчислений пособия может быть совместимо с Пактом, если оно предусмотрено законодательством, а лишенным свободы лицам гарантируется такой же уровень помощи за счет услуг, предоставляемых в пенитенциарных учреждениях (пункт 11.3 Соображения).

[С]окращение размера не предусматривающего отчислений пособия согласуется с обязательствами по Пакту при условии, что такая мера предусмотрена законодательством и является пропорциональной (см. пункты 11.2 и 11.3 выше) (пункт 13.2 Соображения).

---

[27] См. также Основные принципы обращения с заключенными (резолюция 45/111 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г., приложение), принцип 5.

[28] См. Замечание общего порядка № 19 (2008 год), пункт 31.

[29] Там же, пункт 9.

[30] Там же, пункт 24.

[Р]ешение о замене выплаты пособия наличными средствами на другой вид помощи не может быть оставлено всецело на усмотрение государства-участника. В некоторых обстоятельствах сама по себе такая замена или то, насколько сокращается размер льготы, могут представлять собой нарушение права на социальное обеспечение, если они оказывают несоразмерное воздействие на личность. Совместимость этой меры с обязательствами по Пакту должна оцениваться отдельно в каждом конкретном случае (пункт 13.4 Соображения).

[Н]е всякое различие в обращении является дискриминацией при условии, что критерии такого различия являются разумными и объективными, а его задача состоит в том, чтобы достичь цели, совместимой с Пактом[31] (пункт 14.1 Соображения).

Комитет напоминает, что его работа по рассмотрению сообщения ограничивается анализом того, представляют ли собой факты, описанные в сообщении, нарушение государством-участником экономических, социальных и культурных прав, закрепленных в Пакте. Комитет считает, что в каждом конкретном случае ответственность за оценку фактов и доказательств, а также за применение соответствующего законодательства, лежит прежде всего на судах государств-участников, а Комитет лишь высказывает свое мнение относительно того, носят ли оценка соответствующих доказательств или применение внутреннего права явно произвольный характер или равносильны отказу в правосудии, что предполагает нарушение признанного в Пакте права[32] (пункт 12 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению аргументы государства-участника относительно того, что поскольку речь идет о пособии, не предусматривающем отчислений и выплачиваемом за счет государства, то в случае одновременного получения другого вида выплачиваемого из государственной казны пособия сумма одного из них вычитается из суммы другого; и что сокращение размера пособия автора было осуществлено в соответствии с законодательством (пункт 13.1 Соображения).

Что касается дела автора, то в соответствии со статьей 144 и следующими за ней статьями Общего закона о социальном обеспечении (далее – ОЗСО) сокращение размера его не требующего отчислений пособия по инвалидности объясняется тем, что часть его

---

[31] См. Замечание общего порядка Комитета № 20 (2009 год) о недискриминации и экономических, социальных и культурных правах (пункт 2 статьи 2 Пакта), пункт 13.

[32] См. сообщение № 2/2014, *И.Д.Г. против Испании*, Соображения, принятые 17 июня 2015 г., пункт 13.1.

основных потребностей, а именно в жилье и питании, на удовлетворение которых и было направлено пособие, напрямую и безвозмездно удовлетворялись пенитенциарным учреждением, уполномоченным на то вышеупомянутыми статьями согласно толкованию Верховного суда Испании. Таким образом, это сокращение было осуществлено законным образом (пункт 13.2 Соображения).

Кроме того, оно является разумной мерой для достижения цели, совместимой с Пактом, а именно для защиты государственных ресурсов, необходимых для осуществления прав личности. В конкретном случае с не предусматривающими отчислений пособиями, которые выплачиваются исключительно из государственного бюджета и не зависят от предварительных взносов бенефициара, государства-участники обладают определенной свободой при распределении бюджетных ресурсов наиболее приемлемым образом, с тем чтобы гарантировать полную эффективность при осуществлении прав, предусмотренных Пактом, и обеспечить, в числе прочего, всем лицам и семьям минимально допустимый уровень льгот в рамках системы социального обеспечения… Таким образом, Комитет считает разумным сокращение размера не предусматривающего отчислений пособия в целях наиболее эффективного распределения государственных ресурсов в том случае, если произошли изменения в потребностях бенефициара, которые послужили основой для предоставления ему пособия. В данном случае потребности автора изменились в связи с тем, что его содержание оплачивалось пенитенциарным учреждением из государственного бюджета (пункт 13.3 Соображения).

Комитет отмечает, что после того, как эта мера была принята, автор продолжил получать не предусматривающее отчислений пособие в размере 147,71 евро, а также содержание в пенитенциарном учреждении, где он отбывает наказание. Государство-участник, таким образом, заменило выплату наличных средств автору, которая производилась, когда он находился на свободе, на помощь в натуральном выражении в виде оплаты его содержания во время лишения свободы… Комитет полагает, что нет никаких доказательств того, что замена части не предусматривающего отчислений пособия по инвалидности с выплаты наличными на оплату содержания в пенитенциарном учреждении имела какие-либо серьезные негативные последствия для автора. В сущности, автор не представил никакой информации или документов, свидетельствующих о том, что оспариваемая мера являлась несоразмерной, так как послужила препятствием для удовлетворения основных потребностей его или его семьи, которые не предусматривающее отчислений пособие было призвано покрыть…; или о том, что принятие этой меры оказывает на

него особое воздействие в связи с его инвалидностью… Комитет считает, что утверждение автора и представленная им информация не позволяют сделать вывод о том, что сокращение размера его не предусматривающего отчислений пособия само по себе является нарушением статьи 9 Пакта (пункт 13.4 Соображения).

Комитет принимает к сведению тот факт, что автор является инвалидом и содержится под стражей, из-за чего он подвергается более серьезному риску дискриминации, чем остальное население в целом... Это означает, что рассмотрение вопроса о возможной дискриминации в его отношении должно быть проведено с особой тщательностью (пункт 14.1 Соображения).

Комитет приходит к выводу, что предложенное автором сравнение[33] представляется уместным, так как в рамках рассматриваемого дела эти лица находятся примерно в таком же положении, что и автор. Следует признать, что судебные постановления и документы, представленные автором, по всей видимости, свидетельствуют о том, что в определенный момент были вынесены судебные решения, противоречащие толкованию и осуществлению статьи 144 и следующих за ней статей ОЗСО о критерии подсчета размера не предусматривающих отчислений пособий в отношении лиц, лишенных свободы. Автор, однако, не доказал, например, сославшись на правовые нормы или их применение, что с ним действительно обращались иначе, чем с лицами, лишенными свободы и получающими не предусматривающие отчислений пособия в других автономных сообществах, при подсчете размера его пособия. Кроме того, в соответствии с постановлением Верховного суда от 29 сентября 2010 г. было выработано единое толкование закона в этой связи согласно его решениям от 20 декабря 2000 г. и 15 июля 2008 г., разрешившим сокращение размера пособий на сумму, эквивалентную стоимости содержания отдельных лиц. Автор не смог подтвердить, что после принятия этих решений Верховным судом в разных автономных сообществах действительно имели место различия в обращении. В этой связи Комитет не считает необходимым рассматривать вопрос о том, являются ли в данном случае предполагаемые различия в обращении в разных автономных сообществах нарушением Пакта или нет… Комитет приходит к выводу, что нет никаких доказательств того, что постановление Консультативной комиссии о сокращении размера пособия автора представляет собой неравное обращение по сравнению с другими лицами, лишенными свободы и содержащимися в пенитенциарных

[33] Автор утверждал, что с ним обращались иначе, чем с другими заключенными, размер не предусматривающих отчислений пособий которых сокращен не был.

учреждениях, расположенных в других автономных сообществах (пункт 14.2 Соображения).

Комитет далее рассмотрит утверждения автора о том, что с ним обращались иначе, чем с другими лишенными свободы лицами, которые не получают не предусматривающих отчислений пособий и содержатся в пенитенциарных учреждениях бесплатно. По мнению Комитета, дискриминация имела бы место, если бы автору пришлось платить за свое содержание, в то время как другие заключенные не обязаны были это делать (пункт 14.3 Соображения).

Комитет считает, что в этой связи автор опирается на ложное предположение, которое приводит его к неправильным сравнениям. Автор полагает, что не предусматривающая отчислений финансовая помощь является его доходом и частью его собственного капитала, в связи с чем сокращение размера пособия для покрытия расходов, связанных с его содержанием, автор расценивает как «оплату» этого содержания. Это не так, поскольку его денежное пособие не предусматривает отчислений и обладает характеристиками…, в связи с чем оно не может расцениваться как доход автора, являющийся частью его сбережений, как в случае с пособиями, начисляемыми на основе взносов. Оно же было предоставлено ему как лицу, которое не может удовлетворить свои потребности за счет других доходов и денежных поступлений. Поэтому размер пособия автора может быть сокращен до минимума, необходимого ему для удовлетворения этих самых потребностей. Таким образом, утверждение о том, что автор вынужден оплачивать свое содержание в пенитенциарном учреждении в то время, как остальные заключенные за него не платят, является неверным, так как в его случае сумма, эквивалентная стоимости его содержания под стражей принимается к сведению в качестве денежного поступления или дохода при подсчете размера его не предусматривающего отчислений пособия. Положение автора отличается от положения других заключенных, не получающих не предусматривающих отчислений пособий (пункт 14.4 Соображения).

Комитет рассмотрит утверждение автора относительно того, что обращение с ним было дискриминационным по сравнению с другими лицами, находящимися на свободе и содержащимися в финансируемых за счет государства учреждениях, где они получают бесплатное питание и, в некоторых случаях, бесплатно проживают. Речь идет, например, о больницах, приютах и наркологических центрах. При этом не предусматривающие отчислений пособия таких лиц по линии социального обеспечения не подвергаются сокращению. Комитет считает, что автор не представил соответствующую информацию и документы, указывающие на то, что подобное различие в обращении имеет место на практике; и что, даже если ситуации, о которых говорит автор, реальны, он лично

дискриминационному обращению не подвергался (пункт 14.5 Соображения).

Действительно, имеется определенное сходство между положением автора и лиц, получающих не предусматривающие отчислений пособия и питание и бесплатно размещаемых в государственных учреждениях, например в больницах. В обоих случаях речь идет о лицах, получающих не подразумевающие отчислений денежные пособия наряду с другим видом государственной помощи в натуральной форме, из чего можно сделать вывод, что в обеих ситуациях государству следует обращаться с ними одинаково, а именно – сохранять неизменным размер денежного пособия для обеих категорий лиц или пропорционально сокращать их. Комитет, однако, считает, что несмотря на эти сходства, между двумя описанными ситуациями имеются существенные различия, которые объясняют возможную разницу в обращении со стороны государства, не представляющую собой акт дискриминации. Комитет полагает, что положение лица, лишенного свободы вследствие уголовного приговора, отличается от положения других лиц, упоминаемых автором (например, больных, находящихся на лечении в больницах или лиц, получающих питание в приютах) по меньшей мере в двух аспектах (пункт 14.6 Соображения).

Во-первых, лицо приговаривается к лишению свободы для того, чтобы отбыть наказание, назначенное ему судебным органом на определенное время, как правило на несколько месяцев или лет. Это лицо, таким образом, имеет определенный правовой статус. Кроме того, достаточно легко подсчитать стоимость его содержания и установить, покрываются ли в достаточной степени его потребности, или некоторые из них, на удовлетворение которых было изначально направлено не предусматривающее отчислений пособие, предлагаемой пенитенциарным учреждением суммой содержания или нет, а также рассчитать, на какое время ее хватит. Положение же лиц, находящихся на свободе и пользующихся услугами упомянутых автором государственных учреждений, например больниц или центров по уходу, значительно отличается от положения лица, лишенного свободы за совершение преступления, так как первые прибегают к этим услугам добровольно и дают согласие оставаться в названных выше учреждениях для удовлетворения своих основных прав на неопределенный период времени, который, тем не менее, является обычно непродолжительным. В таких случаях куда сложнее обеспечить, чтобы сокращение размера пособия не повлияло на удовлетворение потребностей, на которые оно изначально было направлено. Кроме того, в связи с неопределенным и временным характером предоставляемых услуг весьма вероятно, что такое сокращение произойдет уже после того, как лицо покинет больницу или центр по уходу, услугами которых оно пользовалось (пункт 14.7 Соображения).

Во-вторых, несмотря на то, что лица, находящиеся в таких учреждениях, получают содержание и питание, это рассматривается не как дополнительная или отдельная услуга, а как составная и неотъемлемая часть предоставляемой государством помощи по решению проблемы уязвимости таких лиц, как правило, носящей временный характер, которая необходима для того, чтобы гарантировать защиту их основных прав, как, например, право на здоровье или на питание (пункт 14.8 Соображения).

Комитет считает, что между положением автора и положением лиц, находящихся на свободе, с которыми автор себя сравнивает, существует определенное сходство. Тем не менее в связи со значительными различиями, отмеченными в предыдущих пунктах, государство-участник не обязано одинаково обращаться с получающими не предусматривающие отчислений пособия лицами, лишенными свободы, и получающими такие же пособия лицами, находящимися на свободе и прибегающими к услугам больниц, центров по уходу или приютов (пункт 14.9 Соображения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что сокращение размера не предусматривающего отчислений пособия автора по инвалидности не представляет собой нарушения его прав по статьям 2 и 9 Пакта (пункт 15 Соображения).

В сфере семейных правоотношений

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин[34]

Сообщение: *М.В. против Дании*. Сообщение № 46/2012. Мнения принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) 22 февраля 2016 г.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что он не подменяет собой государственные органы власти при рассмотрении фактов и доказательств, если только такое рассмотрение не было явно произвольным или равносильным отказу в правосудии[35] (пункт 5.3 Мнений).

---

[34] Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

[35] См., например, сообщения № 37/2012, Т.Н. против Дании, решение о

[В] соответствии с пунктами 6 и 9 его [О]бщей рекомендации № 19 (1992) о насилии в отношении женщин определение дискриминации в статье 1 Конвенции включает понятие насилия, обусловленного половой принадлежностью, и, кроме того, государства могут также быть ответственны за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушений прав или же расследования и наказания актов насилия[36] (пункт 5.4 Мнений).

Комитет напоминает об обязательстве государств-участников не проявлять дискриминацию в отношении женщин посредством действий или бездействия, а также об их обязательстве активно реагировать на проявления дискриминации в отношении женщин независимо от того, совершаются ли такие действия или бездействие государством или частными лицами. Подобным же образом государства-участники обязаны обеспечивать защиту женщин от дискриминации со стороны судебной системы и государственных органов… Комитет… напоминает, что дискриминация в отношении женщин по признаку половой принадлежности и гендерной идентичности неразрывно связана с другими факторами, влияющими на женщин, такими как национальность, и что государства-участники обязаны юридически признать все взаимосвязанные формы дискриминации и их общее негативное воздействие на пострадавших женщин и наложить на них запрет (пункт 5.8 Мнений).

[С]огласно пункту «a» статьи 5 [Конвенции] государства-участники обязаны изменять социальные и культурные шаблоны поведения мужчин и женщин, с тем чтобы в числе прочего добиться устранения предрассудков и действий, основанных на идеях неполноценности или превосходства на основании половой принадлежности или стереотипных ролей мужчин и женщин. Согласно подпункту d пункта 1 статьи 16 [Конвенции] государства-участники обязаны принимать все надлежащие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин во всем, что касается семейных взаимоотношений, и гарантировать мужчинам и женщинам одинаковые родительские права и обязанности в том, что касается их детей, учитывая, что во всех случаях первостепенное значение имеют интересы детей (пункт 5.9 Мнений).

неприемлемости от 3 ноября 2014 г., пункт 12.7, и № 34/2011, Р.П.Б. против Филиппин, Мнения, принятые 21 февраля 2014 г., пункт 7.5.

[36] См. также сообщение № 6/2005, Венский центр защиты от бытового насилия и Ассоциация за предоставление женщинам доступа к средствам правовой защиты от имени *Бану Акбак, Гюлен Хан и Мелиссы Езде*, Мнения, принятые 6 августа 2007 г., пункт 12.1.1.

Комитет полагает, что слово «первостепенный»[37], упоминаемое в Конвенции, означает, что наилучшие интересы ребенка не могут рассматриваться на равных основаниях с другими соображениями. Комитет также полагает, что, для того чтобы продемонстрировать соблюдение права ребенка на оценку и придание основного/первостепенного значения его наилучшим интересам, любое решение, касающееся ребенка, должно быть взвешено, обосновано и разъяснено (пункт 5.13 Мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что жалобы автора в соответствии со статьей 1 и пунктом d статьи 2 Конвенции основаны на заявленных актах насилия, обусловленного половой принадлежностью, совершенных С. по отношению к ней и ее сыну, предвзятых судебных разбирательствах, проводимых датскими органами власти и судами, дискриминации в отношении автора по половой принадлежности и иностранному гражданству, а также на непринятии государством-участником надлежащих и безотлагательных мер по защите ее самой и ее сына О.В. и по прекращению заявленной дискриминации по отношению к ним (пункт 5.2 Мнений).

Комитет отмечает подробные жалобы автора на то, что в ходе совместного проживания с С., после их разлучения и даже после ее переезда в Австрию она подвергалась вербальному и физическому насилию, притеснению и преследованию со стороны С., а О.В. был жестоко похищен в Австрии… Комитет обращает внимание на заявление автора о том, что правоохранительные органы не только не были способны защитить ее от угроз, преследований, притеснений и физического насилия со стороны С., но и проявили дискриминацию по отношению к ней как иностранке; например, когда она сообщила о вторжении С. к ней в дом 6 сентября 2010 г. полиции, полиция проигнорировала ее версию событий, арестовав ее и неправомерно заключив под стражу без надлежащего разбирательства за якобы незаконный вывоз О.В. из страны, хотя она имела право единоличной опеки, и когда полиция отказалась провести расследование по ее заявлению о посягательстве С. на ее собственность и угрозах с его

[37] В силу статьи 5 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. «[г]осударства-участники принимают все соответствующие меры с целью: a) изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин; b) обеспечить, чтобы семейное воспитание включало в себя правильное понимание материнства как социальной функции и признание общей ответственности мужчин и женщин за воспитание и развитие своих детей при условии, что во всех случаях интересы детей являются *преобладающими*».

стороны в ее доме. Комитет также принимает к сведению подробную информацию, представленную автором о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении, с которым она столкнулась при задержании 6 сентября 2010 г., например принудительное обнажение и полный досмотр тела, выполненный надзирательницей тюрьмы, а также отказ в праве на консультацию со своим адвокатом. Комитет… надлежащим образом рассмотрел действия датских органов власти, такие как принятие полицией Северной Зеландии только версии С. и предъявление автору обвинений согласно разделу 215 Уголовного кодекса, требование прокурора о ее задержании 7 сентября 2010 г. в ходе слушания в Окружном суде Хельсингера, а также тот факт, что, хотя Окружной суд не нашел оснований для ее задержания и она была освобождена, позднее полиция Северной Зеландии трижды требовала заочного (in absentia) задержания автора в целях выдачи европейского ордера на арест (пункт 5.5 Мнений).

Учитывая насильственное похищение О.В. в Австрии, пристрастность датских органов власти, включая их судебную систему, и отсутствие эффективной реакции на похищение О.В., Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что датские органы власти полностью игнорируют международный ордер на арест С., выданный австрийскими органами власти, согласно которому он обвиняется в тяжком нападении и похищении О.В., на ее требования по предоставлению ей доступа к ребенку и по обеспечению безопасности О.В. после его похищения и на то, что в ходе дела они причинили вред ранее абсолютно здоровому и хорошо развитому ребенку, чтобы скрыть тот факт, что они нарушили международные нормы и датское законодательство, лишив ее права опеки над ребенком и предоставив это право С. в 2010 г… Комитет принимает к сведению, что, хотя 16 апреля 2012 г. Национальный социальный апелляционный совет действительно потребовал от суда первой инстанции Хельсингера рассмотреть запрос автора о передаче ей О.В. в Австрии, последний 21 сентября 2012 г. издал постановление, в котором запрос автора о передаче ей О.В. был отклонен, указанное постановление было оставлено в силе при рассмотрении апелляции в Высоком суде Восточной Дании, а последующие заявления автора в адрес Совета по проверке апелляций об обжаловании принятого решения Верховным судом систематически отклонялись (пункт 5.6 Мнений).

Комитет отмечает утверждения государства-участника о том, что жалобы автора в отношении жестокого поведения С. по отношению к ней необоснованны, поскольку она не предоставила доказательств или документов, подтверждающих ее заявление о том, что С. жестоко обращался с ней, угрожал ей, запугивал и преследовал ее и О.В. Комитет отмечает, что автору было сложно представить такие

документы, находясь в Австрии, особенно после того как все ее запросы на получение документов от датских органов власти были проигнорированы и/или отклонены. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не представило подробную информацию и документы о действиях и бездействии полиции, в частности незаконного ареста и взятия автора под стражу с 6 по 7 сентября 2010 г., а также неспособности правоохранительных органов предпринять действия против посягательства С. на ее собственность и его угрожающего поведения. Комитет полагает, что при сложившихся обстоятельствах датские органы власти, особенно полиция, прокурор и суды, не только оказались неспособными обеспечить эффективную защиту автора и О.В., законное право на опеку которого имелось у автора, но и совершили ряд противоправных деяний, а именно: передача (пусть даже временно) права опеки над О.В. от автора к С. в результате судопроизводства при наличии одной стороны, в ходе которого районная государственная администрация опиралась только на версию событий, представленную С.; передача С. прав на опеку Окружным судом Хельсингера 22 декабря 2010 г. опять-таки на основании заявления С., которое содержало такие ложные факты, как утверждение, что С. брал на себя основную часть обязанностей по уходу за О.В., а также очевидная неспособность со стороны обоих органов власти принять во внимание наилучшие интересы О.В.; незаконный арест и взятие автора под стражу в сентябре 2010 г. и привлечение ее к ответственности согласно разделу 215 (2) Уголовного кодекса Дании, а также снятие с нее обвинений два г. спустя 20 декабря 2012 г., в результате чего она не могла присутствовать на разбирательствах об опеке, опасаясь задержания, и, таким образом, не имела возможности доступа к правосудию. Что касается похищения О.В. со стороны С. в Австрии, Комитет также принимает к сведению отсутствие сотрудничества с австрийским Центральным управлением со стороны государства-участника, а также его отказ выдать С. австрийским органам власти в соответствии с международным ордером на арест, выданным 3 апреля 2012 г. Комитет напоминает, что в соответствии с Гаагской конвенцией центральные управления обязаны сотрудничать друг с другом и обеспечивать скорейшее возвращение неправомерно вывезенных детей, а также гарантировать эффективное соблюдение прав на опекунство и доступ согласно законодательству одного договаривающегося государства на территории другого договаривающегося государства. Комитет также выражает обеспокоенность недостаточным обоснованием, представленным Министерством юстиции, выступающим в качестве датского Центрального управления, в отношении его отказа выдать С. Австрии после выдачи австрийскими органами власти ордера на арест

3 апреля 2012 г. в связи с похищением О.В. со стороны С. на том основании, что, во-первых, поскольку О.В. находился под опекой С. в Дании, правонарушение, в связи с которым был выдан ордер на арест, было частично совершено в Дании, а, во-вторых, в Дании соответствующее деяние не считается уголовным правонарушением, потому что согласно датскому законодательству С. имеет право опеки над О.В. (пункт 5.7 Мнений).

В такой ситуации на основании вышеизложенной информации Комитет делает вывод, что государство-участник не проявило должной заботы для предотвращения, расследования и наказания актов насилия, а также для защиты автора и О.В. до и после похищения (пункт 5.8 Мнений).

Комитет… принимает к сведению жалобы автора в соответствии с пунктами a и b статьи 5 и подпунктом d пункта 1 статьи 16 [Конвенции] о том, что государство-участник не учло наилучшие интересы О.В. при передаче С. права опеки и проявило дискриминацию в отношении автора как иностранной матери в ходе разбирательств в отношении прав опеки и посещения (пункт 5.9 Мнений).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что, лишив ее права опекунства над О.В. и передав это право С., датские органы власти, действующие посредством районной государственной администрации и Окружного суда Хельсингера, не уделили первостепенное значение наилучшим интересам О.В. и не приняли во внимание законные права автора как полноправного опекуна, таким образом проявив дискриминацию в отношении нее как женщины и иностранной матери. В частности, Комитет отмечает жалобы автора на противоправные деяния со стороны датских органов власти, которые не рассмотрели надлежащим образом следующие факты: О.В. имеет только австрийское гражданство, С. даже не признал О.В. после его рождения; несмотря на признание С. ребенка 22 мая 2007 г., это не повлекло за собой смену гражданства О.В.; автор, будучи незамужней матерью, имеет право единоличной опеки над О.В. в соответствии как с датским, так и с австрийским законодательством; автор и С. никогда не достигали каких-либо соглашений в отношении права С. на посещение; автор и О.В. никогда не подавали заявление на получение датского гражданства. Комитет также принимает к сведению заявление автора о том, что, хотя С. и отозвал свое заявление в адрес районной государственной администрации об оформлении совместной опеки 19 июля 2010 г., а 22 июля 2010 г. подал новое заявление о предоставлении ему права единоличной опеки, датские органы власти не приняли во внимание тот факт, что государственная администрация не обладала юрисдикцией в отношении австрийского ребенка,

рожденного австрийской матерью, которая имеет право единоличной опеки над ним. Что еще более важно, Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что районная государственная администрация и Окружной суд Хельсингера не учли наилучшие интересы О.В. и опирались только на необъективную версию событий, представленную С., а также о том, что решение Окружного суда Хельсингера основывалось на принципе контакта ребенка с обоими родителями, но было откровенно предвзятым по отношению к автору как к иностранке настолько, что, поскольку она не встречалась и не беседовала с младшим помощником судьи, проводившим разбирательство дела, последний обвинил ее в том, что она думает только о себе и не способна сопереживать, и в результате даже не предоставил ей права видеться с О.В. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что с 1 октября 2014 г. районная государственная администрация лишила ее всех материнских прав, руководствуясь заявлением С. согласно разделу 23 Закона Дании о родительских обязанностях (пункт 5.10 Мнений).

Комитет принимает к сведению информацию, предоставленную государством-участником о соблюдении им Закона о родительских обязанностях, его международных обязательств, в том числе обязательств, изложенных в Конвенции и Конвенции о правах ребенка, а также его утверждение о том, что в данном деле районная государственная администрация постановила, что в ходе судебного разбирательства в наилучших интересах О.В. следует не менять его статус-кво, чтобы он оставался в своей привычной среде и ходил в школу в Дании (пункт 5.11 Мнений).

Комитет обращает внимание на копию решения, представленную государством-участником, в котором районная государственная администрация отметила, что не производила оценки на тот счет, что отвечало бы наилучшим интересам О.В. в долгосрочной перспективе. Принимая во внимание Закон о родительских обязанностях, Комитет отмечает, что, наряду с тем что все решения основаны на первоочередном принципе соблюдения наилучших интересов ребенка, датское законодательство также основывается на том принципе, что ребенок должен общаться с обоими родителями, и это соображение имело большой вес в решении, вынесенном Окружным судом Хельсингера, который заключил, что, поскольку действия автора привели к тому, что О.В. более четырех месяцев не мог видеться с отцом, в наилучших интересах О.В. будет предоставить полное опекунство С. с целью обеспечить постоянный контакт О.В. с обоими родителями. Комитет полагает, что в обоих решениях суды не уделили первостепенное значение наилучшим интересам О.В. и не смогли найти взвешенный подход, что привело к дискриминирующему

обращению с автором. Комитет отмечает, что Окружной суд Хельсингера в своем решении ссылается на необходимость постоянного контакта с обоими родителями, хотя отдает себе полный отчет в том, что автор проживает в Австрии, но при этом он даже не предоставил ей прав на посещение. Комитет напоминает об осуществлении временных мер 9 июля 2013 г. и 4 апреля 2014 г., в рамках которых он просил государство-участник предоставить автору разумный доступ к О.В. в Дании и обеспечить, чтобы все соответствующие органы власти облегчали реализацию такого доступа, и с беспокойством отмечает, что государство-участник не выполнило эту просьбу, якобы на том основании, что автор должна была подать заявление о праве на посещение в районную государственную администрацию, которая, согласно датскому законодательству, является единственным органом, имеющим право принимать решения в отношении доступа, из чего вытекает, что автор не имела контактов со своим ребенком с 13 февраля 2013 г. Комитет также обеспокоен тем, что с 1 октября 2014 г. положение автора еще больше ухудшилось в связи с решением районной государственной администрации, действовавшей на основании очередного заявления С., согласно которому автор больше не имела права получать информацию о своем сыне О.В., несмотря на то что согласно разделу 23 Закона о родительских обязанностях родитель, не принимающий участия в совместной опеке, имеет право требовать и получать информацию о ребенке из школ, детских садов и яслей, учреждений социального сектора и сектора здравоохранения, частных больниц, врачей общей практики и дантистов (пункт 5.12 Мнений).

Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что в ходе разбирательств, касающихся прав опеки, автор имела полную возможность представить свою версию событий, но не смогла этого сделать, а также о том, что автор не подверглась бы аресту, если бы явилась на судебные слушания в Дании, поскольку государственный прокурор прекратил требовать задержания автора после того, как Восточный Высокий суд вынес постановление от 23 декабря 2011 г.… Комитет принимает к сведению обстоятельства, при которых в сентябре 2010 г. автор была без достаточных оснований арестована и заключена под стражу, а также бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, с которым она столкнулась при задержании, и полагает, что у автора были все основания не возвращаться в Данию на разбирательства, касающиеся прав опеки, поскольку она потеряла веру в беспристрастность и справедливость органов государства-участника. Комитет напоминает о письме от 18 апреля 2011 г., направленном в австрийское Центральное управление Департаментом по делам семьи при Министерстве юсти-

ции (датским Центральным управлением), подтверждающем, что ожидается уголовное разбирательство против автора, что похищение ребенка является уголовным правонарушением, максимальный срок наказания за которое составляет 4 года лишения свободы, что автор рискует быть арестованной, если приедет в Данию, и что в ближайшее время на автора может быть выдан европейский ордер на арест. Комитет также принял во внимание неоспоримое утверждение автора о том, что по отношению к ней применялась тактика запугивания, в частности в форме нескольких телефонных звонков в австрийский Департамент по делам семьи, сделанных социальным работником из датского Центрального управления/Департамента по делам семьи с угрозами в адрес автора и требованием отозвать ее запрос о возвращении О.В. в Австрию. Комитет полагает, что все эти обстоятельства в совокупности не только объясняют нежелание автора возвращаться в Данию на разбирательства, но и являются препятствием к доступу автора к правосудию (пункт 5.14 Мнений).

Кроме того, Комитет глубоко обеспокоен систематическими отклонениями заявления автора в Совет по проверке апелляций, что также представляет собой препятствие к доступу автора к правосудию. Применяя «правило всеобщей общественной важности», органы власти государства-участника должны были уделить надлежащее внимание характеру дела, в частности вопросу опеки над несовершеннолетним малолетним ребенком, международным масштабам дела и противоположным решениям, вынесенным двумя разными системами правосудия, а также серьезным и всеобъемлющим последствиям данного вопроса; должны были полностью изучить все аспекты дела при подаче апелляции, которые выходят за рамки судебных интересов автора, О.В. и С., принимая во внимание многократные утверждения автора о том, что она подвергалась дискриминации по половому признаку и иностранному гражданству, и тот факт, что в подобной ситуации находится множество иностранных граждан и существует множество жалоб, касающихся иностранных родителей, оказавшихся в такой же ситуации, что и автор (пункт 5.15 Мнений).

Выводы Комитета: Комитет приходит к заключению, что датские органы власти не проявили к автору равноправного отношения в деле, касающемся ее сына. В свете вышеизложенного Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора и О.В. в соответствии с пунктом d статьи 2, пунктами a и b статьи 5 и подпунктом d пункта 1 статьи 16 Конвенции (пункт 5.16 Мнений)[38].

[38] В тексте Мнений были также предусмотрены меры индивидуального и общего характера, подлежащие принятию государством-ответчиком.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

В ряде постановлений Европейского Суда (**№ 18451/04 «Долбин против России», № 23304/05 «Коновалова против России», №№ 34248/05, 46745/06 и 28424/07 «Шапкин и другие против России», № 2982/05, 5991/05, 9546/05 и 24130/06 «Шурыгина и другие против России», №№ 47032/06, 6415/07, 39249/08 и 39251/08 «Кулюк и другие против России», №№ 22419/05, 26493/06 и 41910/06 «Климова и другие против России», №№ 36299/03, 14222/04, 15030/04, 36581/04, 1407/05, 2071/05 и 24618/05 «Коваленко и другие против России»**) было установлено нарушение ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с несоблюдением принципа правовой определенности ввиду отмены в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам вынесенных в пользу заявителей и вступивших в законную силу судебных постановлений о перерасчете выплат в возмещение вреда здоровью в связи с ликвидацией последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, о перерасчете пенсии, установлении процента утраты трудоспособности и возмещении вреда в связи с реабилитацией, о взыскании стоимости автомобилей по целевым расчетным чекам, а также о перерасчете трудовых пенсий.

Суд установил, что «…решения российских судов были отменены в порядке надзора исключительно на основании неправильного применения положений материального права нижестоящими судами…[Н]есогласие одной из сторон с оценкой, сделанной судами первой и апелляционной инстанций, в отсутствие грубых нарушений судебного производства не является существенным и веским основанием для отмены вступившего в силу и обязательного для исполнения судебного решения, а также для возобновления разбирательства по иску заявителей (п. 16 постановления *Коваленко против России*).

Европейский Суд также подчеркнул, что «…ни отмена вступивших в силу и подлежащих исполнению решений национальных судов, ни предполагаемое непредоставление заявителем исполнительных документов в соответствующие органы не является основанием для длительного неисполнения решений» (п. 30 постановления *Коваленко против России*).

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Непорожнев В.В. против Российской Федерации*. Сообщение № 1941/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: обвинение в применении пыток во время содержания в следственном изоляторе, по которому государством-участником не проведено должное расследование, и несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: эффективные средства правовой защиты, справедливый суд, пытки – незамедлительное и беспристрастное расследование.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в случае поступления жалобы о жестоком обращении, запрещенном статьей 7, государство-участник обязано провести ее безотлагательное и беспристрастное расследование[39](пункт 8.4 Соображений).

Комитет напоминает, что согласно требованиям пункта 3 d) статьи 14 [Пакта] обвиняемые должны присутствовать на разбирательствах, хотя при некоторых обстоятельствах разбирательство в отсутствие обвиняемого допускается в интересах должного отправления правосудия[40]. Комитет также напоминает, что разбирательство всех уголовных дел должно в принципе проводиться устно и быть открытыми для публики, за исключением случаев, когда суд принимает решение не допускать всю публику или часть ее по соображениям морали, общественного порядка (*ordre public*) или государственной безопасности[41]. Даже в тех случаях, когда публика лишена доступа на судебное разбирательство, судебное постановление, включая основные выводы, доказательства и правовую аргументацию, должно быть предано гласности[42] (пункт 8.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора, согласно которому он был задержан и по пути в отделение полиции был избит сотрудниками

---

[39] См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрете пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14, и, например, сообщение № 1304/2004, *Хорошенко против Российской Федерации*, Соображения, принятые 29 марта 2011 г., пункт 9.5.

[40] См. Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое разбирательство, пункт 36.

[41] Там же, пункт 29.

[42] Там же, пункт 29.

[правоохранительных органов]; его продержали в подвале отделения полиции до 8 часов утра следующего дня и на протяжении всей ночи, надев на него наручники, подвергали избиениям и причинили ему переломы челюсти и нескольких ребер; сотрудники полиции сдавливали ему горло ногой и не давали дышать, в результате чего образовались гематомы. Комитет также принимает к сведению представление государства-участника, согласно которому следствие, возбужденное по этому делу на основании жалобы автора, установило, что телесные повреждения автору нанесли неустановленные лица и что никто из сотрудников полиции к этому не причастен. В то же время Комитет отмечает, что согласно показаниям, данным представителями больницы на суде, 13 сентября 2006 г., когда автор уже находился под стражей в отделении полиции, для оказания ему неотложной медицинской помощи была вызвана машина «Скорой помощи», и сотрудники службы диагностировали переломы ребер и челюсти и гематомы. Комитет также указывает, что изначально следствие было закрыто, не выявив виновных в нанесении автору телесных повреждений, и что, несмотря на заявление государства-участника о возобновлении следствия 2 марта 2011 г., сведений о полученных в процессе возобновленного расследования результатах нет (пункт 8.2 Соображений).

Комитет… отмечает, что расследования, судя по всему, оказались безрезультатными, и что в заявлениях государства-участника и в выступлениях на суде автора и представителей больницы и отделения скорой помощи содержатся противоречивые сведения о сопутствовавших задержанию автора событиях и о том, как он получил тяжкие телесные повреждения. Комитет отмечает, что согласно постановлению… районного суда затребованные им медицинские документы прокуратура так и не представила (пункт 8.3 Соображений).

Принимая во внимание противоречивую информацию и отсутствие официальных выводов начатого 26 сентября 2006 г. следствия по факту применения пыток в отношении автора, Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела государство-участник не продемонстрировало, что его власти должным и эффективным образом отреагировали на своевременно и обоснованно выдвинутые автором обвинения в применении пыток, как в рамках внутреннего уголовного производства, так и в контексте настоящего сообщения. Соответственно, утверждениям автора следует придать должное значение. На этом основании Комитет заключает, что

находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта[43] (пункт 8.4 Соображений).

Комитет… отмечает заявления автора, касающиеся пунктов 1 и 3 d) статьи 14 [Пакта], согласно которым его периодически удаляли из зала заседаний суда во время слушания его дела и он не имел возможности дать показания в свою защиту, а приговор не был провозглашен публично… Комитет обращает внимание на то, что государство-участник не оспорило заявление автора, согласно которому его периодически удаляли из зала заседаний суда, а приговор не был провозглашен публично, и значит не обосновало, каким образом эти действия способствовали должному отправлению правосудия. С учетом этих обстоятельств следует придать должное значение обвинениям автора, и Комитет заключает, что находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пунктам 1 и 3 d) статьи 14 Пакта (пункт 8.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет по правам человека считает, что государство-участник нарушило права автора, закрепленные в статье 7 [Пакта], рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 [Пакта], а также пунктами 1 и 3 d) статьи 14 Пакта (пункт 9 Соображений).

В соответствии с пунктом 3 a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Это подразумевает полноценное возмещение причиненного вреда лицам, чьи предусмотренные в Пакте права были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано в том числе: a) провести тщательное и эффективное расследование утверждений автора, касающихся применения пыток в процессе его досудебного содержания под стражей; b) предоставить автору подробную информацию о результатах расследования; c) обеспечить преследование, судебное разбирательство и в случае признания виновности наказание всех виновных в совершении нарушений; d) предоставить автору достаточную компенсацию за вред, причиненный ему нарушениями. Государство-участник также обязано принять меры для предотвращения подобных нарушений в будущем (пункт 10 Соображений).

Сообщение: *Польских Ф.М. против Российской Федерации*. Сообщение № 2099/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 11 марта 2016 г.

---

[43] См., например, сообщение № 889/1999, *Жейков против Российской Федерации*, Соображения, принятые 17 марта 2006 г., пункт 7.2; и *Хорошенко против Российской Федерации*, пункт 9.5.

Тема сообщения: арест автора сообщения по подозрению в убийстве и принуждение его к даче признательных показаний под пытками.

Вопрос существа: эффективное средство правовой защиты; принуждение к даче признательных показаний; произвольные арест и задержание; справедливое разбирательство.

Правовые позиции Комитета: [П]ри поступлении жалобы на жестокое обращение в нарушение статьи 7 [Пакта] государство-участник должно незамедлительно провести беспристрастное расследование[44] (пункт 9.3 Соображений).

[Г]осударство-участник несет ответственность за обеспечение безопасности всех лиц в местах содержания под стражей, а в тех случаях, когда то или иное лицо получает телесные повреждения в заключении, государство-участник обязано представить доказательства, опровергающие утверждения об ответственности за это должностных лиц государства-участника[45] и подтверждающие проявление должной осмотрительности при защите лица, содержащегося под стражей (пункт 9.4 Соображений).

[Г]арантию, изложенную в пункте 3 g) статьи 14 Пакта, следует понимать как отсутствие любого прямого или косвенного физического или неоправданного психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемых с целью добиться признания теми своей вины[46]. Информация, полученная в результате пыток, не должна рассматриваться в качестве доказательств[47] (пункт 9.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждения автора сообщения о том, что он был избит и подвергнут пыткам сотрудниками милиции сразу же после его ареста 30 июля 2002 г. и в последующие дни. Автор сообщения утверждает, что его били резиновым шлангом, неоднократно подхватывали за ноги

---

[44] См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о статье 7: запрет на пытки или другие виды жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14, и, например, сообщение № 1304/2004, *Хорошенко против Российской Федерации*, Соображения, принятые 29 марта 2011 г., пункт 9.5.

[45] См. сообщения № 907/2000, *Сирагев против Узбекистана*, Соображения, принятые 1 ноября 2005 г., пункт 6.2; 889/1999, *Жейков против Российской Федерации*, Соображения, принятые 17 марта 2006 г., пункт 7.2; и *Жумбаева против Кыргызстана*, пункт 8.9.

[46] См., например, Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и на справедливый суд, пункт 41, и сообщения № 330/1988, *Берри против Ямайки*, Соображения, принятые 7 апреля 1994 г., пункт 11.7; 1033/2001, *Сингараса против Шри-Ланки*, Соображения, принятые 21 июля 2004 г., пункт 7.4; и 1769/2008, *Исмаилов против Узбекистана*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пункт 7.6.

[47] См. Замечание общего порядка № 32, пункт 41.

и бросали на пол, а также надевали на него противогаз с закрытым клапаном, в результате чего он потерял сознание. Комитет также отмечает, что автор сообщения представил копию справки, выданной больницей…, о том, что в период с 31 июля [2002 г.] по 21 августа 2002 г. у автора сообщения были диагностированы многочисленные травмы, в том числе перелом ребер и сотрясение мозга. Автор сообщения представил подробную информацию о жестоком обращении с ним и утверждает, что поданные в этой связи жалобы были проигнорированы обвинением и судами (пункт 9.2 Соображений).

Хотя в решении от 29 января 2003 г.… областного суда упоминаются утверждения автора сообщения о пытках, суд отклонил их, безапелляционно заявив, что показания по данному делу подтверждают вину обвиняемого. Комитет отмечает, что, согласно информации государства-участника, прокуратура неоднократно принимала решения об отказе в возбуждении дела по заявлениям автора сообщения о пытках и что эти решения были в конечном итоге подтверждены судами. Комитет также отмечает информацию государства-участника от 28 марта 2013 г., в соответствии с которой в неуказанный день в 2013 году… межрайонная прокуратура отменила решение от 21 декабря 2012 г. и решение от 2 декабря 2002 г. и распорядилась о проведении новой проверки утверждений автора сообщения. Комитет, однако, отмечает, что в результате проведенного расследования в апреле 2013 года было вновь отказано в возбуждении уголовного дела в связи с утверждениями автора сообщения о пытках. В то же время Комитет отмечает, что ни в приговоре, ни в постановлениях прокуратуры, ни в представлениях государства-участника в рамках текущего разбирательства не приводится никаких подробных сведений о конкретных мерах, принятых властями по расследованию заявлений автора сообщения. В частности, Комитет отмечает, что государство-участник не представило никаких объяснений относительно многочисленных и документально подтвержденных телесных повреждений, полученных автором сообщения сразу же после его ареста (пункт 9.3 Соображений).

Комитет считает, что при данных конкретных обстоятельствах по текущему делу государство-участник не представило доказательств того, что его власти оперативно и надлежащим образом проверили утверждение автора сообщения по поводу пыток как в контексте внутреннего уголовного производства, так и в контексте настоящего сообщения. Соответственно, к заявлениям автора сообщения следует отнестись со всей серьезностью. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора сообщения по статье 7 [Пакта], рассматриваемой как

отдельно, так и в сочетании с пунктом 3 статьи 2 Пакта[48]… С учетом недостаточного и не позволяющего сделать окончательный вывод расследования властями государства-участника утверждений автора сообщения о применении к нему пыток с целью получения признательных показаний Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют об отдельном нарушении прав автора сообщения, предусмотренных пунктом 3 g) статьи 14 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Комитет далее отмечает утверждения автора сообщения о том, что он подвергался пыткам и был поэтому вынужден признать свою вину в совершении ряда преступлений и что это признание было использовано судами в качестве доказательства его вины, несмотря на просьбы автора сообщения не приобщать такие показания к делу (пункт 9.5 Соображений).

Выводы Комитета: Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора сообщения по статье 7, рассматриваемой как отдельно, так и в сочетании с пунктом 3 статьи 2 и пунктом 3 g) статьи 14 Пакта (пункт 10 Соображений).

В соответствии с пунктом 3 a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору сообщения эффективное средство правовой защиты. Для этого оно должно обеспечить полное возмещение ущерба лицам, права которых, признаваемые в Пакте, были нарушены. Соответственно, государство-участник, в частности, обязано: a) провести тщательное и эффективное расследование утверждений автора сообщения о применении к нему пыток во время его содержания в следственном изоляторе; b) предоставить ему подробную информацию о результатах расследования; c) обеспечить судебное преследование и, в случае подтверждения вины, наказание лиц, ответственных за совершенные нарушения; d) обеспечить автору сообщения повторное судебное разбирательство с соблюдением всех гарантий, предусмотренных в Пакте; и e) обеспечить автору сообщения адекватную компенсацию за нарушения, от которых он пострадал. Государство-участник также обязано принять меры по недопущению аналогичных нарушений в будущем (пункт 11 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

[48] См., например, *Жейков против Российской Федерации*, пункт 7.2, и *Хорошенко против Российской Федерации*, пункт 9.5.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе **№ 47143/06 «Роман Захаров против России»** (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2015 г.).

Заявитель жаловался, что система тайного прослушивания мобильных телефонных разговоров в России не соответствовала требованиям статьи 8 Конвенции.

Европейский Суд отметил: «…заявитель в настоящем деле заявлял, что имело место вмешательство в его права в результате скорее лишь существования законодательства, допускающего тайное прослушивание разговоров по мобильному телефону, и риска быть подвергнутым мерам контроля, чем в результате применения какой-либо конкретной меры прослушивания в отношении него» (п. 163 постановления).

Суд также установил, что «…оспариваемое законодательство ввело в действие систему тайного наблюдения, при которой разговоры по мобильному телефону любого лица, пользующегося услугами российских операторов мобильной телефонной связи, могут быть прослушаны даже без уведомления о наблюдении. В этом смысле рассматриваемое законодательство напрямую затрагивает всех пользователей услуг мобильной телефонной связи» (п. 175 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «…ссылка на «предсказуемость» в контексте прослушивания коммуникаций не может нести тот же смысл, что и во многих других областях. Предсказуемость в особом контексте мер тайного наблюдения, таких как прослушивание разговоров, не может означать, что гражданин должен уметь предвидеть, когда власти, скорее всего, прослушают его переговоры, чтобы он смог соответствующим образом скорректировать свое поведение. Однако, именно тогда, когда полномочия, которыми наделена исполнительная власть, осуществляются в тайне, риск произвола становятся очевиден. Поэтому чрезвычайно важно существование четких, подробных правил прослушивания телефонных разговоров, особенно, когда используемые технологии все более совершенствуются. Национальное законодательство должно достаточно четко указывать гражданам на обстоятельства и условия, при которых государственные власти имеют право прибегнуть к какой-либо из таких мер» (п. 229 постановления).

Суд отметил, что «…так как осуществление на практике мер тайного наблюдения за переговорами не подлежит контролю со стороны заинтересованных лиц или широкой общественности, предоставление исполнительной власти или судье неограниченных дискреционных полномочий противоречило бы принципу верховенства права. Поэтому закон должен достаточно четко определять пределы и способы осуществления любых дискреционных полномочий, предоставленных

компетентным органам для обеспечения человеку надлежащей защиты от произвола властей» (п. 230 постановления).

Суд установил, что «…надзор и контроль над мерами тайного наблюдения может возникать на трех стадиях: когда было вынесено постановление об осуществлении наблюдения, когда оно осуществлялось, или после того, как оно прекратилось» (п. 233 постановления).

Европейский Суд отметил, что «…приложения к Приказу № 70 [Министерства связи][49], главным образом, описывают технические требования к оборудованию для прослушивания, которое должно быть установлено операторами связи. В то же время, требуя, чтобы рассматриваемое оборудование обеспечивало прямой доступ правоохранительных органов ко всем разговорам пользователей по мобильному телефону, и что правоохранительные органы не должны были регистрировать или записывать информацию о начатых ими прослушиваниях…[п]риложения к Приказу № 70 могут затронуть права пользователей на уважение частной жизни и корреспонденции. Поэтому Суд считает, что они должны быть доступны общественности» (п. 241 постановления).

Суд подчеркнул: «…и ФЗ об ОРД[50], и УПК РФ предусматривают, что телефонные и другие переговоры могут прослушиваться в связи с правонарушением средней тяжести, тяжким правонарушением или особо тяжким уголовным преступлением – то есть, правонарушением, за которое Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком более трех лет – которое было уже совершено, продолжается или задумано...Суд считает, что достаточно ясен характер правонарушений, которые могут привести к вынесению санкции о прослушивании. В то же время, он с озабоченностью отмечает, что российское законодательство разрешает прослушивание переговоров в отношении очень широкого круга уголовных преступлений, включая, например…карманные кражи» (п. 244 постановления).

Европейский Суд отметил «…отсутствие каких-либо разъяснений в российском законодательстве или установившейся судебной практике в отношении того, каким образом термины «лицо, которое может располагать сведениями об уголовном преступлении» и «лицо, которое

---

[49] Приказ № 70 «О технических требованиях к системе технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях электросвязи Российской Федерации», изданный Государственным комитетом Российской Федерации по связи и информатизации 20 апреля 1999 г., предусматривает, что оборудование, установленное операторами связи, должно соответствовать техническим требованиям, которые описаны в приложениях к Приказу.

[50] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

может располагать сведениями, имеющими отношение к уголовному преступлению» должны применяться на практике» (п. 245 постановления).

Суд также отметил, что «…в дополнение к прослушиванию в целях предотвращения или выявления уголовных преступлений, ФЗ об ОРД также предусматривает, что телефонные или иные переговоры могут быть прослушаны вследствие получения информации о событиях или деятельности, угрожающей национальной, военной, экономической или экологической безопасности России…Но нигде в российском законодательстве не определено, какие именно события или деятельность могут считаться угрожающими таким видам безопасности» (п. 246 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «…ФЗ об ОРД не дает никаких указаний на обстоятельства, при которых переговоры гражданина могут быть прослушаны ввиду событий или деятельности, угрожающих национальной, военной, экономической или экологической безопасности России. Он предоставляет властям практически неограниченные дискреционные полномочия при определении, какие события или действия представляют угрозу или являются достаточно серьезными для оправдания негласного наблюдения, тем самым создавая возможности для злоупотреблений» (п. 248 постановления).

Европейский Суд учел тот факт, что «…в России требуется получение предварительного судебного постановления, санкционирующего прослушивание. Такое судебное постановление может служить ограничением дискреционных полномочий правоохранительных органов в толковании общих терминов «лицо, которое может располагать сведениями об уголовном преступлении», «лицо, которое может располагать сведениями, имеющими отношение к уголовному преступлению», и «события или деятельность, угрожающие национальной, военной, экономической или экологической безопасности России», посредством соблюдения установленной судебной интерпретации терминов или установленной практики, чтобы удостовериться в наличии достаточных причин для прослушивания конкретных переговоров гражданина в каждом случае. Суд признает, что требование о вынесении предварительного судебного постановления является важной гарантией от произвола» (п. 249 постановления).

Суд установил, что «…что вполне резонно оставить общую продолжительность прослушивания на усмотрение соответствующих национальных властей, отвечающих за вынесение и продление судебных постановлений, санкционирующих прослушивание, при условии наличия достаточных гарантий, таких как четкое указание в национальном законодательстве периода времени, после которого истекает срок действия постановления о прослушивании, условий, при которых такое

постановление можно продлить, и обстоятельств, при которых оно должно быть отменено» (п. 250 постановления).

Суд подчеркнул, что «…в то время как российское законодательство содержит четкие правила о длительности и продлении прослушивания, предоставляя достаточные гарантии против злоупотреблений, положения ФЗ об ОРД в отношении прекращения мер по наблюдению не предоставляют надлежащих гарантий против произвольного вмешательства» (п. 252 постановления).

Суд отметил, что «…суд, выдавший разрешение на прослушивание, не уполномочен наблюдать за его реализацией. Он не уведомляется о результатах прослушивания и не имеет полномочий по контролю над соблюдением требований постановления о разрешении на прослушивание. Также российские суды не имеют полномочий для осуществления общего надзора над прослушиванием. Судебный надзор сводится к начальной стадии выдачи разрешения. Последующее наблюдение доверено Президенту Российской Федерации, Парламенту, Властям, Генеральному прокурору Российской Федерации, и уполномоченному прокурору более низкого уровня» (п. 274 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что «…в России лица, сообщения которых прослушивались, не уведомляются о данном факте ни в какой момент времени и ни при каких обстоятельствах. Следовательно, если в отношении субъекта прослушивания не будет возбуждено уголовное производство, и прослушанные данные не будут использованы в качестве доказательства, или если не произойдет утечка информации, рассматриваемое лицо никогда не узнает о том, что его разговоры прослушивались» (п. 289 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…российские законоположения, регулирующие прослушивание разговоров, не предоставляют надлежащих и достаточных гарантий от произвола и риска злоупотребления, который присущ системе негласного наблюдения, и который особенно высок в системе, где службы безопасности и полиция имеют прямой доступ, за счет технических средств, ко всем разговорам по мобильным телефонам. В частности, обстоятельства, при которых органы государственной власти имеют право прибегнуть к мерам негласного наблюдения, не определены достаточно четко. Положения о прекращении негласного наблюдения не предоставляют достаточных гарантий от произвольного вмешательства. Национальное законодательство разрешает автоматическое сохранение явно не имеющей отношения к делу информации и не является достаточно четким в отношении обстоятельств, при которых материалы перехвата можно хранить и уничтожать после окончания судебного процесса. Порядок получения разрешения не способен гарантировать, что приказ о применении мер негласного наблюдения будет отдан только в случае «необходимости в демократическом обществе». Надзор за

прослушиванием, как он организован на настоящий момент, не соответствует требованиям к независимости, полномочиям и компетенции, достаточным для осуществления эффективного и непрерывного контроля общественности и эффективности на практике. Эффективность средств правовой защиты подорвана отсутствием уведомления в любой момент прослушивания или достаточного доступа к документам, имеющим отношение к прослушиванию...Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции» (пп. 302, 305 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе **№68736/11 «Лыкова против России»** (вынесено 22 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель жаловалась, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на то, что ее сын был лишен свободы в нарушение действующего национального законодательства.

Европейский Суд подчеркнул, что «…неприменение в отношении лица мер принуждения для обеспечения его явки не является однозначным критерием, позволяющим установить наличие или отсутствие факта лишения свободы» (п.78 постановления).

Суд установил, что «…Власти не предоставили доказательств того, что [сын заявителя] покидал отдел милиции в какой-либо момент времени, а также что мог сделать это по своему усмотрению…Таким образом, Суд считает, что заявитель был лишен свободы по смыслу статьи 5 Конвенции» (п. 78 постановления).

При этом Суд также указал на то, что «…Властям так и не удалось четко пояснить, какое именно предполагаемое обязательство[51] было нарушено [сыном заявителя] до его задержания. В связи с тем, что иных оснований для лишения [сына заявителя] свободы Суду не было представлено, Суд полагает, что [сын заявителя] подвергся произвольному лишению свободы, поскольку его задержание не подпадало ни под один из случаев, перечисленных в пункте 1 статьи 5 Конвенции» (п. 81 постановления).

Далее заявитель жаловалась на то, что в ходе пребывания в отделе ее сын подвергся избиению со стороны сотрудников правоохранительных органов, при этом действия последних были направлены на получение от

[51] Власти ссылались на подпункт «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, в силу которого никто не может быть лишен свободы иначе как в случае законного задержания или заключения под стражу (ареста) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом.

ее сына признательных показаний и в конечном итоге стали причиной его смерти. Заявитель также указывала на то, что по данному делу не было проведено какого-либо эффективного расследования.

Европейский Суд установил, что «…проведенные сотрудниками следственного отдела следственные действия были главным образом направлены на установление вредных привычек и связей [сына заявителя], а также его вымышленных суицидальных наклонностей…[Д]аже после возбуждения дела основной оставалась версия о внезапном самоубийстве [сына заявителя], в то время как иные варианты развития событий даже не рассматривались. В связи с этим, проведенное расследование не может рассматриваться как соответствующее критерию тщательности» (п. 107 постановления).

Суд также отметил, что «…несмотря на создание в Центральном федеральном округе нового специального отдела Следственного комитета Российской Федерации, цель деятельности которого заключается именно в расследовании преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов, поданное заявителем требование о передаче расследования в производство такого отдела было необоснованно отклонено» (п. 108 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «…уголовное дело, возбужденное по факту гибели [сына заявителя] и по жалобе на жестокое обращение с ним, не удовлетворяло обязательному критерию «эффективности». Следовательно, имело место нарушение статей 2 и 3 Конвенции в их процессуальном аспекте» (п. 109 постановления).

Суд также заключил,что «…жестокие действия, совершенные в отношении [сына заявителя], рассмотренные в совокупности, причинили боль и «сильные» страдания и представляют собой особо тяжкие и жестокие действия. Следовательно, такие действия должны рассматриваться как пытки согласно статье 3 Конвенции…[О]бращение, которому подвергся потерпевший…являлось нарушением статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте» (пп. 126-127 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе **№17724/14 «Таджибаев против России»** (вынесено 1 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Заявитель утверждал, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он мог быть подвергнут жестокому обращению из-за своей национальности принадлежности[52]. Он также жаловался на то, что российские власти

[52] Заявитель является этническим узбеком.

отказались серьезно и тщательно рассматривать его доводы относительно риска жестокого обращения в запрашивающей стране.

Европейский Суд установил, что «…в 2012 году ситуация на юге [Кыргызстана] была отмечена применением пыток и других жестоких видов обращения в отношении этнических узбеков со стороны правоохранительных органов, и после событий в июне 2010 года случаи применения пыток и других жестоких видов обращения участились, причем теперь они отягощались безнаказанностью правоохранительных органов…[П]роблему необходимо было рассматривать на фоне развития этнического национализма в политике Кыргызстана, в особенности на юге, роста межэтнического напряжения между киргизами и узбеками, длительной дискриминации узбеков на государственном уровне и подавляющего меньшинства узбеков, среди прочего, в правоохранительных и судебных органах» (п. 42 постановления).

Суд подчеркнул, что «…если заявитель заявляет о своей принадлежности к группе лиц, в отношении которых систематически применяется жестокое обращение, то в случае представления заявителем серьезных оснований, позволяющих убедиться в наличии такой практики и его принадлежности к такой группе (на основании, в случае необходимости, сведений, изложенных в последних докладах независимых международных правозащитных или неправительственных организаций), заявитель подпадает под защиту статьи 3[Конвенции]» (п. 43 постановления).

Европейский Суд отметил, что «…заявление заявителя о предоставлении ему статуса беженца было отклонено, как неприемлемое, миграционными органами, которые пришли к выводу – и их вывод был впоследствии подтвержден российскими судами – что заявителю не может быть предоставлен статус беженца, поскольку не имелось доказательств, что его преследовали на основании его этнической принадлежности…[Д]оводы заявителя относительно риска жестокого обращения не получили должной оценки на национальном уровне» (п. 44 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…с учетом доказанного широко распространенного и повседневного применения в отношении членов узбекской диаспоры, к которой принадлежит заявитель, пыток и других жестоких видов обращения со стороны правоохранительных органов на юге Кыргызстана, а также с учетом безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточной защиты для заявителя в запрашивающей стране…[обосновано] наличие реальной угрозы применения в отношении заявителя обращения, запрещенного статьей 3, в случае его возвращения в Кыргызстан» (п. 48 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе **№8474/14 «Набид Абдуллаев против России»** (вынесено 15 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что в случае его выдачи в Кыргызстан он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежит к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что «…в отличие от других ранее рассмотренных Судом дел против России, касающихся экстрадиции в Кыргызстан, в настоящем деле внутригосударственные органы власти рассмотрели доводы заявителя, подтверждаемые различными источниками ООН[53] и докладами НПО[54], относительно существования распространенной практики пыток и иных форм жестокого обращения с узбеками в Кыргызстане, особенно в контексте уголовного преследования за преступления, связанные с событиями, произошедшими в июне 2010 года. Однако они сочли, что эти обстоятельства сами по себе не могут считаться достаточными для отказа в выдаче заявителя Кыргызстану… [В]нутригосударственные суды придали особое значение дипломатическим заверениям властей Кыргызстана, которых, по их мнению, достаточно для устранения угрозы того, что заявитель будет подвергнут жестокому обращению в случае его выдачи» (п. 64 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…с учетом подтвержденного, широко распространенного и повсеместного применения пыток и других видов жестокого обращения правоохранительными органами в южной части Кыргызстана по отношению к представителям узбекского сообщества, к которому принадлежит заявитель, безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточных гарантий для заявителя в запрашивающем государстве…[обоснованно], что заявитель может столкнуться с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3, в случае возвращения в Кыргызстан» (п. 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы на постановления о заключении под стражу не были рассмотрены безотлагательно, а также на отсутствие эффективной процедуры, в соответствии с которой он мог бы оспорить его содержание под стражей.

Суд установил, что «…время, которое потребовалось…краевому суду для рассмотрения жалобы заявителя на вынесенное судом первой инстанции постановление о заключении под стражу, в настоящем деле можно назвать чрезмерным [краевой суд рассмотрел данную жалобу через

[53] Организация Объединенных Наций
[54] Неправительственная организация

сорок восемь дней после ее подачи]. Это не отвечает требованию «безотлагательности», предусмотренному пунктом 4 статьи 5 Конвенции» (п. 83 постановления).

Что касается предполагаемой невозможности добиться пересмотра вопроса о содержании под стражей, Европейский Суд пришел к выводу, что «…в деле заявителя периодический судебный пересмотр его содержания под стражей проводился через разумные интервалы времени и обеспечил быструю оценку нового фактора, который мог повлиять на законность содержания под стражей...Соответственно, в данном отношении не было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пп. 92-93 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе **№20999/14 «Мухитдинов против России»** (вынесено 21 мая 2015 г., вступило в силу 19 октября 2015 г.).

Заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что национальные власти не рассмотрели его заявления о риске жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан, и что в случае такой экстрадиции он будет подвержен такому риску.

Суд установил, что заявитель «…был объявлен в розыск узбекскими властями в связи с обвинениями в предполагаемом участии в мусульманской экстремистской организации. Эти обвинения стали основанием для запроса об экстрадиции и постановления об аресте, выданного в отношении заявителя» (п. 53 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «…несмотря на то, что заявитель выдвинул обоснованное заявление о риске жестокого обращения с ним со стороны узбекских правоохранительных органов…Генеральная прокуратура Российской Федерации разрешила его экстрадицию в Узбекистан без рассмотрения существующих для заявителя рисков и просто сослалась на отсутствие «препятствий» для высылки» (п. 49 постановления).

Суд заключил, что «…внутригосударственные суды также не оценили на должном уровне жалобы заявителя согласно статье 3 Конвенции…[суды] отказали в рассмотрении, в ходе судебных разбирательств по вопросу об экстрадиции, широкого ряда ссылок на прецедентную практику Суда, доклады органов ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане и, по-видимому, придали решающее значение заверениям узбекских органов власти, принимая их как должное, без анализа контекста, в котором они были предоставлены, или осуществляя их подробную оценку в соответствии с требованиями Конвенции» (п. 50 постановления).

Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей привело к нарушению подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции, а также на тот факт, что он не мог добиться судебного пересмотра содержания под стражей в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Суд отметил, что «…экстрадиция заявителя была разрешена в отношении преступлений, которые классифицируются в качестве преступлений средней тяжести в соответствии с российским законодательством. В таких обстоятельствах максимальный период содержания под стражей установлен законом в качестве шести месяцев, и в случае заявителя он истек 30 декабря 2013 года. Его содержание под стражей после указанной даты перестало являться законным в соответствии с внутригосударственным законодательством С]ледовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пп. 84-85 постановления).

Европейский Суд также заключил, что «…[о]бластной суд в первую очередь рассмотрел жалобу заявителя по существу и вынес распоряжение о его освобождении только..через семьдесят дней после того, как его содержание под стражей перестало являться законным. Из этого следует, что рамки судебного пересмотра являлись явно ненадлежащими и что соответствующие судебные разбирательства не являлись «безотлагательными» согласно значению пункта 4 статьи 5 Конвенции» (п. 97 постановления).

Кроме того, представители заявителя утверждали, что его исчезновение и возможное незаконное выдворение из России, непринятие российскими властями необходимых защитных мер, и отсутствие эффективного расследования по данному вопросу привели к нарушению обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Вместе с тем Европейский Суд отметил, что «…уголовное расследование возможного похищения заявителя было начато незамедлительно…возбуждение уголовного дела является наилучшей, если не единственной, процедурой в российской системе уголовного права, способной соблюсти требования Конвенции к эффективному расследованию» (п. 66 постановления).

Суд установил, что «…исчезновение заявителя приводит к возникновению опасного положения, в котором он лишен защиты, предоставляемой механизмом Конвенции, и лишен возможности участия в разбирательствах в Суде, и ставит под вопрос исполнение постановления, если оно вступит в силу…Следовательно…Россия проигнорировала обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, в нарушение обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции» (пп. 95-96 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе **№21049/06 «Рустам Ходжаев против России»** (вынесено 12 ноября 2015 г., вступило в силу 12 февраля 2016 г.)[55].

Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявитель жаловался на жестокое обращение во время его задержания сотрудниками правоохранительных органов, а также на недостатки расследования, касающегося жалоб на жестокое обращение.

Европейский Суд установил, что «…в совокупности медицинские справки, представленные заявителем, а также его показания дают достаточные основания считать, что травмы могли быть получены заявителем от сотрудников милиции» (п. 64 постановления).

Суд отметил, что «…органы власти, ответственные за проведение расследования, не приняли всех необходимых мер для подтверждения или опровержения заявлений о жестоком обращении и установления происхождения телесных повреждений…[Н]есмотря на требование заявителя о проведении допроса свидетелей, присутствовавших непосредственно при задержании, следователи, очевидно, не приняли никаких мер для проверки существования таких свидетелей и, в случае необходимости, для установления их личности и их допроса. Наконец, не было принято мер для сопоставления показаний сотрудников милиции с показаниями заявителя, в частности, путем следственного эксперимента…[С]отрудники правоохранительных органов…давали противоречивые показания, касающиеся проведения задержания, и этот вопрос никогда не был предметом анализа для следователей» (п. 66 постановления).

Европейский Суд пришел к заключению, что «…расследование по жалобам на жестокое обращение не соответствовало требованиям статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте» (п. 69 постановления).

Заявитель также жаловался, что отсутствие защитника в ходе заседания суда кассационной инстанции повлекло за собой нарушение его прав на справедливое судебное разбирательство и на помощь защитника, предусмотренных статьей 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «…заявитель многократно требовал, чтобы в ходе заседания суда кассационной инстанции его представлял назначенный адвокат, который уже представлял его интересы в суде первой инстанции. Это не оспаривалось сторонами. Кроме того, ни один документ из материалов дела не позволяет установить, что заявитель

---

[55] По вопросу нарушения ст.3 Конвенции в связи с жестоким обращением см. также постановления Европейского Суда по жалобам *№22458/04 «Захарин и другие против России»* и *№ 4722/09 «Турбылев против России».*

намеренно отказался от помощи защитника в кассационной инстанции» (п. 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…отсутствие квалифицированной правовой помощи поставило заявителя в неблагоприятное положение по отношению к обвинению…[В] настоящем деле было допущено нарушение пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции» (пп. 88-89 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых международными договорными органами ООН, находятся по адресу: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики